РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Tom XXVI • 2023 • № 1

Санкт-Петербург

Российская академия наук Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Адрес редакции: 191186, г. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., д. 18. Адрес издателя: 191186, Санкт-Петербург, д. 18. Тел.: +7 (812) 315-87-28 http://orientalstudies.ru mongolica@orientalstudies.ru kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Регистрационный номер свидетельства о регистрации средства массовой информации ПИ No ФС77-79202 от 22 сентября 2020 г.

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Tom XXVI • 2023 • № 1

Выходит 4 раза в год Издается с 1986 г. Учредитель: ФГБУН Институт восточных рукописей РАН

Номер посвящается юбилею монголоведа Нины Павловны Шастиной (1898–1980)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, главный редактор, доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, секретарь, кандидат филологических наук (Poccuя)

М. А. Козинцев, помощник секретаря (Россия)

Г. Билгуудэй, доктор филологических наук (Монголия)

А. Бирталан, доктор наук (Венгрия)

Р. М. Валеев, доктор исторических наук (Россия)

Л. С. Дампилова, доктор филологических наук (Россия)

И. В. Зайцев, доктор исторических наук, профессор PAH (Poccuя)

Ж. Легран, доктор наук, профессор (Франция)

В. Капишовска, доктор наук (Чехия)

С. Л. Невелева, доктор филологических наук (Россия)

К. В. Орлова, доктор исторических наук (Россия)

М. П. Петрова, кандидат филологических наук (Россия)

Р. Поп, доктор наук (Румыния)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук, профессор (Россия)

С. Чулуун, академик МАН (Монголия)

Е. Э. Хабунова, доктор филологических наук (Россия)

Н. Хишигт, кандидат исторических наук (Монголия)

Н. С. Яхонтова, кандидат филологических наук (Россия)

Оригинал-макет - М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор - М. А. Козинцев

Подписано в печать 24.03.2023

Формат 60×90 ¹/_с. Объем 10 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4. e-mail: editor@isvoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

ISSN 2311-5939

B HOMEPE:

С. С. Сабрукова. Обзор личного фонда Н. П. Шастиной (1898–1980)	
в Архиве востоковедов ИВР РАН	5
историография. источниковедение. история	
Р. Ю. Почекаев. Процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о статусе судьи-дзаргучи	
в Монгольской империи XIII в	4
Ю. И. Елихина. Находки из Южного Хангая монголо-тибетской экспедиции	
П. К. Козлова в коллекции Государственного Эрмитажа	2
Т. Д. Скрынникова. «Плач» Толуя в «Тайной истории монголов»	9
РИЛОЛОГИЯ	
Ч. Заяасүрэн. Хүүхдийн оюун ухааны хөгжилд аман зохиолын бага төрөл нөлөөлөх нь	
(О влиянии малых жанров фольклора на интеллектуальное развитие детей)	5
ГО. Батзаяа. Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хуваалаан түүх, өнөөгийн байдал	
(История и современное состояние классификации монгольских языков и их диалектов) 4	
Ц. Б. Селеева. Поэтические особенности калмыцких народных загадок	1
БХ. Б. Цыбикова. Традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии	3
Д. В. Убушиева. Иван Иванович Попов и его коллекция калмыцкого фольклора	0
научная жизнь	
Ю. В. Болтач. Одиннадцатые петербургские тибетологические чтения	
(28 ноября 2022 г., ИВР РАН)	3
Т. Г. Басангова. Труды фольклористов Калмыцкого государственного	
университета им. Б. Б. Городовикова за 2022 год	8
Н. В. Ямпольская. Рец. на: Чингис хааны нийслэл Хархорум хотын өв /	
Ред. А. Энхтөр, ерөнхий ред. Г. Эрэгзэн, С. Чулуун. 2021. – 244 x	1
IN MEMORIAM	
М. П. Петрова. Памяти Д. Цэдэва (1940–2023)	5

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES Institute of Oriental Manuscripts (Asiatic Museum)

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVI • 2023 • No. 1

The journal is published four times a year. Published since 1986 Founder: Federal State Institution of Science Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Dedicated to the anniversary of the Mongolist Nina Pavlovna Shastina (1898-1980)

191186. Russian Federation Saint Petersburg, Dvortsovaya Emb., 18 Phone: +7 (812) 315-87-28 http://orientalstudies.ru mongolica@orientalstudies.ru kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Editorial board:

I. V. Kulganek — editor-in-chief, D. Sc. (Philology), Russian Federation

D. A. Nosov — secretary, Cand. Sc. (Philology), Russian Federation

M. A. Kozintcev — assistant secretary, Russian Federation

G. Bilguudei. D. Sc. (Philology), Mongolia

A. Birtalan. Ph. D., Hungary

S. Chuluun. Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

L. S. Dampilova. D. Sc. (Philology), Russian Federation

J. Legrand. D. Sc., Professor, France

V. Kapishovska. Ph. D., Czech Republic

E. E. Khabunova, D. Sc. (Philology), Russian Federation

N. Khishigt. Ph. D. (History), Mongolia

S. L. Neveleva. D. Sc. (Philology), Russian Federation

K. V. Orlova. D. Sc. (History), Russian Federation

M. P. Petrova. Ph. D. (Philology), Russian Federation

R. Pop. Ph. D., Romania

T. D. Skrynnikova. D. Sc. (History), Russian Federation

R. M. Valeev. D. Sc. (History), Russian Federation

N. S. Yakhontova. Cand. Sc. (Philology), Russian **Federation**

I. V. Zaytsev. D. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

IN THIS ISSUE:

Svetlana S. Sabrukova. Review of N. P. Shastina's (1898–1980) collection (from the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences)	5
· ·	3
HISTORIOGRAPHY. SOURSE STUDIES. HISTORY	
Roman Yu. Pochekaev. Trial of 1251 and Munqesar-noyon: On the status of jarguči in the Mongol empire of the 13th c	14
Yuliya I. Elikhina. Finds of the Mongolo-Tibetan expedition headed by P.K. Kozlov from Southern Khangai in the collection of the State Hermitage	22
Tatiana D. Skrynnikova. The "Lamentation" of Tolui in "The Secret History of the Mongols"	
STUDIES IN PHILOLOGY	
Chuluun ZAYASUREN. Influence of Minor Folklores Gentres on Intellectual Development of Children	35
Gerolt-Od BATZAYA. The History and Current Situation of Classification of the Mongolian Languages and Dialects	41
Tsagan B. Seleeva. Poetic Features of Kalmyk Folk Riddles	61
Badma-Khanda B. Tsybikova. Traditional folklore in the Buryat Diasporas of China and Mongolia	73
Danara V. Ubushieva. Ivan Ivanovich Popov and his collection of Kalmyk folklore	80
REVIEWS	
Iuliia V. Boltach. The eleventh St. Petersburg seminar of Tibetan studies (St. Petersburg, November 28, 2022)	93
Tamara G. Basangova. Works of Folklorists of Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov published in 2022	98
Natalia V. Yampolskaya. Rev. of the book: Heritage of Chinggis Khaan's Capital City Karakorum / Ed. A. Enkhtur; Comp. L. Munkhbayar, T. Batbayar. Ulaanbaatar, 2021. – 244 p.: ill. (Archaeological Relics of Mongolia Catalogue Series / Edsin. chief G. Eregzen, S. Chuluun	
V. 11) (in Mongolian)	. 101
IN MEMORIAM	
Mariia P. Petrova. In memory of D. Tsedev (1940–2023)	. 105

С. С. САБРУКОВА Институт восточных рукописей РАН

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА Н. П. ШАСТИНОЙ (1898–1980) В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИВР РАН

Статья-обзор посвящена биографии монголоведа, историографа истории Монгольской Народной Республики МНР и отечественного востоковедения Нины Павловны Шастиной (1898–1980)й и описанию состава документов в ее фонде (Ф. 146), хранящемся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Некоторые моменты из жизни ученого освещаются по данным неопубликованных ранее документов. Особый интерес представляют письма Шастиной к Т.А. Бурдуковой, в которых она рассказывает о своей научно-организационной деятельности. Дается описание документов, сохранившихся в фонде: научных трудов и материалов к ним (1922–2003), документов к биографии (1922 — не позднее 1980), по научно-организационной и педагогической деятельности (1937–1980), документов родственников (не позднее 1980), научных трудов и материалов других лиц (1905–2008).

Ключевые слова: Н. П. Шастина, изучение истории, историография МНР, отечественное востоковедение, архивные материалы.

Об авторе: Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ssabrukova@yandex.ru) ORCID 0000-0001-7983-4291.

© ИВР РАН, 2023

© Сабрукова С.С., 2023

Нина Павловна Шастина родилась в г. Иркутске 19 декабря 1898 г. В 1909 г. поступила в частную женскую гимназию А. М. Григорьевой, которую окончила в 1916 г. В 1918 г. поступила на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета, в 1923 г. окончила его. Сразу же по окончании университета уехала с семьей к отцу, командированному на службу в Монгольскую народ-

ную армию главным врачом. С февраля 1924 г по предложению Полпредства СССР преподавала обществоведение в Советской единой трудовой школе. С 1926 г. по 1928 г. не работала, лечилась от туберкулеза. С 1928 г. стала сотрудничать в журнале «Хозяйство Монголии» и с 1933 г. — в журнале «Современная Монголия», публикуя статьи по вопросам монголоведения. С 1928 по 1932 гг. заведовала статистическим отделом в Ветеринарно-Зоотехническом управлении МНР. С 1932 по 1937 гг. работала в Монгольском Ученом Комитете, заведующей библиотекой. В январе 1937 г. переехала в Ленинград и поступила на работу в Библиотеку Академии наук СССР, в научно-библиографический отдел старшим библиографом. С весны 1941 г. по май 1942 г. заведовала библиотекой Института этнографии. Затем была принята на работу в монгольский кабинет Института востоковедения АН СССР, в котором до этого работала по договору над составлением монгольского словаря, занималась расписыванием карточек. В июле 1942 г. вместе с Институтом эвакуировалась в Казань, откуда уехала в Иркутск. В 1943 г. и 1944 г. работала консультантом в художественном музее и ведущим в Радиокомитете. С осени 1944 г. — старший преподаватель на кафедре истории СССР в Иркутском государственном университете. В сентябре 1945 г. переехала в Артек, чтобы ухаживать за больной матерью и работала в школе. В августе 1946 г. вернулась в Ленинград и восстановилась на работу в Институте востоковедения сначала в библиотеке (4 месяца), а затем младшим научным сотрудником в Сектор монгольской филологии. В своем кратком отчете о работе за 1946-1949 гг. пишет, что, в основном, занималась написанием диссертации, в 1947 г. ездила в научную командировку в Москву, где работала в Государственном архиве древних актов. В 1948 г. Нина Павловна представила на обсуждение монгольского кабинета ИВ АН СССР вариант диссертации на тему: «Первые сношения Московского государства с Алтын-Ханами Западной Монголии». В 1949 г. Нина Павловна взяла плановую работу по теме «Монгольская летопись "Шара туджи" — сводный текст, перевод и примечания». За первый квартал был составлен сводный текст с трех списков летописи и переведено 80 страниц¹. В мае 1950 г. защитила диссертацию на тему «Первые отношения Московского государства с Западной Монголией в XVII в.».

8-го июня 1950 г. была уволена из Института в связи с сокращением штатов, 14-го июня по требованию Тихоокеанского Института была командирована в Москву, где пробыла до 7-го июля, работала над редакцией истории МНР².

9-го августа принята на работу в Институт востоковедения АН СССР (Москва), в сектор Монголии и Кореи младшим научным сотрудником. В 1951 г. в составе редакционной коллегии принимала участие в работе по первому сборнику «Очерки по истории русского востоковедения». В 1952 г. начала работу над публи-

 2 Личное дело Шастиной Н. П. (АВ ИВР РАН-2: 2).

кацией монографии «История русско-монгольских отношений (1616-1911)» общим объемом 20 п.л. В 1953 г. Нина Павловна работала над составлением историографии МНР, редактированием «Истории МНР», подбором иллюстрации к «Истории МНР» и продолжила работу по переводу и комментированию монгольской летописи «Шара туджи» (1,5 а.л.). Вне плана были написаны две рецензии: на статью «Монголы» для «Народов мира»: историко-этнографического справочника, издаваемого Институтом этнографии, и на работу А.Т. Якимова «Реакционная роль буддизма в истории монгольского народа». С 27 января по 16 февраля 1953 г. по поручению дирекции ИВ ездила в командировку в Улан-Удэ на конференцию по бурят-монгольскому эпосу «Гэсэр», где прочитала доклад «Народные элементы в монгольском эпосе «Гэсэр». Написала статью «Значение трудов Бичурина для истории русского востоковедения» и выступила на сессии в честь Иакинфа Бичурина (1777–1853)3.

Н. П.Шастина активно занималась редакторской деятельностью, в 1954 г. вышла из печати коллективная монография История Монгольской Народной Республики, Н. П. Шастина была членом авторской коллегии с советской стороны и редактором. В 1955 г. она в компании Г. Д. Санжеева (1902–1982)⁴ и Г. И. Михайлова (1909–1986)⁵ поехала в Улан-Удэ на научную сессию в честь столетия со дня смерти Д. Банзарова (1822–1855)⁶, где выступила с докладом «Эпиграфика в работах Доржи Банзарова»⁷. В этом же время она как секретарь

¹ Монгольский сектор. Отчеты сектора за I и II кварталы 1949 г. и его сотрудников за 1949 г. Протоколы заседаний сектора (АВ ИВР РАН-1: 5; 20). Здесь и далее в ссылках на архивные материалы указываются не страницы, а листы.

³ Иакинф — архимандрит Русской православной церкви; востоковед и путешественник, знаток китайского языка, один из основоположников российской синологии, первый китаевед, получивший общеевропейскую известность.

⁴ Санжеев Гарма Данцаранович, советский филолог-монголовед, доктор филологических наук [Милибанд, 2008. С. 304].

⁵ Георгий Иванович Михайлов, специалист в области монгольской литературы [Раднаев, 2012. С. 216].

⁶ Доржи Банзаров — первый бурятский ученый, знаток истории и этнографии народов Центральной Азии.

⁷ Среди архивных материалов Н. П. Шастиной сохранился текст доклада: «Эпиграфика в работах Доржи Банзарова» для научной сессии, посвященной 100-летию со дня смерти Д. Банзарова с дополнениями автора. Автограф, машинопись с правкой. Опубл.: К столетию со дня смерти Доржи Банзарова: материалы науч. сессий и ст. Улан-Удэ, 1955. С. 47–59.

редколлегии начала собирать статьи для сборника, посвященного памяти Б. Я. Владимирцова. Из ее писем к Т. А. Бурдуковой известно, что она занимала должность ученого секретаря ИВ и много времени уделяла организаторской деятельности. Из-за большой загруженности разными делами Нина Павловна пишет, что пропустила несколько защит диссертаций и среди них одну литературную «ленинградского мальчика о китайской драме». Последним, видимо является Л. Н. Меньшиков $(1926-2005)^2$. В декабре 1955 г. Лев Николаевич досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современная реформа китайской классической драмы». Другой хорошей новостью, с которой Нина Павловна с радостью делится с Таисией Алексеевной является известие о том, что в ИВ приняли на работу Петра Емельяновича Скачкова (1892–1964)³, историка-китаеведа, специалиста в области библиографии, историографии и публикации памятников. Также описываются события, которые происходили в эти годы в ИВ АН СССР, когда директором института был А. А. Губер $(1902–1971)^4$ и опасения Шастиной, что Восточный институт могут открыть в Ленинграде. Речь идет об Институте восточных языков при МГУ (1956 г.) (ныне ИСАА МГУ), одним из основателей которого является А. А. Губер.

О себе Нина Павловна пишет, что обрабатывает монгольские письма XVII в. И среди них нашла две калмыцкие записки, написанные монгольским письмом, а не «ясным письмом»⁵, т.к. «оно еще не было изобретено тогда. Также она пишет, что «наткнулась также на остаток печати Батура-хунтайджи⁶. Очень интересная печать, хотя и плохой сохранности — 4 горизонтальных строки на 3-х языках — из них на тибетском в двух шрифтах — лань-чжа⁷

 $^{^1}$ Письма Шастиной Н. П. к Бурдуковой Т. А. (1955–1966) (АВ ИВР РАН-3. С. 1–27).

² По окончании университета в 1952 г. Л. Н. Меньшиков по представлению Б. И. Панкратова и Г. Ф. Смыкалова был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую он закончил в Москве под руководством Льва Залмановича Эйдлина. В декабре 1955 г. Лев Николаевич досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современная реформа китайской классической драмы» и 31 декабря того же года был зачислен младшим научным сотрудником в штат Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [Попова, 2006. С. 6].

³ Петр Емельянович Скачков (1892–1964), историк-китаевед, специалист в области библиографии, историографии и публикации памятников. Род. в 1892 г. в СПб., русский, из крестьян, образование высшее (в 1912-1914 гг. учился в Практической восточной академии; в 1925 окончил Ленинградский институт живых восточных языков). Участник Гражданской войны. В 1925-1928 гг. работал в Китае в калганской группе советских военных советников. С 1930 г. — научный сотрудник ИВ АН СССР. Кандидат экономических наук (1935, без защиты). Арестован 12.02.1937; приговорен к 10 годам ИТЛ с поражением в правах; наказание отбывал на Колыме; освобожден по состоянию здоровья в 1946 г., но не смог вернуться в Ленинград, оставлен работать в отделе кадров Дальстроя. В 1949 г. — сотрудник отдела кадров Дальстроя. Арестован 25.01.1949; приговорен ОСО при МГБ СССР к бессрочной ссылке в Красноярский край; сослан этапом в дер. Данилки Тасеевского р-на Красноярского края, преподавал бухгалтерский учет в школе, работал счетоводом. Освобожден и реабилитирован в 1954 г. С 1955 г. — младший, с 1956 г. — старший научный сотрудник ИВ АН СССР. Умер 07.11.1964 [Васильев, Сорокина, 2003. С. 352-353].

⁴ В эти годы директором Института востоковедения АН СССР был А. А. Губер (1902–1971), историк, специалист по истории стран Юго-Восточной Азии, доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР. Когда в 1950 г. ИВ АН был переведен из Ленинграда в Москву, профессор Губер стал сначала заведующим сектором, а затем и директором (1953–1957). Свидетельством признания его научных заслуг стало избрание его членом-корреспондентом АН СССР (1953 г.) и председателем Национального комитета историков СССР (1957 г.), а также назначение А. А. Губера заместителем академика-секретаря Отделения истории АН [Милибанд, 2008. С. 379].

⁵ Письменность, созданная в 1648 г. на основе старомонгольского письма ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой.

⁶ Батур-хунтайджи (Эрдэни Батур-Хунтайджи) (? — ок. 1653, Кабук-Сари), основатель и первый правитель (1635–1653) Джунгарского ханства. Старший сын чороского хана Хара-Хулы, при котором стало складываться государство ойратов. Стал инициатором проведения в Джунгарии в 1640 г. всемонгольского съезда ойратских и халхаских феодалов с целью объединения страны перед угрозой вторжения маньчжурских завоевателей. На съезде был принят единый свод законов, т. н. Великое уложение (Цааджийн-бичиг). Б.-Х. поощрял занятие земледелием и ремеслами, поддерживал дипломатические и торгово-экономические связи с соседями, в т. ч. с Россией, способствовал возведению ламаистских монастырей и храмов, за что получил от Далай-Ламы почетный титул Эрдэни (драгоценный).

⁷ Одна из индийских письменностей, получившая развитие в XI в. из письма брахми. В Тибете она известна под названием ланца и использовалась для записи санскритских первоисточников.

и обычный шрифт. Смогла прочесть только тибетскую строку — яснее других. Калмык называет себя — царь царей! Каково? Читала также очень интересные документы о посольствах «княгини Гунжи» — жены Гуши-хана¹. Энергичная была дама».

В одном из писем (1956 г.) Нина Павловна рекомендует вниманию Т. А. Бурдуковой свою ученицу, молодую исследовательницу культурных связей России и Монголии Елену Марковну Даревскую (1919-2010), которая хотела написать очерк об Алексее Васильевиче Бурдукове (1883–1943)². Нина Павловна в качестве секретаря редколлегии сборника «Очерки по истории русского востоковедения», выпустила 6 выпусков: М., 1953; 1956; 1959; 1960 — 2 сборника; 1963. Также она занималась подготовкой к изданию сборника статей «Филология и история монгольских народов «Памяти академика Б.Я. Владимирцова (М., 1958); «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука» (М., 1956). Редакция, вступительная статья и примечания Шастиной Н. П.

В 1958 г. Нина Павловна отметила свой шестидесятилетний юбилей и продолжила заниматься письмами О. М. Ковалевского, найденными доцентом Казанского университета Г. Ф Шамовым (1921–1984) в отделе редких книг Библиотеки ЛГУ, которые последний любезно передал Шастиной для исследования [Сабрукова, 2021. С. 12]. В конце марта 1959 г. она планировала сдать в издательство свою работу «Ученая корреспонденция О. М. Ковалевского».

В одном из писем Бурдуковой Шастина писала: «У Рериха³ теперь свой сектор истории религии и философии Индии. Народу у него немного, вся молодежь, которую он учит не без успеха. Добивается восстановления «Віbliotheca Bouddhica», где должны быть изданы какие-то работы Щербатского⁴, и, возможно, Вострикова⁵, которому не повезло, т. к. Е. М. Жуков⁶ отклонил его работу о книге в Тибете, считая автора «апологетом буддизма». Рериху не легко добиваться и продвигать в печать эти работы». Впервые её знакомство с Рерихом состоялось в 20-е годы, во время экспедиции Н. К. Рериха в Улан-Баторе, их творческое общение продолжалось в последующие годы. Шастина в соавторстве с Ю. Н. Рерихом написала статью, писала отзывы к работам учеников Рериха.

Стоит отметить, что профессиональная карьера Шастиной получила бурное развитие после переезда в Москву в 50-е годы. В одном из последних интервью на радио в программе «Ученые за круглым столом»⁷, примерно в 1970-е годы, она рассказывает, что в связи с постановлением Президиума АН СССР о поднятии научного уровня трудов по изучению

¹ Хошутский правитель Гуши-хан (1582–1655) известен главным образом тем, что, вступив со своим войском в Тибет, силой оружия сделал главенствующей религиозную школу Гелугпа. В результате наиболее почитаемый иерарх этой школы — Далай-лама V — стал духовным и светским главой Тибета. Однако масштабы его деятельности и завоеваний не ограничивались Тибетом. Его собственное имя было Турубайху, он был третьим сыном хошутского правителя Хани-нойон Хонгора [Успенский, 2014. С. 52].

² Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 187–217.

³ Ю. Н. Рерих (1902–1960), крупный ученый, востоковед, лингвист и энциклопедист. В августе 1957 г. Ю. Н. Рерих возвращается из Индии в Москву. Это произошло благодаря личному вмешательству Н. С. Хрущева, который встречался с Юрием Николаевичем во время своего официального визита в Индию. Только после этого Ю. Н. Рерих получает советское подданство и разрешение вернуться на Родину. В Москве Юрий Рерих приступает к работе в Институте востоковедения АН СССР, возглавляя «Сектор философии и истории религии Индии» [Милибанд, 2008. С. 243–244].

⁴ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942), крупнейший российский санскритолог, основоположник отечественной буддологической школы и школы тибетологии [Милибанд, 2008. С. 690–691].

⁵ Востриков Андрей Иванович (1902–1937), тибетолог, монголовед, индолог, исследователь классической индо-буддийской философии [Васильев, Сорокина, 2003. С. 106–107].

⁶ Евгений Михайлович Жуков (1907–1980), советский историк. Доктор исторических наук, профессор. Академик Академии наук СССР. Доцент, профессор и заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Милибанд, 2008. С. 500–501].

 $^{^{7}}$ Личный фонд Шастиной Н. П. (АВ ИВР РАН – 4: 1).

Монголии была организована группа монголоведения в Институте Восточных языков при МГУ (совр. ИСАА МГУ). Основной целью организации этой группы является подготовка монголоведов широкого профиля, обладающих знаниями не только современного монгольского языка, но и средневековой письменности, а также знаниями и второго восточного языка (тибетского или китайского). Занятия группы начались с осени 1968 г. Принятые на первый курс студенты были распределены по двум кафедрам:

- история стран Дальнего Востока
- кафедра дальневосточных языков.

Ей было поручено ведение курсов истории монгольского народа. Кроме указанных специальных предметов студенты слушали также различные курсы по общеобразовательным предметам. Это обстоятельство, пишет Нина Павловна, позволило значительно расширить курс по сравнению с учебником «История МНР», введя в него целый ряд новых глав, уделив достаточно внимания истории монгольских государств, созданных на территории завоеванных земель в XIII в. Также она читала лекции по истории Золотой Орды, истории Государства Иль ханов в Персии, и истории государства Чагатаидов в Средней Азии в Институте Восточных языков при МГУ (совр. ИСАА МГУ). Кроме этого вела семинар по источниковедению, знакомила студентов с многообразием источников на разных языках по истории монголов и учила их самостоятельно работать над этими материалами. Основной ее работой оставалась исследовательская работа в Институте востоковедения АН СССР, в должности старшего научного сотрудника в секторе публикации памятников. Она упоминает, что написала 4 главы по истории монгольской литературы для всемирной истории литературы, издаваемой Институтом мировой литературы, и подчеркивает, что в круг ее исследований входит довольно много разнообразных проблем. Это результат многолетней работы над источниками и длительного пребывания в МНР.

Первые сведения об имеющимся архиве Н. П. Шастиной поступили от заведующего группой тюркологии и монголистики

С. Г. Кляшторного (1928–2014). В докладной записке от 26 марта 1980 г на имя заведующего Ленинградским отделением ИВ АН СССР д.и.н. Ю. А. Петросяна (1930-2011) он сообщал о кончине Н. П. Шастиной, проработавшей около полувека в Институте востоковедения из которых 30 лет — в ЛО ИВ АН СССР, далее он писал, что сохранился ее архив, включающий большое количество неизданных работ по монголистике, главным образом, связанных с изучением монгольского рукописного фонда. Еще при жизни Н. П. Шастина неоднократно выражала желание передать свой архив в ЛО ИВ АН СССР. Архив Н. П. Шастиной хранился у ее родственников. Вопросом его передачи в Институт востоковедения занимался коллега ученого, Д. Д. Васильев (1946-2021). 25 марта 1981 г. внучатому племяннику Н. П. Шастиной Николаю Павловичу Шастину было направлено официальное письмо из ЛО ИВ АН СССР, в котором говорилось о получении 7 коробок и 1 пакета с рукописями Н. П. Шастиной. Материалы были зарегистрированы в журнале поступлений под № 161, и им присвоен шифр: фонд № 146 (личный фонд Н. П. Шастиной).

Исходя из слов в докладной записке С. Г. Кляшторного, что Нина Павловна еще при жизни неоднократно выражала желание передать свой архив в ЛО ИВ АН СССР, видимо, можно говорить о том, что она лично подготовила материалы для передачи в архив.

В результате научно-технической обработки сформировано 264 дела, объединенных в одну опись. В настоящее время их оглавление выглядит следующим образом (в скобках даны крайние даты документов в описи и разделах):

Опись «Н. П. Шастина, монголовед-историк, библиограф, историограф, к.и.н. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, труды других лиц за 1905–2003 гг. состоит из 5 разделов.

- 1. Научные труды и материалы к ним (1922–2003)
- 1.1. Монографии, сборники, статьи Н. П. Шастиной по истории и библиографии Монголии (1933–1975).
- 1.2. Работа в Иркутске на радио (тексты выступлений) (1944).

- 1.3. Работа в Иркутском государственном университете (1930 не позднее 1980).
- 1.4. Статьи, заметки, тезисы по истории и историографии Монголии (1935 не ранее 1980).
- 1.5. История отечественного востоковедения (1950–2003).
- 1.6. Материалы о корреспондентах и корреспонденции О. М. Ковалевского (1955–1964).
- 1.7. Подготовительные материалы к научным трудам (1936–1994).
- 1.1.7.1. История русско-монгольских отношений (1936–1980).
- 1.8. Конспекты, заметки, вырезки, работы по научным интересам фондообразователя (1936–1994).
- 1.9. Отзывы, рецензии и замечания (1952–1980).
- 1.10. Труды, редактированные фондообразователем (1952–1957).
 - 1.11. Переводы (1928-1980).
 - 2. Документы к биографии (1922-1980).
- 2.1. Личные и бытовые документы (1922–1980).
- 2.2. Документы о Н. П. Шастиной (1937–1967).
- 3. Документы по деятельности (1937 не позднее 1980).
- 3.1. Документы о научно-организационной деятельности в Ленинграде (1937–1950).
- 3.2. Документы о научной деятельности в ИВ АН СССР (1951–1978).
- 4. Материалы родственников (не позднее 1980).
 - 5. Труды других лиц (1905–1980).

Раздел 1. «Научные труды и материалы к ним (1922 — не позднее 2003)» содержит 167 дел и делится на одиннадцать подразделов. Внутри десяти подразделов дела систематизированы по хронологии. В подразделе «отзывы, рецензии, замечания» дела расположены в алфавитном порядке по фамилиям.

Подраздел 1.1. Монографии, сборники, статьи Н. П. Шастиной по истории и библиографии Монголии (1933–1975) включает девять дел. Здесь находятся: «Материалы к библиографии Монголии», которые фондообразователь начала собирать, еще находясь в Монголии

(1920-е; 1930-е годы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Первые сношения Московского государства с Алтын ханами западной Монголии», написанная на основе документов на старорусской письменности: статейных списков, посольских приказов из Российского Архива древних актов и монография «Русско-монгольские посольские отношения XVII века», которая представляет собой переработанную версию кандидатской диссертации. Краткий очерк «История изучения МНР». Текст (неполный) выступления на конференции монголоведов о положении классического монголоведения в июле 1967 г. Предполагаемые варианты темы докторской диссертации, план с указанием крайних дат написания глав диссертации. Незавершенная докторская диссертация на тему: «История русского востоковедения».

Следующие два подраздела связаны с деятельностью Н. П. Шастиной в Иркутске во время Великой отечественной войны.

Подраздел 1.2. Работа в Иркутске на радио (тексты выступлений) (1944) составляет 12 дел. Здесь представлены тексты в виде очерков о великих путешественниках, композиторах и художниках, писателях, о городе Ленинграде, об озере Байкал, которые Н. П. Шастина писала для выступления на радио в 1944 г. как ведущая.

Подраздел 1.3. Работа в Иркутском государственном университете (1930 — не позднее 1980) включены 4 дела. Это карточки с краткими сведениями из «Истории Сибири» о связях с монгольскими племенами в XVII в., лекции по истории России, читанные в 1944–1945 гг.

Подраздел 1.4. Статьи, заметки, тезисы по истории и историографии Монголии (1935 — не ранее 1980) включает в себя 40 дел. Сюда вошли: одна из самых ранних публикаций фондообразователя «Книжные и журнальные новости о Монгольской Народной Республике», опубликованная в журнале «Современная Монголия» в 1935 г., а также множество работ, опубликованных и неопубликованных по данной тематике. Так, например, небольшая заметка: «Народы Центральной Азии (XIV–XV вв.)». Краткая историческая справка «Монголия».

Сообщение, прочитанное на Совещании историков монголоведов в Улан-Баторе. Статьи для Советской энциклопедии с бланками заказа от издательства с перечнем статей и памяткой для составителя. Статья о монгольских летописях «Создание и развитие монгольской национальной историографии». Тезисы доклада для совещания в г. Улан-Удэ «Изучение монгольских рукописей и методика их публикаций».

Подраздел 1.5. История отечественного востоковедения (1950–2003) — 9 дел, связанных с историей монголоведения в России и деятельностью известных ученых востоковедов. Очерк «История русской монголоведной науки». Лекция о русском путешественнике Петре Кузьмиче Козлове с отчетной картой к описанию экспедиции в Монголию и Кам. Краткое сообщение о сибирском казаке Иване Петлине (первое путешествие русских в Китай в 1618 г.). Библиография истории монголоведения, Казанский Университет. Статьи о Бичурине, Д. Банзарове, В. П. Васильеве, А. М. Позднееве.

Подраздел 1.6. Материалы о корреспондентах и корреспонденции О. М. Ковалевского (1955–1964) составляют 10 дел, в большей степени здесь находятся материалы к незавершенной монографии «Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского»: «Копии писем французских ученых Жюльена, Фуко, Бюрнуфа, Жакэ к Ковалевскому О. М. с 1839–1856 гг.» на франц. яз., Фотокопии писем и различных документов, адресованных О. М. Ковалевскому с бланком, счетом за изготовление копий документов и списком с названием материалов, и номерами страниц в деле из фонда редких книг в СПбГУ, рукописного фонда ИВР РАН, ЦГА ТАССР.

Подраздел 1.7. Подготовительные материалы. История русско-монгольских отношений (1936–1980) состоит из 26 дел, среди которых конспекты, выписки из архивных материалов, публикаций, рабочие материалы к публикациям, карточки по хронологии русско-монгольских отношений. Не опубликованные материалы по истории русско-монгольских отношений: «Русские архивные документы XVII века» с оглавлением, неполный сборник I, видимо предполагался и второй, можно пред-

положить, что это «Статейные списки русских послов в Монголию XVII веке». Составлен план публикации статейных списков как исторических источников, не законченная монография. Краткие исторические и библиографические справки по истории монголов в виде конспектов. Сведения о народностях, населявших в XIV и XV веках пограничную с Монголией территорию Сибири.

Подраздел 1.8. Конспекты, заметки, вырезки, работы по научным интересам фондообразователя (1936-1994) — 29 дел, отражающих широкий круг исследований ученого. Это «карточки по археологии Монголии, составленные на основании Трудов Орхонской экспедиции Н. М. Ядринцева». Перевод статьи «Приговор из дела по обвинению лиц контрреволюционного ламского центра» с монгольского из газеты «Унэн». Алфавитная картотека лексики на старой монгольской графике. Незавершенная работа «Тибет (очерк истории и культуры)». Вырезки из газет по различным темам. Сведения о народности Хотоны (котоны) тюркского происхождения, проживавших на Северо-Западе Монголии. «Библиография трудов Палласа (1741-1811)». Первые переводчики с монгольского на русский язык выписки из архивных материалов. Справочная картотека о флоре и фауне Монголии, терминов родства по мужской и женской линиям, годов в 60-летнем цикле летоисчисления, выписанных из различных источников.

В подразделе 1.9. Отзывы, рецензии и замечания (1952–1980) — отзывы на работы Л. Н. Гумилева, И. Я. Златкина, Ивамура Синобу, В. Д. Кондрашева, В. Е. Ларичева, В. П. Леонтьева, В. А. Максимова, Г. И. Михайлова, Н. И. Мункуева, Г. Н. Румянцева и др. Рецензии на сборники и книги: Очерки истории культуры МНР» (Улан-Удэ. Бур. Книжн. Изд-во, 1971), «Очерки по истории Киргизской ССР», гл. IV, «Очерки путешествий за древностями по Монголии», «Востоковедные библиотеки СССР».

Подраздел 1.10. Труды, редактированные фондообразователем (1952–1957) составляют 5 дел. Здесь представлены подготовительные материалы к составлению коллективной мо-

нографии «История МНР» (1954 г; 1958 г.) и конечная печатная версия. Составленный Шастиной рабочий вариант предисловия к сборнику «Очерки по истории русского востоковедения» (1953 г.). Полный текст «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», под редакцией, вступительной статьей и примечаниями Шастиной Н.П.

В подраздел 1.11. Переводы (1928–1980) вошли большие по объему рабочие материалы к переводам: «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и наиболее ранней работе Барон Д'Оссон «История монголов от Чингисхана до Тимур-Бея или Тамерлана», перевод с французского языка на русский 4-х томов. Что касается летописи «Шара туджи», то здесь фрагментарно представлены отдельные части перевода этого текста.

Раздел 2. «Документы к биографии (1922–1980)». Следует отметить, что среди материалов фондообразователя наблюдается практическое отсутствие таковых, но в процессе работы нам удалось выявить некоторое количество дел и разделить их на два подраздела:

2.1. Личные и бытовые документы (1922–1980) — 4 дела. Среди них: несколько стихов Шастиной, написанных в разное время, заметки личного характера, записки, заявления.

2.2. Документы об Н. П. Шастиной (1937–1967) — 10 дел. Это, в основном, отзывы о ее работах: диссертации А. П. Окладникова, И. П. Петрушевского, Е. М. Залкинда, рекомендательное письмо и положительный отзыв Н. Н. Поппе о переводе «Истории монголов» Д'Оссона, замечания к переводу «Шара туджи» Г. Н. Румянцева, заключение о переводе монгольской летописи «Алтан тобчи» С. Ю. Неклюдова.

Раздел 3. Документы о деятельности (1937–1980) содержит 34 дела и делится на два подраздела:

3.1. Документы о научно-организационной деятельности в Ленинграде (1937–1950) — 7 дел, среди которых договоры с Ленинградским восточным институтом, с библиотекой АН СССР, пригласительные билеты на мероприятия Академии наук, приглашение на конференцию, посвященную памяти Н. Я. Бичу-

рина. Выписка из протокола заседания Ученого Совета ИВ АН СССР о защите Н. П. Шастиной диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

3.2. Документы о научной деятельности в ИВ АН СССР (1951-1978), здесь представлены подлинники и копии документов о трудовой деятельности фондообразователя после переезда в Москву. Протоколы и выписки из них заседаний подразделений Института востоковедения по различным вопросам и обсуждения статей сотрудников, письма в Архив древних актов с просъбами разрешить работать, снять копии. Отчеты о работе, сведения в дирекцию к плану, стенограммы совещаний и обсуждения докладов. Проекты пятилетнего плана совместной редакционной подготовки и издания некоторых географических и историко-географических трудов по Востоку Института востоковедения АН СССР и Государственного географического издательства. Постановления расширенного заседания ученого совета Института востоковедения АН СССР, посвященного итогам XXIV международного конгресса ориенталистов в Мюнхене.

Раздел 4. Материалы родственников (1980) составляет одно дело — биография отца Нины Павловны Павла Николаевича Шастина (1872–1953), это рукописный текст, который, возможно, был написан его супругой Марией Игнатьевной Орловской, фельдшером по специальности.

Раздел 5. Труды других лиц (1905–2008) включает 48 дел. Единицы хранения расположены по фамилиям авторов в алфавитном порядке. Сюда вошли статьи, тезисы, отзывы о работах коллег, присланные для публикации или рецензирования, диссертации, дипломные работы, рефераты, статьи, которые были отправлены Н. П. Шастиной для получения отзыва. Среди авторов: Е. Э. Бертельса, В. А. Богословского, А. А. Губера, Б. П. Гуревича, Е. М. Даревской, Л. С. Ефимовой, Е. М. Залкинда, И. Я. Златкина, А. Г. Сазыкина, венгерского ученого Л. Лигети, монгольских ученых Ц. Дамдинсурэна, М. Гаадамбы, С. Лувсанвандана, Ш. Лувсанвандана, Лхамжава и др.

Архивные источники

АВ ИВР РАН-1 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1034.

АВ ИВР РАН-2 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 671.

АВ ИВР РАН-3 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 261.

АВ ИВР РАН-4 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН Ф. 146. Оп. 1. Ед. хр. 213.

Использованная литература

Васильков, Сорокина, 2003: *Васильков Я. В. Сорокина М. Ю.* Люди и Судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. СПб., 2003.

Vasil'kov Ia. V., Sorokina M. Iu. Liudi i Sud'by. Bibliograficheskiĭ slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskiĭ period [People and Destinies. Bibliographic dictionary of Orientalists — victims of political terror in the Soviet period]. St. Petersburg, 2003.

Милибанд, 2008: *Милибанд С.Д.* Востоковеды России XX — начало XXI века. Библиографический словарь. Книга 1; 2. М., 2008.

Miliband S. D. Vostokovedy Rossii XX — nachalo XXI veka. Bibliograficheskii slovar' [Orientalists of Russia 20th to the beginning of the 21st century. Bibliographic dictionary. Vols. 1; 2]. Moscow, 2008.

Попова, 2006: *Попова И.* Ф. Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005) // Письменные памятники Востока. Т. 1 (вып. 4). М., 2006.

Popova, I. F. Lev Nikolaevich Men'shikov (1926–2005). Pis'mennye pamiatniki Vostoka, Vol. 1 (Iss. 4). M., 2006.

Раднаев, 2012: *Раднаев В. Э.* К 100-летию со дня рождения Г. И. Михайлова // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М., 2012.

Radnaev, V. Ė. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia G.I. Mikhailova [On the 100th anniversary of the birth of G.I. Mikhailov]. Rossiiskoe mongolovedenie. Biulleten' VI. Moscow, 2012.

Успенский, 2014: *Успенский В. Л.* О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сборник статей. Вып. 1. СПб., 2014.

Uspenskiy, V. L. O gosudarstve Gushi-khana [About the state of Gushi Khan] // Tibetologiia v Sankt-Peterburge. Sbornik statey. Vol. 1. St. Petersburg, 2014.

REVIEW OF N.P SHASTINA'S (1898–1980) COLLECTION (FROM THE ARCHIVES OF THE ORIENTALISTS OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Svetlana S. SABRUKOVA Institute of Oriental Manuscripts RAS

This article reviews the biography of Nina Pavlovna Shastina — a scholar of Mongolian studies as well as historiography of the Mongolian People's Republic and oriental studies in Russia. It contains a description of documents from Shastina's collection (collection 146) which is kept in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The previously unpublished documents shed new light on some aspects of the scholar's life. The letters that Shastina sent to T.A. Burdukova in which she described her studies may be of a special interest to researchers. The article contains a description of the documents that are kept in the collection: research works and materials (1922–2003), biographical documents (1922 — no later than 1980), research and teaching activities (1937–1980), documents that belonged to Shastina's relatives (no later than 1980) plus research works and materials of other people (1905–1980).

Key words: N. P. Shastina, study of history, oriental studies in Russia, historiography of Mongolian People's Republic, archive materials.

About the author: Sabrukova Svetlana S., Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ssabrukova@yandex.ru) ORCID 0000-0001-7983-4291.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ

УДК 94(5):347

DOI: 10.48612/IVRRAN/k3kp-pekt-ebhp

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРОЦЕСС 1251 Г. И МУНКЕСАР-НОЙОН: К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СУДЬИ-ДЗАРГУЧИ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ XIII В.

В статье проводится историко-правовой анализ суда над потомками Чингис-хана и их приверженцами, устроившими заговор против хана Мунке в 1251 г. Основное внимание уделено процессуальным аспектам этого дела, стадиям разбирательства, участникам процесса, доказательствам, использовавшимся для обвинения подсудимых. Центральной фигурой в процессе 1251 г. являлся нойон Мункесар, занимавший пост главного дзаргучи (судьи) Монгольской империи. Автор предпринимает попытку на примере данного разбирательства охарактеризовать его права и обязанности, тем самым выявляя правовой статус судьи-дзаргучи в Монгольской империи XIII в.

Ключевые слова: Монгольская империя, традиционное право, суд и процесс, статус судьи.

Об авторе: Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия) (rpochekaev@hse.ru) ORCID 0000-0002-4192-3528.

© ИВР РАН, 2023

© Почекаев Р.Ю., 2023

История заговора потомков Чагатая и Угедея против монгольского хана Мунке, только что вступившего на престол в 1251 г. достаточно широко освещена в источниках имперского времени — в частности, в записках Вильгельма де Рубрука, посла французского короля Людовика IX, побывавшего в Монголии «по горячим следам» этих событий (1252-1253 гг.), сочинениях Ата-Малика Джувейни и Рашид ад-Дина, а также в китайской династийной истории «Юань ши». Также к анализу этого эпизода неоднократно обращались и исследователи, впрочем, в большей степени сосредотачиваясь на его политических аспектах и в особенности последствиях — ведь благодаря подавлению заговора и привлечению к ответственности его участников власть в Монгольской империи практически полностью перешла к потомкам Джучи и Тулуя [см., напр.: Митин, 2018. С. 68-70; Романив, 2002. С. 96-99; Allsen, 1987. Р. 30-34; см. также: Селезнев, 2009].

Подробные сведения о суде над участниками заговора и их последующих наказаниях дают возможность сделать некоторые наблюдения относительно суда и процесса в Монгольской империи середины XIII в. Однако, насколько нам известно, в таком аспекте указанные события анализировала лишь Т. Д. Скрынникова, использовавшая сведения источников и ряд наработок последующих исследователей для систематизации сведений о формах судебного процесса, т.е., по сути — о судебных инстанциях в Монгольской империи рассматриваемого периода [Скрынникова, 2002]. Автор настоящей статьи видит свою задачу в развитии построений исследовательницы с учетом вновь введенных в научный оборот источников, а также и уровня современного представления о суде и процессе в Монгольской империи и государствах Чингизидов.

Соответственно, в настоящем исследовании предпринимается попытка провести истори-

ко-правовой (историко-процессуальный) анализ процесса 1251–1252 гг.¹, уделив при этом особое внимание роли в нем нойона Мункесара, характеризуемому в источниках как «главный яргучи», т.е. верховный судья². Тем самым, полагаем, можно будет пролить свет на статус чиновника, обладающего таким статусом в Монгольской империи эпохи ее расцвета.

Однако для начала все же постараемся охарактеризовать процессуальные особенности разбирательства по делу заговорщиков.

Согласно сообщениям Вильгельма де Рубрука, Джувейни и Рашид ад-Дина, заговор организовали Ширэмун, Наку и Карачар, внуки Угедэя [Джувейни, 2004. С. 415-416; Рашид ад-Дин, 1960. С. 133; Рубрук, 1997. С. 132]. В указе хана Мунке, адресованном сыновьям Мункесар-нойона (1253/1254 г.), сообщается, что заговор они осуществили вместе с потомками Чагатая [Золотая Орда, 2009. С. 238]. Согласно гораздо более поздней династийной хронике «История Небесной империи», представляющей собой «адаптированный» перевод «Юань ши» на маньчжурский язык, сделанный в 1639 г., Ширэмун и его родичи-Угедэиды просто-напросто находились под наблюдением ханских чиновников как несогласные с избранием Мунке, тогда как заговор организовал «сын Чахадая Аньцзидай» [История, 2011. C. 74]³.

Заговорщики намеревались под предлогом прибытия к новоизбранному хану Мунке с поздравлениями, ворваться в его ставку с оружием и убить хана. Поскольку ношение оружия в ханской ставке категорически запрещалось, они спрятали его в потайное дно нескольких телег. По счастливой (для Мунке) случайности оглобля одной такой телеги треснула, и один из ханских слуг (по одним сведениям пастух, по другим — ханский телохранитель-кешиктен) заметили оружие. Когда об этом сообщили хану, он направил в лагерь заговорщиков нойона Мункесара, который на этот раз выступал в качестве «вождя эмиров двора», приказав ему схватить всех замысливших покушение. Увидев, что они окружены, заговорщики тут же сдались [Джувейни, 2004. С. 416-419; Рашид ад-Дин, 1960. С. 133-135; История, 2011. C. 74–75].

Раскрытие заговора стало основанием для последующего процесса, который, собственно, и является предметом нашего рассмотрения. Первым процессуальным действием стал арест подозреваемых, которые были связаны и доставлены в ханскую ставку.

Согласно Рашид ад-Дину, уже на следующий день Мунке лично начал следствие против царевичей во главе с Ширэмуном [Рашид ад-Дин, 1960. С. 135]. Джувейни же сообщает, что «два дня их ни о чем на спрашивали» [Джувейни, 2004. С. 420]. По-видимому, в это время производился опрос свидетелей — слуги ханской ставки, обнаружившего оружие в телеге, военачальников, осуществлявших задержание заговорщиков и пр. (кроме того, нельзя исключать и попытку своеобразного психологического давления на задержанных).

Тем не менее, оба средневековых персидских историка согласны в том, что следствие начал сам хан Мунке, который лично производил допрос самых главных заговорщиков. И если по словам Вильгельма де Рубрука, царевичи из рода Угедэя сразу же сознались [Рубрук, 1997. С. 132], то персидские авторы, напротив, указывают на то, что они всячески отрицали свою вину, а атабек (наставник, воспитатель) Ширэмуна, схваченный вместе с ним, будучи подвергнут пытке — битьем пал-

¹ Следует отметить, что точное время процесса над заговорщиками в источниках не указано, однако можно сделать вывод, что сама попытка заговора могла иметь место вскоре после возведения на трон хана Мунке, т.е. в 1251 г., тогда как приведение в исполнение ряда приговоров имело место и годом позже.

² В «Юань ши» он называется «главным среди судей» (дуаньшигуань) [Золотая Орда, 2009. С. 235]. Ф. Ходоус считает, что Мункесар мог получить судейскую должность уже при Гуюке [Hodous, 2022. Р. 332], однако этому противоречат сведения «Юань ши» о постоянной связи не только Мункесара, но и его предков с домом Тулуя [Золотая Орда, 2009. С. 234–235]. Да и первое упомиание Мункесара в качестве дзаргучи относится именно к событиям исследуемого процесса — вероятно, в связи с предоставлением ему широких полномочий для расследования данного преступления.

³ Вероятно, имеется в виду Эльджигитай, племянник Чингис-хана и сын его брата Хачиуна, действительно являвшийся ближайшим союзником потомков Чагатая и Угедэя в противостоянии с потомками Джучи и Тулуя.

ками, взял вину в заговоре на себя, после чего закололся, чтобы не сказать больше [Рашид ад-Дин, 1960. С. 135–136]¹. Отсутствие показаний подозреваемых и других улик что и заставило хана Мунке поручить более масштабное и глубокое разбирательство дела нойону Мункесару.

Сначала был определен круг подозреваемых — высокопоставленных чиновников и военачальников, служивших царевичам из рода Угедэя, «из которых каждый воображал себя таким высоким, что [даже] горнему небу до него не достать»: все они² по приказу Мунке были доставлены в ставку и задержаны. Свою задачу Мункесар и его подчиненные видели в том, чтобы допросить подозреваемых «очень тонко, пока в конце концов в словах тех людей не появилось противоречие и не исчезло всякое сомнение в их непокорности» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 136]. Таким образом, можно сделать вывод, что подследственные подвергались многократным допросам с проверкой и перепроверкой их показаний путем сравнения и, возможно, очной ставке, в результате чего и были выявлены расхождения, позволившие, в конце концов, добиться правдивых показаний и, как следствие, предъявить им обвинение в заговоре против хана.

После этого Мункесар-нойон доложил о результатах проведенного расследования Мунке-хану, который, как утверждают персидские историки, намеревался простить их за то, что они «единодушно сознались и повинились». Однако, якобы, его приближенные выступи-

ли против такого решения, довольно цинично отметив, «что промедление и отказ воспользоваться таким удобным случаем для устранения противника является далеким от правильного пути»³. В результате 77 приближенных царевичей-Угедэидов были приговорены ханом к смерти казнены как «замышлявшие измену и побуждавшие царевичей к ослушанию» [Джувейни, 2004. С. 422; Рашид ад-Дин, 1960. С. 136–137; Золотая Орда, 2009. С. 186]. Только в вышеупомянутой маньчжурской «Истории Небесной империи» сообщается, что следствие и суд над приближенными царевичей хан поручил непосредственно Мункесару, который их «всех убил» [История, 2011. С. 75]⁴.

Довольно странную позицию Мунке занял в отношении руководителей заговора — самих потомков Угедэя. Ширэмун, являвшийся претендентом на ханский трон, вместе со своим двоюродным братом Наку был отправлен на фронт — в армию Хубилая, который действовал против империи Сун. А Ходжа, сын Гуюка и родной брат Наку, «по заслугам его жены» был вообще выслан в отведенный ему юрт на Селенге [Рашид ад-Дин, 1960. С. 139].

Резким контрастом с этим выглядит привлечение к суду и по его итогам к ответственности других царевичей, которые, кажется, вообще не участвовали в заговоре против Мунке, но были известны ему как сторонники потомков Угедэя. Речь идет о членах семейства Чагатая, которые специальным приказом были вызваны в ставку Мунке (по другим сведениям, прибыли добровольно, чтобы снять с себя подозрения): Есу-Мунке⁵ со своей женой То-

¹ В трактовке Ф. Ходоус атабек был приговорен к самоубийству [Hodous, 2012/2013. Р. 94], что противоречит смыслу сообщений об этом событии.

² Джувейни перечисляет, в частности, следующих сановников: Ельчитей-нойон, Таунал, Ката-Курин, Джанги, Кан-Китай, Соргхан, Таунал-младший, Тогхан и Ясаур [Джувейни, 2004. С. 420]. Рашид ад-Дин, в свою очередь, называет среди них Ильджидая-нойона, Бубала-старшего, Джики, Кулджая, Саркана, бубала-младшего, Тугана и Йисура [Рашид ад-Дин, 1960. С. 136]. В «Юань ши» упомянуты Есун-Ток, Алчжидай, Чанги, Джаунал, Хада-Курал, Алчу, Кан-Кажан, Асан, Худулук [Золотая Орда, 2009. С. 186]. Легко заметить, что многие имена совпадают, что указывает на фиксацию разбирательства и, в частности, состава подозреваемых в письменном виде. Впрочем, все авторы указывают, что этот перечень был далеко не исчерпывающим.

³ В. А. Злыгостев, отписывая деятельность Мунке, вообще игнорирует факт заговора, считая, что наказания потомков Чагатая и Угедэя представляли собой откровенную «расправу над оппозицией» [Злыгостев, 2018. С. 405–407].
⁴ Подробности исполнения приговора приводит Джувейни: Ельчитею «отрубили голову и ноги», Таунал «был затоптан»(?), а Ката-Курин каким-то образом раздобыл меч и покончил с собой [Джувейни, 2004. С. 422]. В англоязычном переводе «Сборника летописей» Ката-Курин отождествляется с атабеком Ширэмуна [Thackston, 1998–1999. Р. 400].

⁵ У Рашид ад-Дина вместо Есу-Мунке, сына Чагатая и правителя его улуса, фигурирует, по-видимому, ошибочно, некий Есун-Бука, внук Чагатая [Рашид ад-Дин, 1960. С. 137].

гашай и Бури. Ни один источник не сообщает подробностей следствия в отношении этих царевичей: судя по всему, их не удалось обвинить в заговоре против Мунке, поэтому хан счел возможным отправить их к другим улусным правителям, которые имели с ними свои счеты и могли найти причину для казни. В результате с Есу-Мунке и Тогашай расправился их двоюродный брат Кара-Хулагу (вместе с бывшим правителем были казнены и несколько его сановников, благодаря Мунке вернувший себе власть над Чагатайским улусом¹, а Бури казнил Бату² [Джувейни, 2004. С. 425; Рашид ад-Дин, 1960. С. 137].

Позволив себе приговорить к смерти и казнить прямых потомков Чингис-хана, Мунке и его сподвижники не стали церемониться и с приближенными потомков Угедэя, никак не связанными с заговором, хотя обвинение в соучастии в нем стало причиной их привлечения к следствию и суду. Так, нойон Кадак, которого папский посол Иоанн де Плано Карпини характеризовал как «верховного управляющего всей его [Гуюка. — $P.\Pi$.] империи», и Чинкай, «протонотарий» (т.е. канцлер) при Гуюке [Плано Карпини, 2022. С. 183, 186], были вызваны в ставку хана. Первый пытался бежать, но был схвачен, допрошен, вероятно, под пыткой, поскольку «раскаялся и признался [в своих преступлениях]», после чего «был отправлен вслед за своими друзьями и товарищами», т.е. казнен [Джувейни, 2004. С. 422–423; ср.: Рашид ад-Дин, 1960. С. 137]. Что касается Чинкая, то этот 83-летний уйгурский сановник также попал под следствие, однако, видимо, не признался в участии в заговоре, поэтому был отправлен к своему давнему недругу Данишменду-хаджибу (еще одному соратника Чингис-хана и Угедэя), который с ним расправился. Это была, по-видимому, одна из самых последних казней

в рамках исследуемого процесса: она относится к ноябрю-декабрю 1252 г. [Джувейни, 2004. С. 425; Рашид ад-Дин, 1960. С. 138; см. также: Buell, 1994. Р. 185].

Особняком стоит дело двух представительниц правящего семейства — Огул-Гаймиш, вдовы Гуюка, после смерти которого она около трех лет номинально стояла во главе Монгольской империи (1248–1251), и Кадакач-хатун, матери Ширэмуна. Однако, несмотря на стольтесную родственную связь с руководителями заговора против Мунке, по всей видимости, их не удалось самих обвинить в этом преступлении. Поэтому было выдвинуто другое обвинение — в колдовстве: сам Мунке в разговоре с Вильгельмом де Рубруком упомянул, «что Камус [Огул-Гаймиш. — Р.П.] была злейшая колдунья и что своим колдовством она погубила всю свою родню» [Рубрук, 1997. С. 175–176]³.

Обе «госпожи» были доставлены в ставку Сорхактани-беки, матери хана Мунке, что весьма показательно: судя по всему, именно влиятельнейшая представительница правящего рода должна была судить других его же представительниц. Тем не менее, и в данном случае вся работа по сбору доказательств была поручена нойону Мункесару, который совершенно не церемонился со столь знатными подследственными. Согласно тому же Рубруку, обеих «бичевали раскаленными головнями, чтобы они сознались» [Рубрук, 1997. С. 132]. Рашид ад-Дин также упоминает, что к подследственным применяли не только мучительные, но и позорящие меры — так, Мункесар «обнажив ее $[Огул-Гаймиш. — <math>P.\Pi.]$, потащил в суд и допрашивал». Выбив из обеих признание своей вины, их приговорили к казни через утопление, а их имущество хан приказал раздать своим приверженцам [Рашид ад-Дин, 1960. С. 138; Бичурин, 2005. С. 209; Золотая Орда, 2009. C. 188].

Проведенный анализ позволяет нам увидеть, что процессуальные отношения в Монгольской империи в эпоху Мунке были до-

 $^{^1}$ В другой части «Сборника летописей» сообщается, что это именно хан Мунке «дал Кара-Хулагу ярлык убить Йису-Мунке» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 97].

² И Вильгельм де Рубрук, и Рашид ад-Дин сообщают, что Бури провинился перед Бату тем, что, будучи в состоянии опьянения, «ругал Бату по злобе», и что именно правитель Улуса Джучи потребовал у Мунке право суда над внуком Чагатая [Рубрук, 1997. С. 122–123; Рашид ад-Дин, 1960.С. 90].

³ «Универсальный» характер этого преступления позволял обвинять в нем совершенно разных лиц и при совершенно разных обстоятельствах [см., напр.: Почекаев, 2018; Golev, 2019].

статочно развиты, и представители власти старались соблюдать некие базовые принципы их выстраивания. Рассматривая этапы процесса, мы достаточно четко выделяем возбуждение дела (по факту совершения преступления), задержание или вызов подозреваемых, собственно следственные действия (включая допросы с применением пытки, очную ставку и пр.), передачу собранных доказательств уже непосредственно лицу, выносящему решение или приговор.

Остается ответить на второй из поставленных в начале статьи вопросов — о роли в анализируемом процессе «верховного судьи» Мункесар-нойона. Легко заметить, что в расследовании заговора Чингизидов он выступает отнюдь не судьей, а только следователем и, отчасти, прокурором: именно на него возлагалась обязанность и задержать подозреваемых, и добиться от них признаний (причем ни в одном источнике не содержится сведений о применении пыток к потомкам Чингис-хана). Решения же о судьбе лиц, чья вина была установлена благодаря его действиям, принимают совершенно другие люди — сам хан Мунке, его мать Сорхактани, золотоордынский правитель Бату, чагатайский правитель Кара-Хулагу и т.д., которым верховный судья передавал материалы, послужившие основанием для официального обвинения.

Впрочем, выше мы уже отмечали, что в «Истории Небесной империи» отмечается, что Мункесар «убил» ряд заговорщиков, чью вину сам же и установил. Думаем, что не ошибемся, если предположим, что речь идет о тех самых нойонах — военачальниках и сановниках, которые были обвинены в заговоре против Мунке и признались в совершенном преступлении.

В современном понимании верховный судья — это глава всей судебной системы, которому должны подчиняться остальные судьи государства, а он, в свою очередь, имеет право пересматривать или отменять их решения и т.д. Подобной иерархии в случае с Мункесаром мы не наблюдаем. Во-первых, известно, что вместе с ним при дворе Мунке было еще несколько лиц, обладавших должностью судьи: во-первых, престарелый Шихи-Хутаг, назначенный

на эту должность еще Чингис-ханом и, согласно Рашид ад-Дину, не лишенный этого статуса вплоть до своей смерти в начале 1260-х годов [Рашид ад-Дин, 1952. С. 107–108]¹, во-вторых, Булгай, канцлер хана Мунке, которого судьей называет Вильгельм де Рубрук [Рубрук, 1997. С. 161], в ряде источников в качестве судей при дворе хана Мунке также упоминаются Кадан, Махмуд Ялавач, Буджир, Токто и Торчи (сын Мункесара, возможно, унаследовавший его должность) [Hodous, 2022. P. 332]². Помимо этих судей, время от времени упоминаются и судьи, на которых возлагаются полномочия ad hoc. В частности, завершающей стадией анализируемого нами процесса 1251-1252 гг. стало назначение ханом Мунке двух судей — Бала-«яркучи» и «еще одного эмира», которые были направлены произвести расследование с целью выявить участников заговора в войсках Есу-Мунке³ и в Китае и казнить тех, чья вина будет установлена [Рашид ад-Дин, 1960. С. 139]4. Ни об одном из этих судей не сообщается в источниках, что они должны были отвечать перед Мункесаром, или что он как-то контролировал их деятельность — все они назначались на должность лично ханом Мунке и перед ним несли ответственность за принятые решения.

По всей видимости, занимаемое положение позволяло нойону Мункесару расследовать наиболее опасные преступления против госу-

¹ Шихи-Хутагу посвящено специальное биографическое исследование [Минжин, 2011], однако скудность информации о суде в Монгольской империи и о судебной деятельности самого героя превращают эту биографию, по сути, в описание истории Монгольской империи и ее права в период жизни Шихи-Хутага.

² Т. Д. Скрынникова уже обращала внимание на то, что судьи в Монгольской империи не осуществляли свою деятельность «на профессиональной основе»: как правило, они были нойонами, военачальниками и пр., включая и Шихи-Хутага, и самого Мункесара [Скрынникова, 2002. С. 165, 166].

³ В русском переводе «Сборника летописей» говорится о войсках некоего «Тису», однако в английском переводе однозначно фигурирует Ecy-Myнке [Thackston, 1998–1999. P. 403].

⁴ Вероятно, именно с учетом этих участников заговора и получается общее число приговоренных к наказанию, упоминаемое Вильгельмом де Рубруком — «триста из более знатных татар» [Рубрук, 1997. С. 132].

дарства, в котором ему помогал довольно многочисленный штат чиновников — по сведениям «Юань ши», не менее 40 чел. [Золотая Орда, 2009. С. 235]. Если в качестве подозреваемых и подследственных фигурировали потомки Чингис-хана, то обязанности Мункесара, судя по всему, исчерпывались сбором доказательств и передачи их уже в «суд равных», т.е., хану и другим высокопоставленным членам правящей династии. Если же речь шла об опасных государственных преступлениях, субъектами которых являлись не члены рода Чингизидов, то Мункесар получал всю полноту власти следователя, прокурора и судьи, но и в этих случаях он должен был согласовывать с ханом возбуждение дел такого рода и отчитываться перед ним о своих действиях. Согласно «Юань ши», «государь, ввиду его строгого соблюдения законов и невзирание на лица, поручал исполнение важных обязанностей и увеличивал [его] власть. Что касается тех, кому полагалась казнь, то [Мэнгусар] всегда казнил их в соответствии с законами. А когда [Мэнгусар] входил [к каану] с докладом, то не было случая, чтобы государь не признал его приемлемым» [Золотая Орда, 2009. С. 236]. Также нельзя не обратить внимания на еще одно сообщение: если представители правящего дома «не обращали внимания на наличие проступков, [Мэнгусар] же, узнав, не мог не подать доклад» [Золотая Орда, 2009. С. 235]. Подобное неукоснительное следование букве закона, естественно, не могло не вызывать слухов о том, что Мункесар-нойон проявлял излишнюю жестокость — неудивительно, что после его смерти зимой 1253/1254 г.

в ответ на многочисленные слухи хан Мунке издал специальный указ, адресованный его сыновьям, в котором безупречно характеризовал своего судью. А впоследствии, в 1333 г. Мункесар посмертно получил титул гунна Яньго [Золотая Орда, 2009. С. 237, 239].

Таким образом, значение термина «главный судья» (еке-дзаргучи), по всей видимости, следует понимать не как глава всех судей, а, скорее, как судья по особо важным делам. Подобный принцип организации суда и процесса в Монгольской империи в полной мере подтверждает мнение правоведа В. А. Рязановского о том, что «в эпоху Чингиз-хана и его преемников правильной организации правосудия не было... Нет постоянной судебной организации, постоянных судебных учреждений, нет и сознания необходимости выносить приговор по расследовании дела судом и пр. Организация судебной власти находится лишь в зародыше. Мы видим здесь назначение главных судей, но наряду с исполнением других функций» [Рязановский, 1931. С. 31]. Однако, судя по процессу 1251 г., можно сказать, что в эпоху Мунке ситуация начала существенно меняться, появляется иерархия судей, достаточно четко решается вопрос о подсудности разных категорий дел и в особенности представителей разных групп населения империи. Вполне возможно, что уже в это время в державе Чингизидов начинает постепенно проявляться влияние процессуальных принципов Китая и мусульманского мира, которое уже в ближайшие десятилетия ярко проявляется в государствах Чингизидов в Китае, Иране, Золотой Орде.

Использованная литература

Бичурин, 2005: *Бичурин Н. (о. Иакинф)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ, 2005. С. 7–234.

Bichurin N. (o. Iakinf). Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova [A history of the first for khans from the dynasty of Genghis Khan] // Istoriya mongolov. Moskva: AST, 2005. S. 7–234.

Джувейни, 2004: *Джувейни*, *Алла ад-Дин Ата Малик*. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ.

Дж. Э. Бойла; пред. и библиогр. Д. О. Моргана; пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004.

Dzhuveyni, Alla ad-Din Ata Malik. Chingiskhan. Istoriya zavoevatelya mira / Per. s teksta Mirzy Mukhammeda Kazvini na angl. Dzh. E. Boyla; pred. i bibliogr. D. O. Morgana; per. s angl. E. E. Kharitonovoy [Genghis Khan: The history of the World-Conqueror / Engl. transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, intr. by D. O. Morgan; Russ. transl. by E. E. Kharitonova]. Moskva: Magistr-Press, 2004.

Злыгостев, 2018: *Злыгостев В. А.* Герои «Сокровенного сказания». Уфа: Альфа-реклама, 2018.

Zlygostev V.A. Geroi «Sokrovennogo skazaniya» [Heroes of the "Secret History of Mongols"]. Ufa: Al"-fa-reklama, 2018.

Золотая Орда, 2009: Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Б.и., 2009.

Zolotaya Orda v istochnikakh. T. III: Kitayskie i mongol'skie istochniki / Per. s kit., sost., vvod st., komment. R. P. Khrapachevskogo [The Golden Horde in the sources. Vol. 3: Chinese and Mongolian sources / Transl. from Chinese, comp., intr. and comments by R. P. Khrapachevskiy]. Moskva: B.i., 2009.

История, 2011: История Небесной империи. Т. І. История первых пяти ханов из дома Чингисова / Под ред. В. Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л. В. Тюрюминой и П. И. Каменского; коммент. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.

Istoriya Nebesnoy imperii. T. I. Istoriya pervykh pyati khanov iz doma Chingisova / Pod red. V. E. Laricheva; per. s man'chzh. L. V. Tyuryuminoy i P. I. Kamenskogo; komment. L. V. Tyuryuminoy [History of the Heaven Empire. Vol. 1. History of the first five khans from the dynasty of Genghis Khan / Ed. by V. E. Larichev, transl. from Manchurian by L. V. Tyuryumina and P. I. Kamenskiy, comments by L. V. Tyuryumina]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011.

Минжин, 2011: *Минжин Ц.* Их Монгол улсын заргач Шихихутуг. Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 1

Minzhin Ts. Ikh Mongol ulsyn zargach Shikhikhutug [Shikhi Khutug, the judge of the Great Mongol Empire]. Ulaanbaatar: Bembi San, 2011 (In Mongolian).

Митин, 2018: *Митин В. В.* Менгу — последний великий хан единой Монгольской империи // Метаморфозы истории. № 11. 2018. С. 64-77.

Mitin V. V. Mengu — posledniy velikiy khan edinoy Mongol'skoy imperii [Mengu — the last great khan of the united Mongol Empire] // Metamorfozy istorii. N_2 11. 2018. S. 64–77.

Плано Карпини, 2022: *Плано Карпини И. де.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина; коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой. Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова; вступ. ст. А. А. Горского; В. В. Трепавлова. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2022.

Plano Karpini I. de. Istoriya mongolov: Tekst, perevod, kommentarii / Pod red. A. A. Gorskogo,

V. V. Trepavlova; per. s lat. A. A. Vovina, P. V. Lukina; komment. A. A. Gorskogo, P. V. Lukina, S. A. Maslovoy. R. Yu. Pochekaeva, V. V. Trepavlova; vstup. st. A. A. Gorskogo; V.V. Trepavlova [History of Mongols: Text, translation, comments / Ed., intr. by A. A. Gorskiy, V. V. Trepavlov; Russ. transl. from Lat. by A. A. Vovin, P. V. Lukin; coments by A. A. Gorskiy, P. V. Lukin, S. A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V. V. Trepavlov]. Moskva: In-t Dal'nego Vostoka, 2022.

Почекаев, 2018: Почекаев Р. Ю. Суд над Фатимой-хатун (1246): обвинение, следствие, приговор и наказание (к истории судебного процесса в Монгольской империи) // Mongolica-XXI. 2018. С. 42–45.

Pochekaev R. Yu. Sud nad Fatimoy-khatun (1246): obvinenie, sledstvie, prigovor i nakazanie (k istorii sudebnogo protsessa v Mongol'skoy imperii) [The trial of Fatima Khatun (1246): accusation, investigation, sentence and execution (on history of the court proceeding in the Mongol Empire)] // Mongolica-XXI. 2018. S. 42–45.

Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisey. T. II / Per. s pers. Yu. P. Verkhovskogo; primech. Yu. P. Verkhovskogo i B. I. Pankratova; red. I.P. Petrushevskogo [Compendiym of chronicles. Vol. 2 / Russ. transl. from Pers. By Yu.P. Verkhovskiy; notes by Yu. P. Verkhovskiy and B. I. Pankratov; ed. by I. P. Petrushevskiy]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960.

Романив, 2002: *Романив В. Я.* Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 84–100.

Romaniv V. Ya. Batu-khan i «tsentral'noe mongol'skoe pravitel'stvo»: ot protivostoyaniya k sopravitel'stvu [Batu Khan and "central Mongolian government": from confrontation to co-rule] // Tyurkologicheskiy sbornik / 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie. S. 84–100.

Рубрук, 1997: *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; 3-е изд. // Путешествия в восточные страны / Пред. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.

Rubruk G. de. Puteshestvie v vostochnye strany / Per. A. I. Maleina; 3-e izd. // Puteshestviya v vostochnye strany / Pred. M. B. Gornunga [Travel to the oriental countries / Russ. transl. from Lat. by A. I. Malein, 3rd. ed. // Travels to the oriental countries / Intr. by M. B. Gornung]. Moskva: Mysl', 1997. S. 86–189.

Рязановский, 1931: *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931.

Ryazanovskiy V. A. Mongol'skoe pravo, preimush-chestvenno obychnoe [Mongolian law, predominantly customary one]. Harbin: Tip. N. E. Chinareva, 1931.

Селезнёв, 2009: *Селезнёв Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1(35). С. 36–41.

Seleznyov Yu. V. Voknyazhenie Aleksandra Nevskogo v 1252 g.: politicheskie realii i ikh otrazhenie v russkoy pis'mennoy traditsii [Accession of Alexander Nevskiy in 1252: political realities and their reflection in the annalistic tradition] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2009. № 1(35). S. 36–41.

Скрынникова, 2002: Скрынникова Т. Д. Судопро-изводство в Монгольской империи // Altaica. VII. 2002. С. 163-174.

Skrynnikova T. D. Sudoproizvodstvo v Mongol'skoy imperii [Legal proceeding in the Mongol Empire] // Altaica. VII. 2002. S. 163–174.

Allsen, 1987: *Allsen T. T.* Mongol Imperialism. The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley: University of California Press, 1987.

Buell, 1994: *Buell P.* Chinqai (ca. 1169–1252); Architect of Mongolian Empire // Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz / Ed. by E.H. Kaplan. Bellingham: Western Washington University, 1994. P. 168–186.

Golev, 2019: *Golev K.* Intra-Mongol diplomacy and witch-hunt during the dissolution of the empire: the witchcraft trial at the court of Hulegu // Eurasian Studies. 2019. P. 327–368.

Hodous, 2022: *Hodous F.* Jarqu and jarquchin // The Mongol world / Ed. by T. May, M. Hope. London; New York: Routledge, 2022. P. 331–340.

Hodous, 2012/2013: *Hodous F.* The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. Vol. 56. 2012/2013. P. 87–102.

Thackston, 1998–1999: *Thackston W. M.* (transl.). Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of Mongols, 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1998–1999.

TRIAL OF 1251 AND MUNQESAR-NOYON: ON THE STATUS OF JARGUČI IN THE MONGOL EMPIRE OF THE 13TH C.

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics

The article is an historical legal analysis of trial of the descendants of Chinggis Khan and their followers who participated in the plot against khan Möngke in 1251. The principal attention is paid to procedural aspects of this case, stages of the trial, participants, evidences which were used to accuse conspirators. The central figure of the trial was noyon Möngkesar who held a position of supreme jarguči (judge) of the Mongol Empire. Author attempts on a basic of this case to clarify his rights and obligations and then to clarify the legal status of jarguči in the Mongol Empire of the 13th c.

Key words: Mongol Empire, traditional law, court and proceedings, judge' status.

About the author: Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Associate professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation) (rpochekaev@hse.ru) ORCID 0000-0002-4192-3528.

DOI: 10.48612/IVRRAN/3taz-v3uh-3n96

Ю. И. Елихина Государственный Эрмитаж

НАХОДКИ ИЗ ЮЖНОГО ХАНГАЯ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В статье автор приводит описание некоторых находок Монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. в южный Хангай. После завершения раскопок Ноин-Улы исследователи изучали еще территорию южного Хангая с августа 1925 г. по сентябрь 1926 г. Они раскапывали курганы, отмечали могильники, раскапывали некоторые погребения, фиксировали наскальные рисунки и надписи, собирали подъемный материал. Для изучения происхождения находок автор использовал опубликованный дневник П. К. Козлова и его экспедиционные фотографии. Находки, их насчитывается 365, относятся к разному времени, начиная с периода хунну и заканчивая архитектурными фрагментами XVII в. В 1926 г. они поступили в Государственную академию материальной культуры, а в 1936 г. были переданы в Государственный Эрмитаж. Эти артефакты не были опубликованы и введены в научный оборот.

Ключевые слова: находки, Монголо-тибетская экспедиция, П. К. Козлов, Южный Хангай, подъемный материал.

Об авторе: Елихина Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия) (julia-elikhina@yandex.ru) ORCID 0000-0003-4608-6674.

© ИВР РАН, 2023

© Елихина Ю.И., 2023

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется 365 предметов, привезенных Монголо-тибетской экспедицией (1923–1926) под руководством П.К. Козлова (1863–1935) из южного Хангая. В основном все эти артефакты являются подъемным материалом, собранным с августа 1925 г. по сентябрь 1926 г. Лишь часть из них происходит из строения F группы С в Олон-сумэ.

Эти находки поступили в Государственную академию истории материальной культуры¹ 26 марта 1926 г. из Зоологического музея в ящике № 88, «с печатью в полной сохранности», о чем был составлен акт в 2-х экземплярах для ГАИМК и Академии наук. Ящик был принят и вскрыт в присутствии ученого секретаря ГАИМК Б.В. Фармаковского, члена ГАИМК

И.А. Орбели, научных сотрудников Г.И. Боровко и С.А. Теплоухова, хранителя склада древностей Н.Э. Успенской. К нему была составлена опись на 2-х листах с кратким перечислением предметов, некоторые из них имеют указания на места находки, на часть из них такие сведения отсутствуют. Всего опись перечисляет 106 артефактов, не считая фрагментов сусального золота, обрывков тонкой китайской бумаги, кусочков лака, обломков костей и дерева. Судя по описи, не все из этих предметов поступили в Эрмитаж. Однако коллекция, имеющаяся в Эрмитаже, по количеству находок превышает число экспонатов в описи. Вероятно, часть предметов поступила без описи.

В Эрмитаж эти находки были переданы в 1936 г. из Государственного музея этнографии. На некоторых их них сохранились номера ГАИМК, другие имеют экспедиционные номера.

¹ Далее — ГАИМК.

Завершив раскопки курганов Ноин-Улы (1924-1925 гг.), 28 июля и 1 августа 1925 г. экспедиция двумя партиями выступила на «светлые научные просторы Азии» [Монголия, 2018. С. 123]. Обе партии должны были встретиться на южных склонах монгольского Алтая. Первая партия во главе с Козловым направилась в Южный Хангай, где его отряд пробыл около пяти месяцев — до весны 1926 г. Здесь Козлов стремился наверстать упущенное изза отъезда в Москву: вёл интенсивную археологическую разведку: в урочище Олон-сумэ им были обнаружены развалины древнего монастыря, занимался маршрутной съёмкой, пополнял ботаническую и зоологическую коллекции. Исследование мест нахождения буддийских монастырей — одна из рекомендаций С. Ф. Ольденбурга [Андреев, Юсупова, 2001. C. 71].

Экспедицией была найдена большая гранитная черепаха, которая находилась рядом с погребениями. В среднем погребении «... кирпичи лежали и стояли и вертикально, и горизонтально и под углом. Тут много черепков и кирпичей. Урны, по-видимому, были двухтрех типов (по 1 экземпляру)» [Козлов, 2003. С. 572]. В коллекции имеется восемь кирпичей (инв. № МР-1-7), происхождение двух из них в инвентарных книгах не указано, пять являются подъемным материалом, а еще один найден в строении F группы С. В дневниках П. К. Козлов отмечает «...немного взято нами кирпича, а именно четыре экземпляра» [Козлов, 2003. С. 578]. Кроме кирпичей среди находок представлены четыре фрагмента керамики с «елочным» орнаментом (инв. № MP-347-350), относящиеся к киданьскому времени.

К этому же погребению относятся и фрагменты дисков концевой черепицы (инв. № МР-180–184) [Козлов, 2003. С. 575].

В западном погребении, раскопанном 19–20 августа, были найдены фрагменты костей, вероятно, животных (инв. № MP-296–312).

Экспедицией были исследованы развалины обширного монастыря Олон-сумэ, залегающего у восточной подошвы Южного Хангая. Здесь были найдены архитектурные фрагменты, черепица и кирпичи. Из дневников П. К. Козлова

сложно понять, сколько помещений монастырей были изучены.

Монастырь украшали различные архитектурные детали, среди них можно выделить в основной массе фрагменты изображений драконов, весьма характерных для китайской, а с XIII в. и для монгольской архитектурной традиции. Образы дракона встречаются в виде украшений крыши встречаются везде при раскопках дворцов, храмов и на территориях городищ. Фрагменты изображений драконов были найдены в Каракоруме, Кондуе, Дён-Тереке, Межегейском городище и других памятниках XIII–XIV вв.

Фрагмент сероглиняного архитектурного украшения с изображением головы дракона в профиль (рис. 1, инв. № МР-91, размер 22×12×6 см., XVII в.). Среди находок, происходящих из Олон-Сумэ, насчитывается еще пятьдесят четыре фрагмента фигур драконов.

Рис. 1. Архитектурный фрагмент с изображением головы дракона, инв. № MP-91, размер $22 \times 12 \times 6$ см., XVII в. Востока

Другим фрагментом является сероглиняное архитектурное украшение с изображением головы слона (рис. 2, инв. № МР-90, размер 18×12×9,5 см., XVII в.). Слон, белого цвета, почитается в буддизме как символ счастья и победы. Драгоценный белый слон считается одной из семи драгоценностей царя-чакравартина¹.

¹ Царь-чакравартин или царь дхармы — идеальный буддийский правитель, персонификация мирового нравственного закона.

Рис. 2. Архитектурный фрагмент с изображением головы слона, инв. № MP-90, размер 18×12×9,5 см., XVII в.

Еще одним интересным архитектурным фрагментом представляется сероглиняное украшение с изображением цветка лотоса (рис. 3, инв. № МР-11, дм. 19 см., толщина 8 см., XVII в.), символизирующего чистоту и святость в буддизме. Лепестки лотоса закручены в одну сторону.

Рис. 3. Архитектурный фрагмент с изображением цветка лотоса, инв. № MP-11, дм. 19 см., толщина 8 см., XVII в.

Черепица относится к разному времени, самая ранняя датируется периодом господства киданей, представленная концевыми дисками с выпуклым изображением тысячелепесткового цветка лотоса, окруженного перлами. Подобные находки были обнаружены в Хэрмэн

Дэнж балгасе [Эрдэнэболд болон бусад, 2022. X. 221, 223]. Наиболее интересны диски с ликом демона и с изображением дракона.

К более позднему времени относятся концевые диски сероглиняной черепицы с изображением рельефной мантры калачакры на лицевой стороне.

Эти диски отличаются от черепицы, найденной экспедицией под руководством С. Чулууна в монастыре Сарьдаг [Чулуун болон бусад, 2019. Х. 108, 138]. На черепице из монастыря Сарьдаг имеются два технических отверстия в верхней части черепицы и две дополнительных буквы справа и слева от мантры. Диски черепицы из Олон-сумэ имеют более простой орнамент, его окружают перлы и два растительных побега. Всего среди находок в Олон-сумэ насчитывается девять таких изделий.

В дневнике 24 сентября П.К. Козлов отмечает: «Мои спутники порадовали меня разработкой кургана. Всего на 11/2 аршина пежал покойник в виде скелета... Кое-где вблизи были найдены бусы, золотая вещица и немногое другое...» [Козлов, 2003. С. 613]. Вероятно, именно здесь были найдены вещи периода хунну. К ним относятся не только бусы из янтаря (инв. № МР-330-331), стекла (инв. № МР-206), бирюзы (инв. № МР-338) и дерева(?) (инв. № МР-337), миниатюрный бронзовый колокольчик (инв. № МР-326) и ложечковидная пряжка с изображением головы дзерена (инв. № МР-324), на оборотной стороне которой имеются две петли на нижнем крае, через них крепился кожаный ремешок. Их размер варьируется от 2,5 до 6,5 см. Подобные пряжки в достаточно большом количестве были найдены в погребениях хунну на территории современной Монголии и Бурятии: Увс, Зуунговь, Улан дэл, Иволгинский и Дырестуйский могильники, поселение Дурены.

Некоторые предметы происходят из местности Онгийн гол, где осенью в 1925 г. побывала Монголо-тибетская экспедиция П. К. Козлова. В дневнике имеется запись от 8–10 октября: «...Могильное поле по всему течению Он-

¹ Аршин равен 0,7112 м. С 1924 г. с введением метрической системы мер вышел из употребления.

гийн-гола... Гранитное обширное поле с могилами доходит до самого южного подножия Хангая в виде курганов Олон-сумэ» [Козлов, 2003. С. 628]. 11 октября путешественник отмечает: «...Курганы большие, обложены прочным кирпичом, закругленные или квадратные...» [Козлов, 2003. С. 629]. В результате раскопок, произведенных 12 октября группой из пяти человек, были найдены «всякого рода барельефы¹ и украшения черепичных крыш с любопытным орнаментом». В этом же месте было найдено ухо дракона (инв. № МР-25) [Козлов, 2003. С. 630].

13 октября П. К. Козлов пишет: «Наши развалины — действительно развалины храмов и, может быть, помещения старейших лам». Вероятно, именно это место и обозначено в этикетках как строение F группы C. «Сегодня в начатом помещении был обнаружен каменный порог и при входе в помещение несколько обрывков березовой коры с монгольскими письменами (в коллекции Эрмитажа не представлены), а также золоченые и крашенные кусочки земли (инв. № МР-207-230), нечто вроде длинного гвоздя (инв. № МР-261) и немногое другое». «С самого верха всех помещений залегают обломки глиняной посуды и части бурханов или барельефы, их большие или меньшие обломки, попадается также и уголь» [Козлов, 2003. C. 631].

По дороге ее участники посетили много небольших буддийских монастырей «...только монастыри и храмы я не пропускал...» [Козлов, 2003. С. 630], храмов и субурганов, собирали подъемный материал. В дневнике П. К. Козлова от 14 октября имеется запись: «...Могилы с оградой... прикрыты камнями, среди них есть очень старые, ...другая более древняя, с потонувшим камнем и провалившемся срубом... на некоторых и по соседству имеются религиозные атрибуты — модели субурганов... нужно взять их в коллекцию...» [Козлов, 2003. С. 631–632]. Вероятно, деревянный миниатюрный субурган (рис. 4, инв. № МР-335, высота 6,7 см., XIX в.) и

Рис. 4. Миниатюрная деревянная ступа, инв. № MP-335, высота 6,7 см., XIX в.

фрагмент ступы (инв. № МР-360) происходят именно оттуда [Елихина, 2020. С. 237–238].

20 октября путешественники привезли из раскопок этих могил «...интересный глиняный барельеф с лицом человека, улыбающегося во весь рот, с третьим глазом во лбу и слипшиеся листы книги с золотыми письменами» [Козлов, 2003. С. 637]. В своем дневнике П. К. Козлов привел описание концевого диска черепицы с изображением лика демона (рис. 5, инв. № МР-167, дм. 12 см., XII–XIII вв.), окруженного перлами, с широким носом и глазами навыкате. У него приоткрыт рот и видны клыки. На лбу выделен третий глаз. В коллекции имеется еще четыре подобных фрагмента (инв. № 127-129, 169). Все письменные документы были переданы в Азиатский музей Академии наук СССР2 [Козлов, 2003. С. 955], вероятно, и книга попала туда же.

¹ Барельефами П. К. Козлов ошибочно называет архитектурные фрагменты, декорировавшие крыши. На самом деле был найден только один барельеф с изображением цилиня (инв. № MP-189).

² В настоящее время — Институт восточных рукописей РАН.

Рис. 5. Концевой диск черепицы с изображением лика демона, инв. № MP-167, дм. 12 см., XII–XIII вв.

21 октября был найден еще один фрагмент такого диска, а также диск с мантрой калачакры и бронзовая фигурка Будды [Козлов, 2003. С. 638]. Под номером 36 в описи упомянута бронзовая статуэтка сидящего Будды. Не совсем понятно, поступила ли эта скульптура в Эрмитаж или осталась в Российском этнографическом музее.

В Хангае 26 октября 1925 г.: «...Гусев¹, Канаев² и Цэрэн раскапывают субурган, удаляют обломки, очищают фундамент... На северо-восточном углу [субургана] Канаев извлек цацу — маленькое глиняное изображение Цзонхавы... вскоре у юго-западного угла [Козлов] нашел второе изображение Цзонхавы» [Козлов, 2003. С. 641]. Эти два цаца представлены в коллекции [Елихина, 2020. С. 239].

Впереди на очереди усыпальница Сайн-ноин-хана (и на горе, и внутри мавзолея), субурганы и храмы. На гребне восточного Хангая, среди суровых камней, экспедиция нашла усыпальницу тринадцати поколений Сайн-ноин-ханов — прямых потомков Чингис-хана. Участники экспедиции провели некоторые раскопки в усыпальнице Сайн-нойон-ханов. В одной из могил находились «чашки (китайские) числом 4, три — однообразные, сравнительно современного или близкого к нему фарфора, четвертая — оригинальная, красная, с водяным рисунком, наподобие ствола спиленного дерева. Все чашки более или менее повреждены, изломы совершенно свежие. Все чашки с красной печатью в середине дна» (инв. № 191–194). Козлов отмечает, что везде побывали грабители [Козлов, 2003. С. 757–758]. Из всех находок, привезенных экспедицией только одна чашечка (инв. № МР-194) была опубликована [Кречетова, Вестфален, 1947. С. 53, табл. XXIX(5)]. Исследователи датируют ее временем правления императора Цяньлуна (1736–1795).

Еще часть артефактов были обнаружены, вероятно, на поверхности. На этикетках и в инвентарной книге они обозначены как подъемный материал. В коллекции Эрмитажа представлены также бронзовые наконечники стрел и пластины доспехов.

В собрании П. К. Козлова имелась бронзовая статуэтка алмазопрестольного Будды. Вот как описывает историю этого бурхана П. К. Козлов: «...К нам приезжал 7 марта 1926 г. лама и шаман Цэдэн-Пунцук, привез мне в подарок очень интересную статуэтку Будды с ваджрой, найденную им лет 30 назад поблизости развалин Олон сумэ» [Козлов, 2003. С. 756]. Вероятно, она была отлита мастером в подражании стилю Пала-Сена, который очень любили копировать китайцы и тибетцы в XVII–XVIII вв. [Елихина, 2020. С. 70].

П.К. Козлов отмечает, что посетил в Сайн-нойон хурэ тринадцать больших и семь малых храмов. В конце августа 1926 г. путешественник вместе со своим отрядом вернулся в Улан-Батор. К началу сентября в Улан-Батор прибыл и отряд Глаголева. Экспедиция завершила свои работы и 17 сентября 1926 г. отбыла на родину.

В результате экспедиции были исследованы несколько небольших курганов и развалины обширного монастыря Олун-сумэ, залегающего у восточной подошвы Южного Хангая. Большая часть находок происходит именно из Олон-Сумэ.

Дневники и фотографии экспедиции П. К. Козлова были изданы Т. И. Юсуповой и А. И. Андреевым, но сами находки не были опубликованы и введены в научный оборот.

 $^{^1}$ Гусев Василий Андреевич — препаратор в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг.

² Канаев Василий Михайлович (1903-?) — препаратор, участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг.

Использованная литература

Андреев, Юсупова, 2001: Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории, естествознания и техники. № 2, 2001. С. 51–72.

Andreyev A. I., Yusupova T. I. Istoriya odnogo ne sovsem obychnogo puteshestviya: Mongolo-Tibetskaya ekspeditsiya P. K. Kozlova (1923–1926 gg.) [The story of one not quite ordinary trip: The Mongol-Tibetan expedition of P. K. Kozlov (1923–1926)] // Voprosy istorii, yestestvoznaniya i tekhniki. № 2, 2001. S. 51–72.

Елихина, 2020: Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь монголын бурханы шашны эрдэнэс. Сокровища монгольской буддийской религии в Эрмитаже. Ула-анбаатар—Санкт-Петербург: Монголын ипотекийн корпораци ОССК, 2020.

Yelikhina Yu. I. Ermitaj dakhi mongolyn burkhany shashny erdenes. Sokrovisha mongoliskoi buddiiskoi ryeligii v Ermitajye [Treasures of the Mongolian Buddhim stored at the State Hermitage Museum]. Ulaanbaatar–Sankt-Pyetyerburg: Mongolyn ipotyekiin korporatsi OSSK, 2020 (In Russian and Mongolian).

Монголия, 2018: История последней экспедиции П. К. Козлова в Монголию (1923–1926 гг.) Сост. Чулуун С., Юсупова Т., Андреев А., Матвеева М. Улаанбаатар: Изд-во: Адмон, 2018.

Istoriya posledney ekspeditsii P.K. Kozlova v Mongoliyu (1923–1926 gg.) Sost. Chuluun S., Yusupova T., Andreyev A., Matveyeva M. [The history of P. K. Kozlov' last expedition to Mongolia (1923–1926)] Ulaanbaatar: Admon publishers, 2018.

Козлов, 2003: Козлов П. К. Дневники Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926. Сост. Юсупова Т. И., Андреев А. И. Серия Научное наследство. Т. 30. СПб.: Наука, 2003.

Kozlov P. K. Dnevniki Mongolo-tibetskoy ekspeditsii 1923–1926. Sost. Yusupova T. I., Andreyev A. I. Seriya Nauchnoye nasledstvo. T. 30[Diaries of the Mongol-Tibetan Expedition 1923–1926. Comp. Yusupova T. I., Andreev A. I. Scientific Legacy Series. Volume 30]. SPb.: Nauka, 2003.

Кречетова, Вестфален, 1947: Кречетова М. Н., Вестфален Э. Х. Китайский фарфор. Государственный Эрмитаж. Ленинград: Типография «Коммунист», 1947 (Таллин).

Krechetova M. N., Vestfalen E. Kh. Kitayskiy farfor. Gosudarstvennyy Ermitazh [Chinese porcelain. State Hermitage Muzeum]. Leningrad: Tipografiya «Kommunist», 1947 (Tallin).

Чулуун болон бусад, 2019: Чулуун С. болон бусад. Сарьдагийн хийд. Өндөр Гэгээн Занабазарын уран бүтээлийн хүрээ. Улаанбаатар: ШУА-гийн Түүх, Угасаатны зүйн, 2019.

Chuluun S. bolon busad. Saridagiin khiid. Ondor Gegeen Zanabazaryn uran büteeliin khüree. [Sar'dag monastery. Ündür Gegeen Zanabazar's art of the monastery] Ulaanbaatar: ShUA-giin Tüükh, Ugasaatny züin, 2019.

Эрдэнэболд болон бусад, 2022: Эрдэнэболд Л., Хатанбаатар Д., Болдбаатар Ю. болон бусад. Монголын эртний нүүдэлчдийн өв. Улаанбаатар: Хөдөлмөрийн гавьяны улаан тугийн одонт Шинжлэх ухаан, технологийн их сургууль, 2022.

Erdenebold L., Khatanbaatar D., Boldbaatar Yu. bolon busad. Mongolyn ertnii nüüdelchdiin öv. [The heritage of Mongolian ancient nomads]. Ulaanbaatar: Khödölmöriin gaviyany ulaan tugiin odont Shinjlekh ukhaan, tyekhnologiin ikh surguuli, 2022 (In Mongolian).

FINDS OF THE MONGOLO-TIBETAN EXPEDITION HEADED BY P. K. KOZLOV FROM SOUTHERN KHANGAI IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE

Yuliya I. ELIKHINA The State Hermitage

In the article, the author gives a description of some of the finds of the Mongolian-Tibetan expedition headed by P. K. Kozlov 1923–1926 in southern Khangai. After the completion of the excavations of Noyon-Ula, the researchers also studied the territory of the southern Khangai from August 1925 to September 1926. They dug out mounds, marked burial grounds, dug up some burials, recorded rock paintings and inscriptions, and collected hoist material. To study the origin of the finds, the

author used the published diary of P. K. Kozlov and his expedition photographs. The finds, there are 365 of them, belong to different times, starting from the Xiongnu period and ending with architectural fragments of the 17th century. In 1926 they entered the State Academy of Material Culture, and in 1936 they were transferred to the State Hermitage. These artifacts have not published and introduced into scientific circulation.

Key words: finds, Mongol-Tibetan expedition, P. K. Kozlov, Southern Khangai, hoist material.

About the author: Yuliya I. ELIKHINA, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russian Federation) (julia-elikhina@yandex.ru) ORCID 0000-0003-4608-6674.

Т. Д. Скрынникова Институт восточных рукописей РАН

«ПЛАЧ» ТОЛУЯ В «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ»

Статья посвящена анализу одного из элегических отрывков в «*Тайной истории монголов*». Этот отрывок является поэтическим описанием болезни Угэдэя и метода ее лечения: чтобы избавить Угэдэя от болезни, владыки и хаты земли-воды китайского народа потребовали в качестве заместителя-дзолик его близкого родственника. Шаманы совершили обряд выкупа жизни Угэдэя: объектом, принявшим на себя болезнь Угэдэя, становился Толуй. Толуй объясняет, ради чего он идет на жертву – чтобы спасти лидера и главу монгольского народа, выбранного Чингис-ханом, описывает историю своих взаимоотношений с Угэдэем. Этот текст может свидетельствовать о существовании в монгольской среде реального выкупа человеческой жизнью. Структура этого небольшого текста и символическое значение его частей позволяют обозначить его как плач младшего сына Чингис-хана Толуя по самому себе.

Ключевые слова: Тайная история монголов, Толуй, Угэдэй, дзолик, заместитель больного, жанр плача, элегия.

Об авторе: Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.

© ИВР РАН, 2023

© Скрынникова Т. Д., 2023

Текст, который я обозначила как плач Толуя по самому себе, небольшой, и я привожу его полностью.

«Ögödei-qahan sira-dektür (ширдэк — войлочный ковер) bawuba tende ögödei-qahan ebetcin gürtejü aman kelen jabqan aljaqdarun bö'es bö'es tölgecin-e tölgele'ülü'esükitad irgen-üqajar usun-u ejet qa<n>t irgen orqo-ban dawuliqdarun balaqat qotod-iyan ebdekderün tügün-e adalamui irgen orqa altan mönggün adu'usun ide'en joli'a ökgüye ke'en abitla'asu ülü talbiran dület türgün-e adalamui uruq-un gü'ün-ece bolqu-yüke'en abitla'asu qahan nidün-en ne'ejüusun quyuju u'uju ya'un bolbi ke'en asaqtaju bö'es öcirün kitad irgen-ü qajar usun-u ejet qa<n>t qajar usun-iyan ebdekderün irgen orqa-ban dawuliqdarun türgün-e adalamui busu ya'un ber joli'a ögüye ke'en abitla'asu dület türgen-e ji'ürmedemüi urug-un gü'ün-ece bolqu-yü ke'e'esü talbiramui edö'e jarlig medemü-je ke'en öci'esü jarlig bolorun dergede kö'üd-ece ken

bui kē'esü tolui kö'ün dergede büle'e ügülerün sutu cinggis-qahan ecige bidan-u de'ere aqa-nar doro de'ü-ner bö'etele qahan aqa-yi cimayi aqta metü songquju irge metü bilijü yeke oro-ban beye-tür cinu cucuju olon ulus-i de'ere cinu aciju ökba-je namayi bürün qahan aqa-yin dergede aju umartaqsan-i duratqaju untaraqsan-i seri'ülgü ünen ber qahan aqa minu jö[b] ese bolu'asu olon mongol ulus önecirekün kitad irgen kib qangqun qahan aqa-yu'an orun-a bi bolsu tulu-yin niru'un bi tulbalba kileme-yin niru'un bi kinggülba ile-yi bi ilaqba qada-yi bi qatquba ni'ur qo'a niru'un urtu bi-gü bui-je bö'es arbatqun jügerütqün ke'ejü bö'es jüger'esü jügergen usu tolui kö'ün u'uba qorom ügülerün soqtaba bi soqtaqu-yi monu sergütele önecot ücüget de'ü-ner-iyen belbisün beri-yen berüde oyun-a gürtele asaraqu-yi qahan aqa madetügei ali ber üge-ben ügülele'e bi soqtaba ke'en ke'e't qarcu otcu jöb ese boluqsan yosun teyimü» [Rachewiltz, 1972. P. 163-164].

Жанр плача

В европейской традиции плачи чаще всего определяются как погребальные, т.е. те, которые совершают в процессе обряда захоронения; поминальные, исполняемые впоследствии на могилах, как правило, близкого человека; и бытовые, которые исполнялись при отправлении в армию, при пожарах, разного рода несчастных случаев. Нам неизвестны тексты, которые бы исполнялись какими-либо специалистами (профессиональные плакальщики, мужчины в женских одеждах, специальные священнослужители) при захоронениях в монгольской среде. Но термин «плач» существует: уйлах дуу или орилох дуу.

В «Тайной истории монголов» (далее: ТИМ) мы не встречаем обозначения какой-либо части текста такими терминами как «уйлах дуу», «орилох дуу», где слово «дуу» означает «песня, звук, голос», «уйлах» — плакать, «орилох» плакать, рыдать. Но можно вспомнить словосочетание «yeke dawu-bar uyilaju» [Rachewiltz, 1972. Р. 23] (досл. «плакала громко/громким голосом»), которое связано с описанием похищения отцом Чингис-хана Есугэй-багатуром у меркитского Чиледу его жены Оэлун. Когда Есугэй с братьями отбили Оэлун у Чиледу и везли ее домой, она «говорила: "Старший мой Чиледу, чей хохол никогда не трепал ветер, чей желудок никогда не голодал в степи. Как сейчас?" И она, перекидывая свои две косы со спины на грудь и обратно, громко причитала, так что воды Онон-реки заволновались, а эхо разнеслось по лесам и долинам» (здесь и ниже пер. мой. — T.C.). Этот короткий текст можно определить как жанр «плача», поскольку Оэлун оплакивает потерю любимого мужа и неизвестность своего будущего, что может ассоциироваться с «плачем» невесты. Это подтверждает и использование автором выражения «yeke dawu-bar uyilaju», которое состоит из глагола uyilaqu (плакать) и словосочетания yeke dawu-bar (громким голосом) и которое я перевела как «громко причитала».

Не обязательно «плач» может быть идентифицирован только через лексическое обозначение (уйлах дуу, орилох дуу). В монгольских

летописях XVII в. отмечаются плачи Тогон-Тэмура, оплакивавшего падение династии Юань и потерю монголами Пекина, и Хэлэгутэй-багатура, оплакивавшего смерть Чингис-хана, что не встречается в Тайной истории монголов. Как, кстати и то, что имя Хилугэдэй-багатура мы не найдем ни в ТИМ, ни в Сборнике летописей Рашид-ад-дина. Оба эти плача связаны с негативной ситуацией: в первом случае с гибелью династии Юань и потерей столицы империи, а во втором — со смертью Чингис-хана.

Статус Толуя

Каков был статус Толуя, младшего сына Чингис-хана? Какими были отношения Толуя и Угэдея, бывшим всемонгольским хаганом? Хотя Толуй был младшим сыном, он не носил титула отчигин. Как мы знаем, носитель титула *отчигин* — Тэмугэ-отчигин¹ жил довольно долго, поэтому Тулуй, младший сын Чингис-хана, который получил в пользование основной юрт отца, не назывался отчигином, он нигде не упоминается с этим титулом, в «Сборнике летописей» он называется Тулуй-ханом, Екэ-нойоном или Улуг-нойоном. Значение статуса Толуя сохранялось для следующих поколений — детей Чингис-хана и его внуков, что подчеркивается в источниках: «Тулуй-хан большей частью находился постоянно при отце. Чингис-хан всегда с ним советовался обо всех делах: о важных и о незначительных. Он называл его нукером. Юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингис-хана были в его подчинении (здесь и ниже подчеркнуто мной. — Т.С.) ...он является основой дома, семьи. ... Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: "Эта должность, в которой ты будешь ведать моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, — так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей"... Чингиз-хан

¹ Младший брать Чингис-хана Тэмугэ-отчигин «непрерывно выступал в походы по велению ярлыка Кубилай-каана» [Рашид-ад-дин, 19566. С. 56].

скончался. После того, как его гроб поставили в ставку и в точности исполнили обряды оплакивания, другие братья и царевичи [все] уехали каждый в свой юрт, а Тулуй-хан водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингиз-хана, и воссел всевластный [на царский престол]» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 107–109]. В этой пространной цитате неоднократно, как мы видим, подчеркивается главная функция Толуя: получая в наследство от отца его родовую территорию и ставку, центр которой составляла юрта отца (монг. гэр) — дом Чингис-хана, он становится хранителем этого дома, хранителем правящей фамилии.

Рашид-ад-дин также пишет о дне выборов хагана: «Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: "В силу указа Чингис-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию". ...Угедей-каан сказал: "Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки (курсив мой. — Т.С.). Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-аддин, 1960. С. 18-19]. С одной стороны, Угэдэй как старший (фактически) в левом крыле, т.е. в монгольских землях, согласно примогенитурному принципу, должен был возглавить правящий дом, что и подтвердил Чингис-хан назначением его своим наследником — хаганом. С другой стороны, учитывая то, что сакральный центр территории (очаг) наследует младший, устами Угэдэя старшим (в ритуальном смысле) называется Толуй. Таким образом в Толуе соединились две функции: сакральная и властная.

И, соответственно, выбор человека, которым больной откупается от духов, оправдан неординарностью заместителя: чем сакральнее жертва, тем успешнее выздоровление.

Дзолик — заместитель больного

Занимаясь ТИМ, я всегда выделяла два текста, связанные со смертью, на которые хотела обратить особое внимание: причитания Чжамухи перед его смертью и слова Толуя в роли дзолика. Оба эти отрывка из Тайной истории монголов С.А. Козин определял как элегию [Козин, 1941. С. 35]. Безусловно, это элегический текст, который произносит Толуй, поскольку ему предстоит стать дзоликом: двойником или заместителем больного Угэдэя, заместителем, которого отдают духам болезней. Болезнь Угэдэя заключалась в том, что у него отнялся язык.

«Угэдэй-хаган упал на войлочный ковер, там он заболел: у него отнялась речь (отнялся язык). Когда множество шаманов погадали, [выяснилось, что] владыки и хаты земли-воды китайского народа неистовствуют от того, что люди и дома ограблены, а города были разрушены. Когда вопрошали по внутренностям: "Отдадим-ка в качестве выкупа-заместителя (золик) людей, дома, золото, серебро, табуны, еду", [духи] не успокаивались и неиствовали сильнее. Когда, гадая на внутренностях, спросили: "Не подойдет ли человек из рода [хагана]?", хаган открыл глаза, попросил воды, выпил и спросил: "Что случилось?". Шаманы доложили: "Владыки-хаты земли-воды китайского народа очень рассердились за то, что разрушены земля-вода, люди-дома ограблены. Когда погадав на внутренностях, предложили: 'Дадим что-нибудь в качестве выкупа-золик', их гнев еще больше усилился. А когда сказали: 'Не подойдет ли человек из рода [хагана]?', они успокоились. [Теперь] ждем распоряжение". Когда доложили, [хаган] изрек: "Кто рядом со мной из принцев/царевичей?". Ему сказали: «Рядом Толуй"». После этого был совершен обряд выкупа жизни Угэдэя, для чего дзоликом, в которого перемещается болезнь, был избран Толуй. Есть описания разных вариантов этого обряда в буддийских практиках, когда человеческие жертвоприношения были запрещены.

К непременным атрибутам обряда выкупа жизни принадлежат личный конь умершего, украшенный лентами (сэтэр), правая нога овцы, бирюза, белая стрела, украшенная лентами [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 103]. В ведро с зерном втыкается стрела с белым пером, на вершину зерна кладется белая шелковая лента. И исполнитель обряда испрашивает душу (хишик сунэсун [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 113], амин сунэсун [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 102, 113]) из рук божеств и духов, которая входит в заместителя (дзолик) покойного. «В культовом инвентаре гурума "Выкуп жизни" (бурят. "Амин золиг") центральное место отводится изображению двойника или заместителя больного человека — "луд" ("дуршиг"), которого отдают духам болезней (Этот момент обряда является заменой реального выкупа человеческой жизнью, т.е. указывает на существование в прошлом человеческих жертвоприношений). "Луд" может быть человеческой фигурой из теста, которой делают глаза из рулончика свернутой белой, черной и красной ткани, нос из меди, язык из красной тряпки, уши из обломков раковины, в грудь вдавливают зеркало — душу. В другом варианте это соломенное чучело, по величине соответствующее росту больного, одетое в его одежду. Лицо нарисовано на бумаге, оборачивающей голову чучела, сверху шапка, принадлежащая больному. Если чучело делают для женщины, то на него надевают весь комплект лучшей одежды со всеми украшениями из серебра, кораллов и других камней. Мужская одежда также должна быть хорошей, поскольку все это отдавалось ламе после завершения обряда. Кроме того, для выкупа богатые предназначали лошадь в полной сбруе, бедные ограничивались одним бараном» [Герасимова, 1986. С. 194, 232]. Выступавшие в качестве «выкупа» лошадь и баран становились объектами, в которые входила душа в результате проведенного обряда. В нашем случае объектом, принявшим на себя болезнь Угэдэя, становился Толуй.

Структура плача

Хотя текст, который автор вложил в уста Толуя, отличается лапидарностью, в нем можно отметить характерную для плачей черту: Толуй разворачивает историю своих взаимоотноше-

ний с Угэдэем и показывает, каковы его роль и место в прежнем состоянии мира и нынешнем, подвергшимся изменениям. В нем можно выделить несколько частей.

В зачине Толуй объясняет, ради чего он идет на жертву — чтобы спасти лидера и главу монгольского народа, сидящего на троне и выбранного Чингис-ханом: ««Гениальный Чингис-хаган-отец, когда определил среди нас: наверху — старшие, внизу — младшие, тебя, старшего, определил хаганом, как выбирают коня, как ощупывают барана. Он указал тебе на великий престол. Он взвалил на тебя [заботы] о многих народах. Мне же [приказано]: "Будь рядом со старшим братом хаганом, [чтобы] напоминать забытое, будить, когда заснет"».

Затем кратко, одним предложением звучит тема кручины и сожаления, если ему не удастся ценой своей жертвы спасти Угэдэя: «Воистину, мой старший брат-хаган, если не будет так, многочисленный монгольский народ осиротеет, китайский народ возрадуется». И его готовность идти на жертву: «Займу-ка я место своего хагана — старшего брата».

В следующей части в нескольких предложениях Толуй воздает похвалу себе: «Я переламывал хребет тайменя, я ломал хребет осетра. Я воевал впереди тебя, я колол [врага] внешнего. Не красив ли я лицом и не высок ли?». Он восхваляет как свое физическое совершенство, так и воинскую отвагу, и свои успехи в добывании пищи.

Его заключительные слова после того, как он выпивает заговоренную шаманами воду: «...пусть хаган, старший брат заботится о малых сиротах младших братьях и о своей овдовевшей невестке Беруде, пока не помудреют» как будто с полной определенностью указывают на то, что после этого он умрет, став таким образом дзоликом — заместителем заболевшего Угэдэя, забравшего себе его болезнь и в результате этого умершего, поскольку дети назваются сиротами, а жена — вдовой. Это, с одной стороны. Но, с другой стороны, сцена заканчивается фразой: «Таков обычай, который правильно не исполнился», т.е. Толуй не был умерщвлен, а постоянно повторял, что он пьян. Последнее может ассоциироваться с состоянием хоть и временной, но смерти, что и объясняет мою интерпретацию этого отрывка как плача Толуя, связанного со смертью, «плача по самому себе».

Вероятно, это также может свидетельствовать о существовании в монгольской среде реального выкупа человеческой жизнью. Возможно в связи с распространением буддизма человеческие жертвоприношения заменили на

фигурки из теста, которые принимали на себя все беды, несчастья, болезни.

Несмотря на то что в *Тайной истории монголов* нет описания похоронно-погребального ритуала, можно с уверенностью говорить о том, что этот текст по структуре, мотивам, формулам соответствуют жанровым особенностям плача. И этот отрывок речи Толуя можно назвать его «плачем по самому себе».

Использованная литература

Герасимова, 1986: *Герасимова К. М.* О структуре традиционной духовной культуры по материалам тибетских медицинских источников // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск. 1986.

Gerasimova K. M. O structure traditsionnoi dukhovnoi kul'tury po materialam tibetskikh meditsinskikh istochnikov // Traditsionnayi kel'tura narodov Tsentral'noi Asii [On the structure of traditional spiritual culture based on materials from Tibetan medical sources // Traditional culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk. 1986.

Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.

Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Cronicle] M.-L., 1941.

Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л. 1952.

Rasid-ad-din. Sbornik letopisei. Tom I. Kn. 2. Perevod s persidskogo O. I. Smirnovoi. Primechaniya B. I. Pankratova i O. I. Smirnovoi. Redactor Prof. A. A. Semyonov [Collected Chronicles. T. I. Book 2. Transl. from Per-

sian by O. I. Smirnova. Notes by B. I. Pankratov and O. I. Smirnova. Editor Prof. A. A. Semyonov]. M.-L. 1952.

Рашид-ад-дин 1960: *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л. 1960.

Rasid-ad-din. Sbornik letopisei. Tom II. Perevod s persidskogo Yu. P. Verkhovenskogo. Primechaniya Yu. P. Verkhovenskogo and B. I. Pankratova. Redactor Prof. I.P. Petrushevskyi. [Collected Chronicles. T. II. Transl. from Persian by Yu. P. Verkhovenskyi. Notes by Yu. P. Verkhovenskyi and B. I. Pankratov. Editor Prof. I. P. Petrushevskyi]. M-.L. 1960.

Sárközi, Sazykin, 2004: Alice Sárközi and Alexei G. Sazykin. Colling the Soul of the Dead. Texts of Mongol Folk-Religion in the St. Petersburg Institute of Oriental Studies. In collaboration with Tibor Szabó / Silk Road Studies IX. Brepols Publishers n.v., Turnhout, Belgium. 2004.

Rachewiltz, 1972: Rachewiltz I. de. *Index to the Secret History of the Mongols*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, vol. 121. 1972.

THE "LAMENTATION" OF TOLUI IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"

Tatiana D. SKRYNNIKOVA Institute of Oriental Manuscripts RAS

The article is devoted to the analysis of one of the elegiac passages in the "Secret History of the Mongols". This passage is a poetic description of Ugedei's disease and method of its treatment: in order to rid Ugedei of the disease, the lords and khats of the land-water of the Chinese people demanded his close relative as a jolik substitute. Shamans performed the rite of ransom of Ugedei's life: the object that took over Ugedei's disease was Tolui. Tolui explains why he goes to sacrifice - to save the leader and head of the Mongol people chosen by Genghis Khan; describes the history of his relationship with Ugedei. This text may indicate the existence of a real ransom of human life among the Mongols. The structure of this small text and the symbolic meaning of its parts make it possible to designate it as the lamentation of Tolui, the youngest son of Chinggis Khan, for himself.

Key words: The Secret History of the Mongols, Tolui, Ugedei, jolik, substitute of the patient, genre of the lamentation, elegy.

About the author: **Tatiana D. SKRYNNIKOVA**, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.

УДК 398

DOI: 10.48612/IVRRAN/zg4n-f733-p2pp

Чулууны ЗАЯАСҮРЭН

Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн

ХҮҮХДИЙН ОЮУН УХААНЫ ХӨГЖИЛД АМАН ЗОХИОЛЫН БАГА ТӨРӨЛ НӨЛӨӨЛӨХ НЬ

Хүүхдийн оюун ухааныг хөгжүүлдэг олон арга байдаг билээ. Аман зохиол ч мөн хүүхдийн оюун ухааныг хөгжүүлдэг. Энэ удаагийн өгүүлэлдээ монгол ардын аман зохиолын бага төрлөөс оньсого, таавар, ертөнцийн гурав зэрэг нь хүүхдийн оюун ухааныг хөгжүүлэхэд хэрхэн нөлөө үзүүлдэг талаар хөндөв. Ингэхдээ оньсого, таавар, ертөнцийн гурав бол хүүхдийг сэтгэхүйн олон арга барил, үйлдлүүдэд сургах, бие даасан бүтээлч сэтгэлгээг өрнүүлэх, оюун ухааны чадварыг эзэмшүүлэх зэрэг сургалт хүмүүжлийн чанартай ардын сурган хүмүүжүүлэх ухааны уламжлалт нэг арга мөн болохыг жишээ баримтаар тодруулав.

Түлхүүр үг: аман зохиол, хүүхдийн оюун ухаан, оньсого, таавар, тооны таавар, учирзүйн таавар, хэлзүйн таавар, ертөнцийн гурав

Зохиогчийн тухай: Чулууны Заяасүрэн, Ph.D. (Philology), Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Аман зохиол судлалын салбарын эрдэм шинжилгээний ахлах ажилтан (Улаанбаатар, Монгол Улс) (czayasuren@gmail.com).

© ИВР РАН 2023

© Ч. Заяасүрэн 2023

Оюун ухаан гэж юу вэ? гэдэг ойлголтыг Швейцарын биологич, хүүхдийн сэтгэл зүйч Жиан Пиаже тайлбарлахдаа тодорхой хүрээнд олж авсан дадал, туршлагыг хуримтлуулан шингээж авах чадвар хэмээн тайлбарласан бол, Америкийн сэтгэл зүйч, сурган хүмүүжүүлэгч Ховард Гарднер "Оюун ухаан бол асуудал шийдвэрлэх, нэг болон хэд хэдэн соёлын хүрээнд үнэлэгдэх үнэ цэнтэй бүтээл туурвих чадвар" гэжээ. Бид энэ удаа хүүхдийн оюун ухааныг хөгжүүлэхэд аман зохиолын бага төрлөөс оньсого, таавар, ертөнцийн гурав зэрэг нь хэрхэн нөлөө үзүүлдэг болохыг жишээ баримтаар тодруулахыг зорив.

Оньсого, таавар, ертөнцийн гурав бол оюуны сэтгэл хөдлөлийн үйл явц мөн. Хүний оюун ухааны үйл ажиллагаатай холбоотой гайхах, таамаглан бодох, хүчиндээ итгэн тэмүүлэх зэрэг илрэлээр гарах сэтгэл хөдлөлтийг оюун ухааны сэтгэл хөдлөл гэдэг. Өөрөөр хэлбэл, ямар нэгэн шинэ зүйлийг танин мэдэх, үнэн зөв шийдэл хариу гаргахын тулд оюун ухаан дайчлах сэтгэл хөдлөлийн процесс явагдаж байдаг. Тэгвэл хүн

оньсого, таавар таахын тулд өөрийнхөө өмнө тодорхой нэг зорилго тавьж түүндээ хүрэх гэж сэтгэл нь хөдлөн эрж хайдаг.

Оньсого нь томчууд, хүүхдийн сэтгэн бодох чадварыг нэмэгдүүлэх, оюун ухааныг хөгжүүлэх зорилготойгоор зохиогдсон, аман зохиолын бага төрөл зүйлийн нэгэн хэсэг. Энэ нь "хүүхдийн оюун ухааныг задлан хөгжүүлдэг сургалтын чухал хэрэглүүр болох ба ардын оньсого таалцаж оюуны хурд хүчээ сорьдог нь монголчуудын дунд тогтсон хэв заншил" [Жамц, 2020. Х. 63] байна. Оньсого нь адилтгасан зүйрлэлээс бүтдэг учраас хариултыг олохын тулд адилтгаж болох бүхий л зүйлтэй харьцуулж сэтгэн бодох шаардлага бий болдог. Жишээлбэл,

"Дөрвөн хүүхэд шавар ухна-/4 хөл/ Хоёр хүн холын бараа харна-/2 бөх/ Өвгөн нь өвс хадна-/ам/

Эмгэн нь ялаа үргээнэ"-/сүүл/ (Тэмээ) [Өлзийхутаг, 1966. Х. 79] гэх оньсогын агуулга дахь бүтэц тус бүрийг нэг айлын гишүүдийн ажил үүргийн хуваарьтай холбон зүйрлэжээ. Ингэх-

дээ 4 хүүхэд шавар ухна гэж түүний 4 хөлийг, тэмээний 2 бөх нь алсаас хамгийн бараатай харагддаг тул 2 хүн алсын бараа харна гэсэн бол өрхийн тэргүүн өвс ногоо хадна хэмээж амьдралын гол ноён нурууг үүрдэг үйл явцыг тэмээний амтай, тэмээний сүүл нь ойр хавийнхаа ялаа шумуулаа үргээдэг болохоор гэр орноо цэвэрлэх, хоол ундаа бэлтгэх гэх мэтийн гэрийн эзэгтэйн ойр зуур хийх ажил үйлтэй холбон тус тус зүйрлэжээ. Ийнхүү оньсогын хариуг бодит ахуйтай холбон дүрсэлж таалгах юм бол хүүхдийн оюун ухаан нь тэлж сэтгэн бодох чадвар нь хөгжихийн зэрэгцээ олон талын мэдлэгийг нэг дор хүлээж авч, хүртэх мэдрэх оюуны чадварууд нь хөгжиж байдаг.

Мөн хүний нүдэнд харагдаж, сэтгэлд буухаар дүрслэн хэлэхдээ шууд бус аргаар ижил төстэй зүйлээр адилтган төлөөлүүлж хэлдэг. Ингэхдээ оньсогын мөр бүрийг ямар нэг юмтай адилтган дүрсэлдгээрээ онцлогтой.

"Урт хар хүн-/бие/

Модон дээлтэй-/гаднах гэр/

Будган хэлтэй"-/гол буюу бал/ (Харандаа) [Өлзийхутаг, 1966. Х. 162] гэсэнд харандааг хүншүүлж адилтган дүрсэлжээ. Оньсогод монголчуудын өдөр тутмын бодит байдлын нэг хэсэг болох янз бүрийн элементүүдэд чиглэгддэг. Оньсогыг үнэн зөв таах нь нэг ёсны сэтгэхүйн уралдаан учраас хамгийн өрсөлдөөнтэй байдаг.

Ах дүү гурвуул

Өдөртөө уулзан цуглаж

Үдэш салж явна [Өлзийхутаг, 1966. Х. 257] гэдэг оньсогын хариу нь дээлийн товч товчлох, тайлах үйл явц. Энд дээлийн энгэр, шилбэ, товч гурвыг ах дүү гурвуул гээд монголчууд дээл өдөр өмсдөг үйл явцыг өдөртөө товч шилбээ товчилж, орой дээлийнхээ товч шилбийг тайлах үйл явцыг үдэш салж байгаагаар дүрсэлж хувцасны хэв маяг, хэрэглэгдэх байдлыг уран яруугаар хэлжээ. Энэчлэн оньсогод сэтгэн бодох, оюун ухаанаа хөгжүүлэх, сурган хүмүүжүүлэх ухааны гол арга тусгагдахаас гадна тухайн ард түмний аж амьдрал, сэтгэлгээний онцлог тусгалаа олжээ.

Ерөөсөө оньсогын гол онцлог нь хийсвэр зүйлийг биш яг биетэй, бодитой юмыг хийсвэрлэн, ёгтлон, зүйрлэж өгүүлдэг. Энэ нь амь-

тан, ургамал, уул ус, тэнгэр огторгуй, од гарагийн тухай оньсогуудад тод харагдана.

Далан есөн хувцас

Далуулаа товчгүй (байцаа)

Улаан тахиа

Ногоон өрөвлөгтэй (лууван)

Гэзэг нь гадаа

Гэдэс нь шороонд (сонгино)

Энгүй их

Тэнгүй хөх (тэнгэр)

Тээр дээгүүр

Тэмээгүй нүүдэл (үүл) (Далыг далуулаа) [Түдэв, 2003. Х. 20–21]

гэх мэтээр хүнсний ногоо, байгаль дэлхийн үзэгдлийг дүрсэлсэн оньсого цөөнгүй байна. Ийм оньсогыг аль ч улс орны хүмүүс тааж болохоор нийтлэг шинжтэй байгаагаараа онцлогтой. Оньсогыг таахын тулд хүүхэд аливаа юм үзэгдлийг жишин харьцуулж тодруулах, тухай бүрд нь хэрэгтэй талаас нь ялгаж, ойлгох, олж мэдсэнээ нэгтэн дүгнэх, оюун дүгнэлт хийх чадварт суралцдаг.

Оньсого нь ёгт, хошин, уран цэцэн, товч тодорхой хэллэгтэй байдаг бөгөөд түүнийг таахад сэтгэхүйн олон төрлийн үйлдэл, арга барилыг цөмийг нь зэрэгцүүлэн ашигладаггүй, нөгөө талаараа оньсогод сэтгэхүйн нэг үйл ажиллагаа илүү тохиромжтой байдаг. Энэ утгаараа оньсого нь өмнө тавьсан зорилгоо шийдвэрлэх сэтгэхүйн арга барилыг сонгодог. Жишээлбэл,

Хүн хонь мөргөнө

Хонь үхэр мөргөнө

Үхэр газар мөргөнө (хөл, оймс, гутал) гэж хөнгөнөөс хүнд рүү шилжсэн байх нь цөөнгүй байдаг. Мөн зүйрлэл багатай ихэвчлэн аливаа юмны шинж төрх, үйл хөдлөл, шинж чанарыг нь товойлгон оньсолголдог. Ингэхдээ хэл хэллэгийн хувьд уран сайхны давталт, хэм хэмнэлийг ашиглах нь цөөнгүй байдаг.

Ах дүү хоёр байж

Аль алиныхаа барааг харахгүй (нүд)

Ар талыг арлаад

Өвөр талыг өвөрлөөд

Өөд уруугүй шогших (ном унших) гэх мэт.

Оньсогыг таах, зохиоход хүний оюун ухаан сэтгэхүйн үйлдэл оролцдог учраас эргэцүүлэн бодох, бусадтай жишин харьцуулах чадвар түлхүү хөгждөг. Оньсого таалцаж оюуны хурд,

авхаалж самбаагаа сорьдог нь монголчуудын дунд тогтсон заншил юм. Оньсого таалцахад тааж чадахгүй хүнийг үгээр ичээх, баалах зэргээр оньсого худалдах үг хэлдэг ёс бас бий. Энэ нь оюуны чадвар сул дорой, цээжилсэн юмгүй хүнийг ёжлон шүүмжилсэн агуулгатай. Цаад агуулгаараа хүүхдэд аль болох олон оньсого мэдүүлэх, таалгах гэсэн зорилготой. Хэн олон оньсого мэдэж, тааж чадна тэр хэмжээгээрээ тухайн хүүхдийн оюун ухаан хөгжиж байдаг.

Таавар нь оньсогын адил хүүхдийн сэтгэхүйг хөгжүүлэхэд чиглэгддэг. Тэгэхдээ оньсогыг бодвол уран дүрслэл, уран яруу хэллэг багатай, хүүхдэд сэтгэхүйн үйлдэл хийхэд зориулагдсан математикийн танин мэдүүлэх бодлогын шинжтэй. Хүүхдийн оюун ухааны хөгжил нь ерөнхийдөө төрсөн цагаасаа эхлэн насанд хүртлээ сэтгэцийн чухал үйл явц болох анхаарал төвлөрүүлэх, мэдээллийг ойлгох, мэдээлэл солилцох, бусдаас суралцах, асуудал шийдвэрлэх, сэтгэн бодох чадвараар тодорхойлогдож байдаг. Тааврыг агуулгаар нь тооны таавар, учир зүйн таавар, хэл зүйн таавар гэж үндсэн гурван хэсэгт хувааж үздэг. Үүнд,

Тооны таавар: математик сэтгэлгээгээ дээшлүүлэх тоглоомын нэг хэлбэр. Хүүхдүүд тоолох, тоо таних, дараалал тогтоох зэрэгт хамгийн сонирхолтой байдлаар суралцдаг. Тооны эвлүүлдэг тоглоом нь хүүхдүүдэд оньсого тааврыг ангилан тоонуудыг ялгахад тусалдаг. Тооны цөөнгүй таавар уламжлагдан ирсэн байдаг. Жишээлбэл, Олон шувуу явж байтал олон мод байж гэнэ. Мод бүр дээр нэг нэг шувуу суусан чинь шувуу нэгээр илүү гарчээ. Мод бүр дээр хоёр хоёроор суусан чинь мод нэг илүү гарав. Хэдэн шувуу, хэдэн мод байсан бэ? Хариу: 4 шувуу, 3 мод. Бас нэгэн сонирхолтой таавар байна. Нэг хүүхэд гадаа гарч хэсэг шувуу нисэж явахыг хараад -Ааваа 100 шувуу нисэж явна гэжээ. Гэтэл аав нь -Энэ нисэж яваа шувууны тоог 2 дахин өсгөж түүн дээр бүх шувууг түүний хагас, бас хагасын хагасыг нэмэхэд 100-д 1 дутах юм байна даа гэжээ. Тэр хүүхэд нисэж явсан хэдэн шувууг 100 гэсэн бэ?, Хариу: (36 шувуу) 36*2+18+9+=99. Хүүхэд оньсого, тааврыг тааж сурснаар ямар нэгэн юмыг тал бүрээс нь эргэцүүлэн бодох сурах чадварт суралцахын зэрэгцээ оюун ухаан нь хөгжиж байдаг.

Учирзүйн таавар: Монголчуудын аж амьдралын мэдлэг ухаан, учир зүйн сэтгэлгээний чадварыг сорьсон шинжтэй үгсийг хамруулдаг. Жишээлбэл, Нэг бүдүүн хар мод 10 салаатай, салаа болгон 5 мөчиртэй, мөчир болгон 3 самартай, самар болгон 10 үртэй бол бүгд хэдэн үр байх вэ? (Хариу: хар модонд самар ургадаггүй) Энэхүү тааврыг таахын тулд хүүхдүүд эхлээд ямар модонд самар ургадаг билээ гэж бодох ёстой. Тэгээд л түүнээс ургуулаад хав хар модонд ямар ч үр жимс боловсорч чадахгүй. Тэгэхээр хар модонд жимс ургахгүй нь гэж сэтгэнэ.

Нэгэн жижиг горхи борооны дараа үерлэн явган хүн гатлах боломжгүй болсон байжээ. Горхины тэртээ хэдэн ээж хөл хоригджээ. Горхины нөгөө захаас дааганд сундалсан 2 хүүхэд тэднийг тосож иржээ. Нэг даага хоёр хүүхэд буюу эсвэл нэг ээжийг даана. Тэгж даагаар горхийг нааш цаашаа бүгд 12 удаа гаталсан байжээ. Хэдэн ээж байж вэ? (Хариулт: гурван ээж)

Хэл зүйн таавар: Хүүхдийн үгийн сан, хэл зүйн мэдлэгийг шалгах зорилгоор зохиогдсон бүлэг үгсийг энд хамруулдаг.

Жишээлбэл, Анхных нь үсгийг аваад орхисон чинь

Амьтны биеэс салаад Агаар тэнгэрт дэгдлээ (хариу: с-үүл) Дэлхийд нэг Дэвтэрт хоёр

Тэр юу вэ (хариу: Э) гэх мэт. Энэ тааврыг таахын тулд эхлээд дэлхийг хэрхэн бичдэг бичлэгээ бодох ёстой. Жишээлбэл, Дэлхий=Э үсгийг нэг удаа бичдэг бол дэвтэр= Э үсгийг 2 удаа гэх мэтээр таадаг.

Энэ бүхнээс харахад таавар нь ихэвчлэн ардын хар ухаан, аж байдлын мэдлэг, логик сэтгэлгээний чадварыг сорьсон шинжтэй байна.

Таавар нь тооны логик сэтгэлгээ, аливаа зүйлийн учир зүйн нарийн гаргалгаа, хэл сэтгэхүйн хөгжил, түүх, зан заншлыг мэдэх гол хэрэглэгдэхүүн болж байна. Мөн хүн оюунаа хөгжүүлэх нэг ёсны гимнастик гэж болж болно. Аливаа таах гэж байгаа зүйлээ тал бүрээс бодож, эргэцүүлж, сэтгэж, маш сайн ажиглаж сурдаг. Ингэснээр хүүхэд цэгцтэй сэтгэж сурахад чухал ач холбогдолтой.

<u>Ертөнцийн гурав</u> бол орчлон ертөнцийн юмс үзэгдлийн дотроос шинж төлөвөөрөө

нийтлэг гурван зүйлийг онцлон, ард түмний амьдрал, нийгэм түүхийн туршлага, танин мэдэхүйн дүгнэлтийг гурван мөрөөр илэрхийлэн зохиогдсон уран шүлэглэл [Гаадамба нар, 1988. X. 168] юм. Ертөнцийн гуравт монголчуудын үндэсний сэтгэлгээ, аж амьдрал, зан заншил, гүн ухааны үзэл гүнзгий шингэсэн байдгаараа өвөрмөц онцлогтой. "Ертөнцийн гурав"-ын шүлгийн бүтэц нь харьцангуй тогтвортой, хамгийн түгээмэл хэлбэр нь зэрэгцсэн гурван өгүүлбэр тус бүрдээ 4 үгээс бүрдэл болдог. Шүлгийн бадаг бүр нь гурван мөртэй, үеийн тоо тэнцүү, толгой, сүүл холбож хайрцагласан монгол шүлгийн бүтцийг дээд зэргээр хадгалдаг. Жишээлбэл,

Гурван үгүй:

Аавын энэрэл хязгаар үгүй Агтын гүйдэл хэмжээ үгүй

Ардын оюун хөвөө үгүй

Гурван үнэн:

Төрсний эцэст үхэх үнэн

Хураасны эцэст дуусах үнэн

Хурсны эцэст тарах үнэн [Цэрэнсодном, 2011. X. 74]

гэх мэтээр гурван өгүүлбэрээр зэргэд үүсгэж, нэг нь нөгөөгөөсөө урган гарсан гинжин бүтэцтэй нь ихэнх байгаа юм.

Ертөнцийн гурав нь орчлон ертөнцийг таньж мэдсэн мэдлэгийн хураангуй бөгөөд нэг талаасаа нүүдэлчдийн гуравлах сэтгэлгээний илрэл. Мөн хүүхдэд аливаа зүйлийг хүчирхэг болгох, тухайн санаагаа гүнзгийрүүлж үзүүлэх санааг ертөнцийн гурвын агуулгаар танин мэдүүлдэг. "Ертөнцийн гурван их"-д,

Гүехэн усны харгиа их

Дундуур усны цалгиа их

Дүүрэн усны давлагаа их [Өлзийхутаг, 1961. Х. 24] гэж ахиуллын аргаар усны шинж чанарыг харуулжээ. Усны хэмжээ гүехнээс дүүрэн болж, ахиад ус харгианаас давлагаа болон ихсэж байгаа байгалийн зүй тогтлыг үгийн урлагаар дамжуулан илэрхийлсэн байна. Эндээс ямар нэгэн үйл явц жижгээсээ эхлээд том болж хөгжил хөдөлгөөнд хүрдэг гэсэн санааг харж болно. Мөн хүүхэд багачуудад байгалийн болзошгүй эрсдэлийг урьдчилан сануулсан агуулга бүхий ертөнцийн гурав бас бий.

Үерлэн шуугих нь ус хэцүү Дүрэлзэн асах нь түймэр хэцүү

Эрчлэн хийсэх нь салхи хэцүү [Өлзийхутаг, 1961. Х. 26] гэсэнд "ус, түймэр, салхи" бол хүний аж амьдралд давж дийлшгүй хэцүү байдгийг таньж мэдсэн зүйлээ илэрхийлжээ. Ертөнцийн гурвыг бас дөрвөн мөр шүлгээр бадаглах нь цөөнгүй байдаг. Жишээлбэл, Ертөнцийн дөрвөн шард:

Шаагьж хурдаг шашин нэг шар Шарлаж харагддаг алт нэг шар Огторгуйд байдаг нар нэг шар

Орчлонд байдаг дэлхий нэг шар [Өлзийхутаг, 1961. Х. 11] гэж дөрвөн мөрийг таван үгээр жигдэлж "шашин, алт, нар, дэлхий" дөрвөн нэр үгээр өгүүлэгдэхүүн, "шар" гэдэг тэмдэг нэрийг дөрвөн удаа давтаж, тэгш хэм үүсгэн зохиомжилжээ. Ингэхдээ хорвоо ертөнцөд буй хэзээд хувирч өөрчлөгдөшгүй дөрвөн зүйлийг багцлан ийнхүү нэрлэн ертөнцийн дөрвийг бүтээсэн нь сонирхолтой. Тэгвэл Ертөнцийн дөрвөн олонд:

Сайн хүнд тал олон

Муу хүнд ял олон

Сайн явахад садан олон

Саар явахад дайсан олон [Өлзийхутаг, 1961. Х. 23]. Энд нэгдүгээр бадагт сайхан сэтгэлтэй, хүнд тусархуу, хүн болгонтой ижил тэгш харьцдаг хүнд найз нөхөд олон гэсэн санааг хэлсэн бол, хоёрдугаар бадагт хорон муу санаатай, хүн чанаргүй, худалч, хулгайч гэх мэтийн чанаруудыг өөртөө шингээсэн хүнд ял шийтгэл, зэмлэл олон байдаг. Мөн нэр төр, хөрөнгө чинээ, албан тушаалтай явахад хүрээлж тойрох найз нөхөд, ах дүү төрөл саднууд олон байдаг бол, уруудан доройтох цагт тусалж тэтгэх хүн ховор өшөөтөн дайсан олон байдаг шүү гэсэн санааг тус тус илэрхийлжээ. Ингэхдээ хүний зан авирын шинжүүдийг хооронд нь зэрэгцүүлэн 4 мөрөөр сүүл холбон хүүхэд багачуудад нэгийг бодуулах, аливаад оюун дүгнэлт хийж харьцуулах, зөв хүн болж төлөвшихөд чиглүүлжээ.

Хүүхэд оньсого, таавар, ертөнцийн гурвыг тааснаараа нэг юмыг ижил төстэй зүйлтэй нь харьцуулах, эргэцүүлэн бодох, аливаа зүйлийн цаад учир утгыг олох, мэддэггүй байсан зүйлээ

мэдэж авдаг. Дээрх төрөлд гарч байгаа үг хэллэгүүд нь нүүдэлчдийн өдөр тутмын ахуй амьдралаас урган гарсан байдаг.

Эдгээр аман зохиолын бага төрлийг эзэмшсэнээр оюун ухааны хувьд аливаа юмыг хоромхон зуур тусган авч ойлгож, тогтоож эргэцүүлэн жишиж, нэгтгэн дүгнэж чаддаг болохын зэрэгцээ үг яриа, уран хэллэгийн дадалд суралцдаг. Хүүхдүүд оюун ухааныг хөгжүүлдэг үгэн тоглоомыг тоглосноор тэдний үгийн баялаг нэмэгдэж, ярианы чадвар сайжрахын зэрэ-

гцээгээр ахуй амьдралын олон талт зүйлийг нэг дороос мэдэж авдаг.

Оньсого, таавар, ертөнцийн гурав нь хүүхдийг сэтгэхүйн олон арга барил, үйлдлүүдэд сургах, асуудал шийдвэрлэх чадварт суралцуулдаг, бие даасан бүтээлч сэтгэлгээтэй болгодог байна. Тиймээс хүүхдэд оюун ухааны чадварыг эзэмшүүлэх сургалт хүмүүжлийн арга хэрэгсэл болгож ашиглаж ирсэн ардын сурган хүмүүжүүлэх ухааны уламжлалт нэг арга мөн юм.

Резюме

Существует много способов развития интеллекта детей. Монгольская устная литература способствует активному развитию сообразительности маленьких детей и подростков. В этой статье автор поднимает вопросы влияния малых форм монгольского фольклора на развитие самостоятельного мышления детей. В статье анализируются загадки, ребусы и триады. Автор подчеркивает, что все малые жан-

ры, разбираемые в статье (ребусы, загадки и триады) используются в качестве традиционных методов народной педагогики, которая предполагает обучение детей разным способам мышления и активного поведения. Все методы народной педагогики направлены на развитие умственных способностей и привлечение человека к индивидуальному творчеству.

ном зүй

Баттогтох, 2018: Баттогтох Д. Монгол үндэстний хүмүүжүүлэн сургах ухааны их нэвтэрхий толь. Уб., 2018

Battogtokh D. Mongol undestnii khumuujuulen surgakh ukhaanii ikh nevterkhii toli [The great Encyclopedia of the education of the Mongolian nation]. Ulaanbaatar, 2018.

Гаадамба нар, 1988: Гаадамба Ш., Цэрэнсодном Д. Ертөнцийн гурав. Уб. 1988.

Gaadamba Sh., Tserensodnom D. Ertontsiyn gurav [Triads]. Ulaanbaatar. 1988.

Түдэв, 2003: Түдэв Л. Далны хуудас Дугаар 24 (4). 2003: Таамаг, таамнал. Уб., 2003.

Tudev L. Dalny khuudas, Dugaar 24(4) // Taamag, taamnal [Hypothesis and Guessing]. Ulaanbaatar, 2003.

Жамц, 2020: Жамц Л. Монгол хүний амьдрах ухааны үйл явцын боловсрол. Уб., 2020.

Jamts L. Mongol khunii amidrakh ukhaanii uil yavtsiin bolovsrol [The education of Mongolian people's living art process] Ulaanbaatar, 2020.

Өлзийхутаг, 1961: Өлзийхутаг Ц. Ертөнцийн гурав //Аман зохиол судлал, Tom-II, fasc-2/ Ред. Э. Вандуй. Улаанбаатар, 1961.

Ulziikhutag Ts. Ertuntsiin gurav // Aman zokhiol sudlal [Triads // Folklore Studies]. T. II, fasc. 2. Ulaanbaatar, 1961.

Өлзийхутаг, 1966: Түмэн оньсого / Түүвэрлэн эмх. Ц. Өлзийхутаг. Улаанбаатар, 1966.

Tumen onisogo /Tuuverlen emkh. Ts. Ulziikhutag [A lot of riddle's]. Ulaanbaatar, 1966.

Цэрэнсодном, 2011: Цэрэнсодном Д. Монгол ардын аман зохиолын тайлбарт дээж бичиг. Редактор. Б. Катуу. Т. Баясгалан. Улаанбаатар, 2011.

Tserensodnom D. Mongol ardiin aman zokhioliin tailbart deej bichig [The explanatory samples of Mongolian Folklore]. Ulaanbaatar, 2011.

INFLUENCE OF MINOR FOLKLORE GENRES ON INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF CHILDREN

Chuluun ZAYASUREN

Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences

The present paper determines that minor genres of Mongolian folklore such as triads (ёртөнцийн гурав) and riddles have high impact on children's intellectual development. By mastering these minor genres of folklore, one can mentally grasp, identify, compare and summarize things fluently. By playing mind-blowing word games, children can increase their vocabulary and improve their speaking skills, earning at the same time great knowledge of livinghood. Riddles and triads are traditional methods of folk pedagogy that can be used to train children in many ways of thinking, to learn problem-solving skills, and to develop independent creative thinking.

Key words: children's intellectual development, riddle, number puzzle, grammar puzzle, logic puzzle, triad.

About the Author: **Chuluun Z**AYASUREN, Ph.D (Philology), Associate Researcher, Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia) (czayasuren@gmail.com).

Гэрэлт-Од Бат
Заяа Монгол Улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн

МОНГОЛ ХЭЛ, АЯЛГУУНУУДЫГ АНГИЛАН ХУВААЛААН ТҮҮХ, ӨНӨӨГИЙН БАЙДАЛ

Монгол хэлний нутгийн аялгуунуудын онцлогийг сурвалж бичгүүдэд эртнээс нааш тэмдэглэж ирсэн боловч XIX зуунд нутгийн аялгуу судлал бие даасан салбар ухаан болон хөгжиж, өнөөдрийг хүрчээ. Энэхүү хоёр зуугаад жилийн хугацаанд монгол хэлнүүд, нутгийн аялгуунуудыг ангилан хуваах талаар цөөнгүй санал дэвшигдэж иржээ. Тэдгээр эрдэмтэн, судлаачдын хуваарилсан байдлыг бид шүүрдэн авч үзээд, дараа нь чухам хэрхэн ангилан хуваах зарчмыг дурдаж, эцэст нь өнөөдөр монгол төрлийн хэчнээн хэл, тэдгээрийн дотор хэчнээн нутгийн аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгуу байгаа (халхажсан, буриададжсан, ойрадажсан байдлыг нарийвчлан авч үзсэний үндсэн дээр)-г нарийвчлан тоочин гаргаж, ярилцагч хүн амын тоог сүүлийн үеийн мэдээ баримтаар дурдав.

Tүлхүүр үг: монгол хэлнүүд, аялгуунууд, ангилал, түүх, өнөөгийн байдал: хэл, аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгуу, хүн амын тоо

Зохиогчийн тухай: Гэрэлт-Од Батзаяа, D. Sci (Philology), дэд профессор, ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Хэл шинжлэлийн салбарын эрдэм шинжилгээний ажилтан (Улаанбаатар, Монгол Улс) (batzaya@mas.ac.mn).

© ИВР РАН 2023

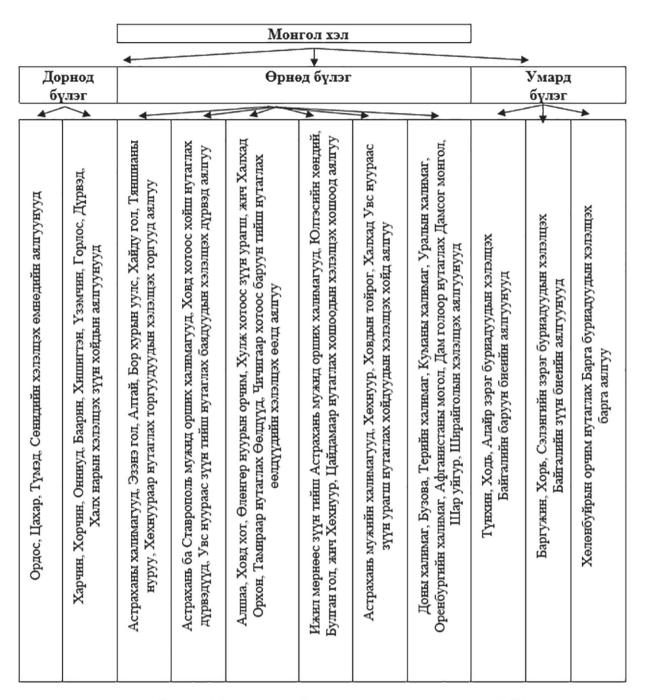
© Г.-О. Батзаяа 2023

Нэг. Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хувааж ирсэн түүх

Монгол хэлний нутгийн аялгуу судлалын эхэн үед А.Д. Руднев, Г.И. Рамстедт, Б.Я.Владимирцов нарын эрдэмтэд монгол хэлний дотор Монгол улс, Хятад улсад тархан суурьшсан монголчуудаас гадна Орос улсад суугаа халимаг, буриад, улмаар Афганистан дахь могол, Хятадын зарим муж нутгаар суусан дагуур зэргийг оруулан, монгол хэлний нутгийн аялгуунуудын тоонд багтааж байжээ. Харин монгол хэл, аялгуунуудын судалгаа өргөжиж, илүү бүрэн гүйцэд бүртгэн хамруулахын

хэрээр монгол хэлний хөгжлийн янз бүрийн үе шатанд бие даан салж хөгжсөн хэлнүүдийг эрдэмтэд судалж, тэмдэглэж, ангилж ирсэн байна. Үүнд: Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Чингэлтэй, Ш. Лувсанвандан, Г. Дөрфер, С. Мөөмөө, Ю. Мөнх-Амгалан, Ю. Янхунен, Д. Төмөртогоо, Ж. Санжаа, Г. Батзаяа, Ж. Цолоо, Кан Шин, Д. Төмөртогоо, Г. Гантогтох нарын олон эрдэмтэн хэрхэн ангилсныг, мөн "Дэлхийн хэлнүүдийн атлас" болон "Монгол судлалын нэвтэрхий толь (Үг хэл, үсэг бичиг)"-т хэрхэн ангилан хуваасныг шүүрдэж үзье.

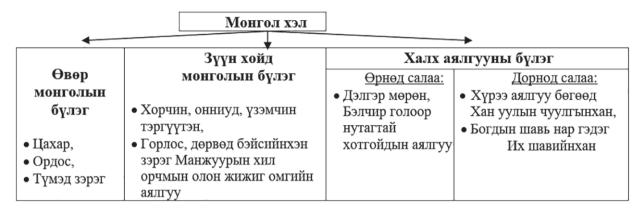
Эрдэмтэн А. Д. Руднев "Опыт классификация монголов по наречиям" [Руднев, 1908] бүтээлдээ:

Бүдүүвч 1. Монгол хэлний аялгуунуудыг ангилсан эрдэмтэн А.Д.Рудневийн ангилал

хэмээн гурван бүлэг, арван нэгэн аялгуу болгон хуваажээ.

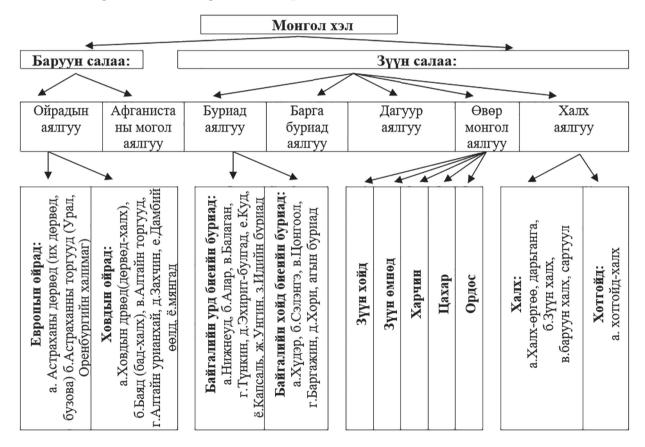
Эрдэмтэн Г. И. Рамстедт "Сравнительная грамматика фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора" [Рамстедт, 1908] бүтээлдээ:

Бүдүүвч 2. Монгол хэлний аялгуунуудыг ангилсан эрдэмтэн Г.И.Рамстедтийн ангилал

хэмээн гурван бүлэг, найман аялгуу болгон ангилжээ.

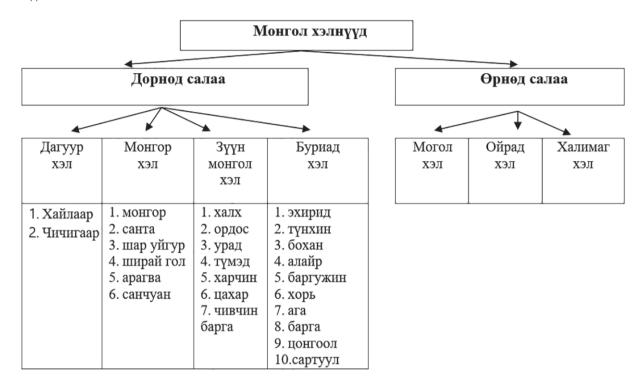
Эрдэмтэн Б. Я. Владимирцов "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия" [Владимирцов, 1929] бүтээлдээ:

Бүдүүвч 3. Монгол хэлний аялгуунуудыг ангилсан эрдэмтэн Б.Я.Владимирцовын ангилал

хэмээн хоёр салаа, долоон аялгуу, мөн тэдгээрийн дотор арван нэгэн салбар болгон ангилсан байна.

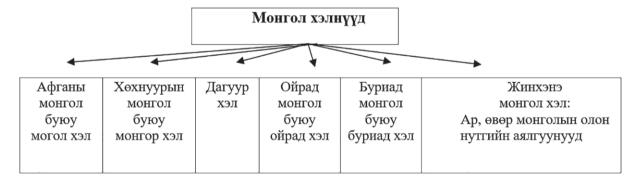
Эрдэмтэн Н. Н. Поппе "Монгол хэлний харьцуулсан шинжлэлийн удиртгал" [Поппе, 1936] бүтээлдээ:

Бүдүүвч 4. Монгол хэлнүүдийг ангилсан эрдэмтэн Н.Н.Поппегийн ангилал

хэмээн хоёр салаа, долоон хэл гэж ангилаад, дорнод салаан дахь дагуур, монгор, зүүн монгол, буриад хэлнүүдийн доторх аялгуунуудыг бүртгэсэн байна.

Эрдэмтэн Г. Д. Санжеев "Монгол хэл аялгууны учир" [Санжеев, 1957] бүтээлдээ:

Бүдүүвч 5. Монгол хэлнүүдийг ангилсан эрдэмтэн Г.Д.Санжеевын ангилал

хэмээн зургаан монгол хэл байна гэж бүртгэжээ.

Эрдэмтэн Чингэлтэй "Дундад улс дахь монгол төрөл хэл ба нутгийн аялгууны ерөнхий байдал" [Čenggeltei, 1957] бүтээлдээ:

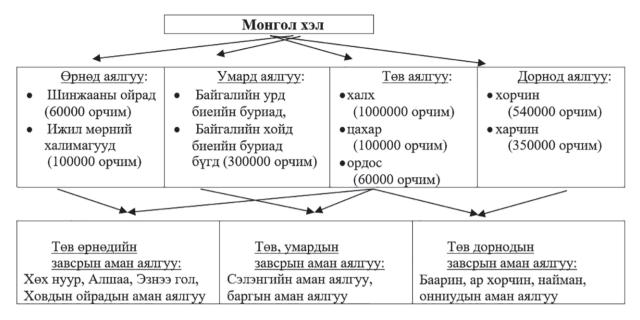

Бүдүүвч 6. Монгол хэлнүүдийг ангилсан эрдэмтэн Чингэлтэйгийн ангилал

хэмээх зургаан хэлийг бүртгэжээ.

Дээрх эрдэмтдийн, монгол хэлний аялгууг ангилсан туршлагыг академич Ш. Лувсанвандан "Монгол хэл аялгууны учир" өгүүлэлдээ - "Монгол хэлний авиазүйн онол практикийн асуудлууд": "А.Д. Руднев, монгол хэл аялгууны тухай баримт мэдээ бүрэн бүтэн болоогүй байсан учир жинхэнэ хэлний нь шинж байдлыг харгалзалгүй, гол төлөв эртний овог аймаг, засаг захиргааны хуваарийг баримталсан шинжтэй болжээ. Г.И. Рамстедт энгийн бөгөөд товч ангилал хийсэн нь үндэслэл сайтай болж, дараагийн эрдэмтдийн судалгаанд зохих нөлөө үзүүлэхүйц болсон юм. Б.Я. Владимирцовын ангиллыг А.Д. Рудневийн ангилалтай зэрэгцүүлэн үзвэл, монгол хэл аялгууны тухай үлэмж нарийн хэрэглэгдэхүүнийг үндэслэн, бодот байдлыг нарийн ажиглажээ. Гэвч энэ үед Өвөрмонголын олон аялгууг сайн судлаагүй байсан учир Өвөрмонголын аялгууг мөн л засаг захиргааг баримтлан ангилжээ. Ялангуяа Шинжаан, Хөхнуур, Ганьсу мужийн монголчуудын хэл аялгууны тухай материал орсонгүй. Г.Д. Санжеев монгол угсаатны овог аймгийн тархай бутархай байдал, мөн түүнийг үндэслэн тогтоосон засаг захиргаа, улс төрийн хуваарийг ихээхэн анхаарсан байна. Ар, өвөр монголын

олон аялгууг нэгэн монгол хэлний нутгийн аялгуу гэж үзсэн нь үнэн байдалд нийлэвч, ойрад, буриад хоёрыг тус тусдаа биеэ даасан хэл гэж үзсэн нь эргэлзээтэй. Н.Н. Поппегийн ангилал нь Г.Д. Санжеевийн ангилалтай бараг адилхан боловч гагцхүү Халимагийг тусгайлан биеэ даасан хэл гэж үзсэн байна. Энэ ангилалд бие биесээ монгол гэж нэрлэдэг эсэхээр нь биеэ даасан хэл болох эсэхийг тогтоох зорилго тавьжээ. Гэвч энэ нь гол баримжаа болох аргагүй. Орчин цагийн монгол угсаатан олонх нь биесээ хуучныхаа овог, аймгийн нэрээр нэрлэхгүй болж, гол төлөв орон нутаг, засаг захиргааны нэрээр ялган цөм монгол гэж хэлэлцэх болж байна. Үүний урьд монгол хэл аялгууг туршин ангилсан хүмүүсийн гарт Дундад улсын доторх монгол угсаатны хэл аялгууны тухай ийм арвин их хэрэглэгдэхүүн байсангүй. Иймээс нөхөр Чингэлтэй монгол хэл аялгууг дан ганц овог аймаг буюу засаг захиргаагий нь баримтлалгүй, юуны өмнө хэлний шинж буюу аль зэрэг харилцан нэвтрэлцэж чадах эсэхийг нь ихээхэн анхаарч ангилсан учир өнөөдрийн бодот байдлыг илүү нарийн тусгаж чадсан байна" [Лувсанвандан, 2002. Х. 38-43] гэх мэтээр үнэлж дүгнээд, өөрийн ангиллыг дэвшүүлсэн нь:

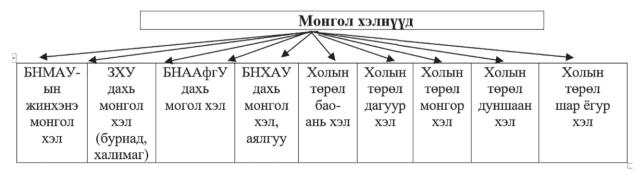

Бүдүүвч 7. Монгол хэлний аялгуунудыг ангилсан академич Ш.Лувсанвандангийн ангилал

хэмээн, эдгээр аялгуутны өөр хоорондоо хэрхэн харилцан нэвтрэлцэж байгаагаар нь баримжаа болгож, монгол угсаатны түүх нийгмийн хөгжилтэй холбон тайлбарлаж, хилийн чанад орших ойрад, буриад, өвөр монголчуудын хэлэлцэх хэл аялгууг хамарч ангилсан байна. Ингэж ангилахдаа хилийн чанад дахь Халимаг, Буриад улсын монголчууд, түүнчлэн Өвөр Монголын хорчин, харчины хүн амын хэлэлцэх хэл яриаг монгол хэлний аялгуу гээд, Монгол улсад нутаглаж буй ойрад, мөн Хөхнуур, Алшаа эзнээгийн ойрадыг төв-өрнөдийн завсрын аман аялгуу, Монгол улсад нутаглаж буй буриад, Өвөр Монголын барга буриадыг төв-умардын завсрын аман аялгуу, баарин, ар хорчин, онниудыг төв-дорнодын завсрын аман аялгуу хэмээн тус тус ангилжээ. Харин могол, монгор зэргийг төрөл хэл хэмээн үзээд, дээрх хүснэгтэд оруулсангүй. Мөн 1966 оны бас нэг бүтээлдээ дагуур, монгор, моголыг "тасархай аялгуунууд" хэмээн нэрийдсэн бөгөөд энэ мэтээр монгол хэлнээсээ ихээхэн тасран холдсоныг хүлээн зөвшөөрчээ.

Германы эрдэмтэн Г. Дөрфер "Classification und Verbreitung der mongolischen Sprachen" [Doerfer, 1964. Р. 34–50] бүтээлдээ хэмээн монгол хэлийг гурван бүлэгт хуваагаад, найман хэлийг багтаажээ.

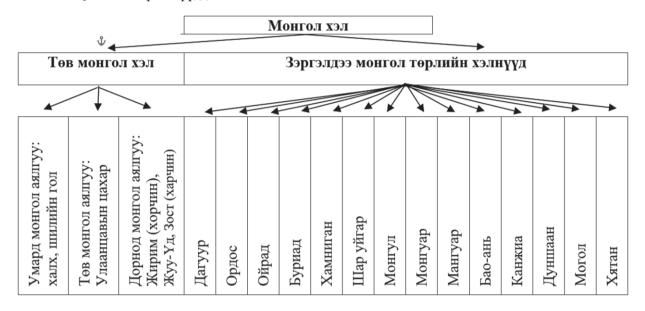
Эрдэмтэн С. Мөөмөө, Ю. Мөнх-Амгалан нар 1984 онд хэвлүүлсэн "Орчин үеийн монгол хэл аялгуу" [Мөөмөө, Мөнх-Амгалан, 1984] хэмээх бүтээлдээ:

Бүдүүвч 9. Монгол хэлнүүдийг ангилсан эрдэмтэн С.Мөөмөө, Ю.Мөнх-Амгалан нарын ангилал хэмээн есөн хэл болгон ангилжээ.

Академич Д. Төмөртогоо 1992 онд хэвлүүлсэн "Монгол хэлний түүхэн хэлзүй" [Төмөртогоо, 1992], 2002 онд хэвлүүлсэн "Монгол хэл шинжлэлийн онол, түүхийн асуудлууд" [Төмөртогоо, 2002] хэмээх бүтээлүүддээ:

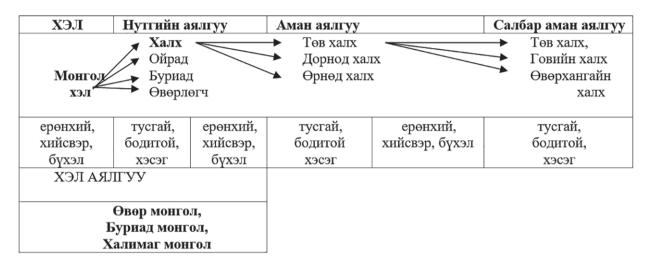
хэмээн 11 хэл болгон авч үзсэн байдаг. Финляндын эрдэмтэн Ю. Янхунен 2003 онд хэвлүүлсэн "Монгол хэлнүүд"[Janhunen, 2003] хэмээх бүтээлдээ:

Бүдүүвч 11. Төв монгол хэлний аялгуунуудыг ангилсан эрдэмтэн Ю.Янхунений ангилал

Эрдэмтэн Г. Батзаяа 2008 оны бүтээлдээ "Хэл аялгуу" хэмээх нэр томьёог хэрэглэсэн. Тэрээр "Монгол хэл хэмээгч нь ерөнхий, хийсвэр, бүхэл шинжтэй бөгөөд энэхүү хэл нь тусгай, бодитой, хэсэг зүйл болох халх, ойрад, буриад, өвөрмонгол хэл аялгуунуудаас бүрджээ. Гэвч нэг талаас тусгай, бодитой, хэсэг зүйл болох нутгийн аялгуу, жишээлбэл, халх аялгуу нь дотроо төв халх, дорнод халх, өрнөд халх хэмээх аман аялгуунуудад хуваагдах учир эргээд ерөнхий, хийсвэр, бүхэл зүйл болно. Энэхүү ерөнхий, хийсвэр, бүхэл зүйл болох аман аялгуу нь мөн дотроо салбар аман аялгуунуудад, тухайлбал, төв халх нь говийн халх, өвөрхангайн халх; дорнод халх нь дарьгангын халх; өрнөд халх нь сартуул халх, элжгэн халх, хотгойд халх, дархад гэх мэтээр мөн л тусгай, бодитой, хэсэг зүйлүүдэд хуваагдана. Үүний нэгэн адил Өвөрмонгол, Буриад, Халимаг (ойрад) монголчуудын хэлэлцэх хэл аялгуу нь нэг талаас ерөнхий, хийсвэр, бүхэл шинж бүхий бие даасан хэлний шинжтэй, нөгөө талаас тусгай, бодитой,

хэсгийн шинж бүхий нутгийн аялгууны шинжтэй юм. Тодруулбал, орчин цагийн Өвөр монгол, Буриад монгол, Халимаг монголчууд нь түүхэн гарал, уламжлал, хэрэглэж ирсэн бичиг соёл, одоо харилцан нэвтрэлцэх чанар зэрэг талаас нь авч үзвэл үнэхээр нэгэн монгол хэлний нутгийн аялгуунууд боловч эдүгээ өөрийн газар нутаг, хил хязгаартай; улс төр, засаг захиргааны хувьд биеэ даасан хийгээд өөртөө засах эрхтэй; хоёр ба холимог хэлтний зарим шинжийг агуулсан агаад зөв бичих, дуудах, найруулах, үгийн сангийн хэм хэмжээ бүхий бие даасан утга зохиолын аман болон бичгийн хэл, түүний суурь буюу баримжаа аялгуутай; өөрийн телевиз, радио, сонин, сэтгүүлтэй зэрэг олон зүйлээс үзэхэд бие даасан хэлний шинжтэй болжээ. Ийнхүү Өвөр монгол, Буриад монгол, Халимаг монголчуудын хэлэлцдэг хэл нь нэг талаас нутгийн аялгуу, нөгөө талаас бие даасан хэлний шинжтэй хоёрдмол чанартай болсон байна" [Батзаяа, 2008, Х. 15-16] гээд дараах загварыг гаргажээ:

Бүдүүвч 12. Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилах тухай эрдэмтэн Г. Батзаяагийн санал

Ийнхүү эдүгээгийн монгол хэлэнд төв монгол хэл, дагуур, дуншаан, бао-ань, монгор, могол, шар ёгур гэсэн 7 төрөл хэл; буриад, халимаг /ойрад/, өвөр монгол гэсэн 3 хэл аялгуу, нийт 10 хэл болон хэл аялгууг хамруулж болох бөгөөд тэр бүр нь дотроо олон, цөөн нутгийн аялгуутай гэж үзэж байна" [Төмөртогоо, 2008. Х. 30–31] хэмээн нутгийн аялгуунаас бие даасан хэл үүсэж буй үйл явцыг тайлбарласан.

Эрдэмтэн Ж. Цолоо 2011 онд хэвлүүлсэн "Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу" бүтээлдээ дээр тэмдэглэсэн Д.Төмөртогоогийн ангиллыг өөрчлөлгүйгээр дэмжээд, "Алтайн өвөг хэлнээс салбарлан гарсан монгол хэлний аялгуунууд нь нэг талаас анхны уугуул шинжээ хадгалсаар байна. Нөгөө талаас, монгол эх нутгаасаа тасран монголчуудын хэл аялгуу нь харь хэлний нөлөөнд автагдан, тус тусдаа өвөрмөц байдлаар хөгжсөөр дээр дурдсан арван нэгэн өөр хэл үүссэн" хэмээсэн байна. Тэрээр цааш нь "Орчин цагийн монгол хэлтэн гэдэг нь Монгол

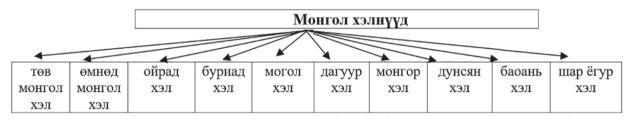
улсын дотор багтаж байгаа олон ястны аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгуугаар ярилцдаг халх-монгол, ойрад-монгол, буриад-монгол, өвөрлөгч монгол нар болно" хэмээн, Орос улсын нутагт оршин суугаа халимагчуудын хэл, Хятад улсын нутаг дахь Шинжаан-Уйгурын ойрад хэл, Монгол улсын баруун аймгуудаар нутагладаг ойрад монголчуудын аялгуу хэмээн ялгасан байна [Цолоо, 2011. Х. 19].

Эрдэмтэн Ю. Мөнх-Амгалан, Кан Шин нар 2014 онд хэвлүүлсэн "Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал" хэмээх бүтээлдээ "Одоогийн байдлаар монгол төрөл хэлний бүлд 10 гаруй хэлийг оруулж байна" [Мөнх-Амгалан, Кан Шин, 2014. Х. 3] гээд, мөн ордосыг биеэ даасан хэл хэмээн үзэж, монгор хэлийг дотор нь нарийвчлан мангуар, монгуар, монгул гэсэн гурван хэл болгон ангилбал дээрх тоо нэмэгдэхийг тэмдэглэжээ. Үүнд:

Академич Д. Төмөртогоо 2017 онд туурвисан "Монгол хэлний түүхэн хэлшинжилэлийн судалгаа" хэмээх бүтээлдээ "Монгол хэлтэнүүд нь хэд хэдэн өөр улсад тархан суурьшсан учир тэдгээр хэл аялгууг ангилах асуудал зарим талаар маргаантай хэвээрээ байна. Жишээлэхэд, ОХУ, БНХАУ-д оршин суудаг монгол угсаатанууд тухайн улсын доторхи олон үндэстэнүүдийн нэг, тэдний хэл нь мөн биеэ даасан 'хэл' гэж ойлгогдоно. Гэтэл Монгол улсын талаас авч үзвэл ОХУ дахь халимаг, буриад, БНХАУ-д оршин суугаа ойрад, буриадууд нь Монгол улс дахь ойрад, буриадуудын нэг хэсэг, тэдний хэл аялгуу нь ойрад, буриад аялгууны хилийн чанад

дахь салбар аялгуу болно. Бүр хөндлөнгөөс авч үзвэл дээрхи гурван улсад тархан оршин суугаа буриад, ойрадуудын хэл нь бие биеэ нөхөж, бие биетэйгээ нийлээд нэгэн бүхэл бүтэн 'буриад хэл', 'ойрад хэл'-ийг бүрдүүлж байгаа билээ. Ийм нөхцөлд тэдгээрийг 'биеэ даасан хэл' гэж үзэх үү, 'нэг хэлний салбар аялгуу' гэж үзэх үү гэдэг асуудал маргаантай байгаа билээ... Монгол хэл аялгуунуудын дотроос Төв Монгол, Өвөр монгол, Ойрад, Буриад хэл нь бусад хэлний нөлөөнд автаагүй, монгол хэлнийхээ дотоод зүй тогтолын дагуу хөгжиж ирсэн зонхилох шинжтэй хэлнүүд юм" гээд, дараах байдлаар 10 хэл болгон ангилсан байна [Төмөртогоо, 2017. Х. 149–174]:

Бүдүүвч 14. Монгол хэлнүүдийг ангилсан академич Д.Төмөртогоогийн ангилал (2017)

Монгол хэлний нутгийн аялгуу судлалын бас нэгэн томоохон төлөөлөгч болох эрдэмтэн Г. Гантогтох 2018 онд хэвлүүлсэн "Монгол хэл аялгуу, үсэг бичгийн судлал" хэмээх эрдэм шинжилгээний өгүүллийн чуулгандаа "Монгол хэлний зүй тогтол, хэл сэтгэхүйн нэгдэл, нийтлэг нэгэн зэл тасраагүй тул олон монгол хэл аялгуу хэлний дотоод журам, хууль зүй тогтол, зүй зохисоороо нэгдмэл нэгэн цул монгол хэл хэмээн үзвээс зохилтой. Монгол хэл хэмээх ойлголт өнөөдөр хэд хэдэн янз байгаа нь тэдгээрийн байршил, газар нутгийн онцлог, засаг захиргааны хуваарь, улс орны харьяалал, угийн угсаа, омог отгийн нэрээр нэрлэж, олон хэмээн ангилахдаа тогтсон нэгэн шийдвэрт хүрч чадахгүй байна. Чингэвэл монгол хэлний дотоод зүй жам хийгээд нийтлэг журмыг дагаж, монголын олон аялгуунуудыг нийтлэг нэгэн зүй тогтолтой, хэл соёл заншлын нэгдмэл зэлтэй, хэл сэтгэхүйн хийгээд хэлний бүтэц, бүрэлдэхүүнийг агуулсан хийсвэр нэг л монгол хэл хэмээсэн ойлголт гэж томьёолж байна" [Гантогтох, 2018. Х. 130] хэмээн өөрийн байр сууриа илэрхийлсэн байдаг.

2020 онд эрдэмтэн Г. Батзаяа "Монгол хэл, аялгуунуудын нэр, үйлийн нөхцөлийн харьцуулсан судалгаа" хэмээх шинжлэх ухааны докторын зэрэг хамгаалсан ганц сэдэвт бүтээлийнхээ удиртгалд дээрх эрдэмтдийн ангиллыг шүүрдэж, эцэст нь өөрийн ангиллыг дэвшүүлжээ.

Ийнхүү монгол хэл аялгууны ангиллын талаарх, тухай тухайн үеийн судалгааны түвшин, цар хүрээтэй холбоотой, эрдэмтдийн харилцан адилгүй санал нь судалгааны түвшин нэмэгдэж, хүрээ тэлэх тутамд улам бүр төгөлдөржиж, монгол туургатны хэл яриаг бүрэн дүүрэн багтаах алхмуудыг хийсээр өнөөгийн түвшинд хүрсэн байна. Эл явцыг академич Л. Болд "Өнгөрсөн зууны үеэс эхлэн монголч эрдэмтэд монгол хэлний нутгийн аялгууг ангилан хуваахдаа нэг бол угсаатны зүйн үүднээс нь, эсвэл засаг захиргааны нэгжийн үүднээс асуудлыг авч үздэг байсан бөгөөд энэ нь нутгийн аялгууны тогтолцоог нээж харуулах шинжлэх ухааны үндэстэй шалгуур болж чадахгүй байлаа. Харин сүүлийн үед нутгийн аялгууг ангилахдаа хэлний хүчин зүйлийг гол болгохын

хамт монгол хэлний нутгийн аялгуунуудыг нэгтгэж байгаа болон аман аялгуу, салбар аман аялгуунуудыг ялгаруулж байгаа өвөрмөц болоод түгээмэл зүйлийг голлон анхаарсан нэгдсэн судалгааг амжилттай хийв" [Болд, 2012. X. 48–56] хэмээн дүгнэсэн байдаг.

Хоёр. Хэл, аялгууны талаар хэрхэн авч үзэх тухай

Монгол хэл, аялгууны ангиллын энэхүү асуудал нь хэл шинжлэлийн болон хэл шинжлэлийн бус (угсаа гарвал, түүхэн замнал, түүний тухай олон улсын улс төрийн үзэл баримтлал, тухайн хэл аялгууг аль талаас нь, ямар харьцаанд авч үзэх гэх мэт) олон хүчин зүйлтэй холбоотой өргөн хүрээ хамаа бүхий асуудал юм. Түүнээс гадна аливаа хэл, ялангуяа амьд аман яриа тасралтгүй хөгжин хувьсаж байдаг учраас ойр зэргэлдээх бусад хэл, аялгуунаас нөлөө авах, ижилсэх, ялгарах, явцуурах, өргөжин хөгжих, хүн ам нь тухайн аялгуугаа хэрэглэхээ болих, мартах, сэргээх зэрэг хувиралт өөрчлөлт үргэлжилсээр байдаг. Иймээс хэл, аялгуу, түүний доторх аман болон салбар аман аялгууг ангилан хуваах явдал бол нэг удаа, нэг хүн хийгээд орхих ажил биш, тодорхой хугацааны хугацааны давтамжтай, байнга хөгжүүлж, шинэчилж байх хэрэгтэй ажил юм.

Академич Ш. Лувсанвандан 1959 онд нийтлүүлсэн "Монгол хэл аялгууны учир" өгүүлэлдээ "Аль нэгэн ястан, үндэстний төвлөрсөн улс төр задравч хэрэв улс төр, соёл, эдийн засгийн талаар байнгын холбоотой байвал тэдний хэл аялгуу заавал задарч, тус тусдаа биеэ даасан төрөл хэл болох албагүй юм. Монголын эзэнт гүрэн задарсны дараагаар Афганистаны моголууд, мөн Ганьсу мужийн монгорууд, төв монголчуудаасаа улс төр, соёл, эдийн засгийн талаар бүрмөсөн тасарсан боловч ар, өвөр монголчууд, мөн ойрад, буриад монголчууд бие биеэсээ ингэж бүх талаар тасарсангүй учраас тэдний хэл аялгуу ч мөн тус тусдаа биеэ даасан төрөл хэл болон хөгжсөнгүй, нэгэн монгол хэлний салбар аялгуу, аман аялгуу хэвээр үлджээ... Түүнчлэн Хөхнуур, Эзнээ гол, Алшаагийн монголчуудын үг хэл нь гарлаараа ойрад аялгуу боловч одоо төв аялгуу руу хэлбийж, завсрын аман аялгуу болжээ. Мөн барга буриад нь халх-буриадын завсрын аман аялгуу юм" [Лувсанвандан, 2002. Х. 44-45] гэсэн зарчмын үүднээс дээр дурдсан ангиллаа дэвшүүлж байжээ. Гэхдээ тэр үеийн байдлаас одоо үеийн байдал өөр болсон нь ойлгомжтой юм.

Ялангуяа монгор, дагуур, дуншаан, бао-ань, зүүн ёгур, жич могол хэлнүүд төв монгол хэлнээсээ нэгэнт алслан холдож, өдгөө биеэ даасан хэл болон хөгжсөнийг эрдэмтэн судлаачид үндсэндээ хүлээн зөвшөөрч иржээ. Харин ойрад, буриад, мөн өвөр монголчуудын хэлэлцэж буй хэл яриа нь хэл үү, аялгуу юу гэдэг талаарх харилцан адилгүй саналын гол оногдохуун болж байна.

1996 онд Лондонд, 1998 онд Москвад хэвлэгдсэн "Атлас языков мира" (Дэлхийн хэлнүүдийн атлас)-д "Основным языком монгольской группы является язык на котором говорят в Монгольском народном республике и во Внутренней Монголии, автономном районе Китая." /Үндсэн буюу төв монгол хэлээр Бүгд Найрамдах Монгол Улс, Өвөр Монголын монголчууд ба Хятад улсын доторх Монголын автономит мужийн монголчууд хэлэлцдэг/ [АЯМ, 1998. С. 47–48] хэмээсэн байдаг.

Түүнчлэн 2004 онд Өвөр Монголын Улаанхад хотноо хэвлэгдсэн "Монгол судлалын нэвтэрхий толь (Үг хэл үсэг бичиг)"-ийн "Монгол хэл аялгууны тархацын байдал" зурагт ар, өвөр монголын хэлийг нэгэн өнгөөр, харин дагуур, ду Сэцэнбаатар ншаан, могол, монгор, зүүн ёгур, бао-ань болоод халимаг, буриад хэлнүүдийг нэгэн ижил өнгөөр тэмдэглээд, монгол төрөл хэл (Mongolic languages) хэмээн нэрлэж, монгол хэлийг дотор нь өвөр (өвөр монгол) аялгуу, халх аялгуу, ойрад аялгуу, буриад аялгуу хэмээн дөрвөн том нутгийн аялгуунд хувааж үзсэн байна.

Өвөр Монголын эрдэмтэн Сэцэнбаатар "Монгол хэлний нутгийн аялгууны шинжлэлийн удиртгал" хэмээх бүтээлийнхээ "Хэл хийгээд нутгийн аялгууны ялгаа" хэсэгт хэл үү, нутгийн аялгуу юу гэдгийг шийдэх тухай дараах хэд хэдэн үндэслэлийг тайлбарласан байна. Үүнд: Аливаа хэлний доторх нутгийн аялгуу бусад нутгийн аялгуунуудтайгаа зэрэгцэн оршдог бөгөөд ганц нутгийн аялгуутай хэл

гэж байдаггүй. Нэг хэлэн доторх нутгийн аялгуунуудын үгийн үндсэн сан хийгээд хэл зүйн зохион байгуулалт үндсэндээ адил байдаг. Гэхдээ дан ганц үгийн сан, хэл зүйн зөрөө их, багаар бас асуудлыг бүрэн тодорхойлж чадахгүй. Мөн хэл яриануудын хоорондох шилжилтийн чанартай зүйл байх эсэх, улс төрийн байгууламж харьяалал, бичиг үсэг ба бичгийн хэл, нэг үндэстэн мөн эсэх нь асуудлыг шийдэх чухал хүчин зүйлс мөн боловч бас л бүрэн шийдвэрлэж дийлэхгүй. Тиймээс эдгээр нөхцөлүүдийг дан дангаар нь бус нийтэд нь ерөнхийлөн харгалзсан суурин дээр, нэгд. хэл аялгууны тус биеийнх нь онцлогийг үндэслэж, хоёрт. тухайн хэл аялгуугаар яригчдын үзэл ухамсрыг үндэслэж байгаад хэл ба нутгийн аялгууны ялгааг тодорхойлж болох юм. Хэл аялгууны тус биеийнх нь онцлог гэдэгт: 1. Нэгдмэл нэг хэлний дотоод дахь хэл яриа болж байх, 2. Тогтсон нутаг дэвсгэрийн тархацтай, 3. Тухайн хэлнийхээ нийтлэг онцлогийг хадгалсан мөртөө зохих хэмжээний өвөрмөц онцлогтой, 4. Авиа зүй, хэл зүй, үгийн сан, утга зүйн системт чанартай хэмээх үндсэн онцлогуудыг үзэж, хамтын дотоод хөгжлийн жам хуульд захирагдах эсэхийг нь чухалчилна. Адил бус орон нутгийн хүмүүс өөрсдөө чухам юу гэж үзэх ухамсар нь хэл ба нутгийн аялгууны ялгааг тодлоход чухал үйлдэл үзүүлнэ [Sečenbayatur, 2005. X. 5-10].

Академич Д. Төмөртогоо дээрх бүтээлдээ "Өөр өөр улсад оршин сууж байгаа нэг хэлний салбар аялгуутанууд тус тусдаа бичигийн хэлтэй байвал тэдгээрийг биеэ даасан хэл гэж үзнэ гэсэн зарчим олон улсын хэмжээнд үйлчилсээр байна. Тэрхүү зарчимыг баримталвал дээрхи гурван улсад харьяалагдаж байгаа ойрад, буриадууд өөр өөр бичигийн хэлтэй байгаа учир тус тусдаа биеэ даасан хэл болж таарна" [Төмөртогоо, 2017. Х. 149–174] гэсэн зарчмыг дэвшүүлсэн байна.

Дээрх бүхий л эрдэмтдийн ангиллыг шүүрдэн ажиглахад: могол, монгор, дагуур, дуншаан, бао-ань, шар ёгурчууд монголчуудаасаа газар нутгаар алслан холдож олон зуун жил амьдарсны дүнд тэдний хэл яриа нь өөрийн дотоод зүй тогтлоороо хөгжихийн зэрэгцээ зэргэлдээх хэлнүүдийн нөлөөнд үлэмжхэн орж, эдүгээ холимог шинж бүхий бие даасан

хэл болон хөгжсөнийг олонх эрдэмтэд хүлээн зөвшөөрсөн байна. Нэгэн нэгдмэл монгол хэл хэмээн үзэж ирсэн эрдэмтэд ч А.Д. Рудневийн ангилалд монгол хэлний өрнөд бүлэгт афганистаны могол хэмээн дурдагдсаныг эс тооцвол эдгээр хэлнүүдийг дурдсангүй. Маргаант асуудлын гол оногдохуун нь буриад, ойрад, өвөр монголчуудын хэлэлцэж буй хэл яриа юм. Үнэндээ өвөр монгол, буриад монгол, ойрад монголчуудын хэлэлцдэг хэл яриаг уг гарвал, түүхэн замнал зэрэг талаас нь харвал монгол хэлний нутгийн аялгуу; өнөөдөр хилийн чанадад өөр улс оронд амьдарч буй байдал, өөрийн гэсэн утга зохиолын суурь болон баримжаа аялгуутай, түүнийхээ зөв бичих, дуудах, найруулах хэм хэмжээтэй, өөрийн гэсэн хэвлэл мэдээллийн сүлжээтэй зэрэг байдлыг харвал бие даасан хэлний шинжтэй - ийм хоёрдмол чанартай болсон байна.

Гэвч цаашид монгол хэлний өргөн хүрээнд бүрэн цогц судалгаа хийхийн тулд монгол хэлний өнөөгийн байдал, хөгжлийн чиг хандлага, нутаг нутгийн монголчуудын аман ярианы бодит ялгааг харьцуулан судлахын учир эрхбиш ямар нэг ангилалд тулгуурлах зүй ёсны шаардлага бидэнд тулгарч байна.

Гурав. Орчин цагт буй монгол хэл, нутгийн аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгууны байдал

Бид дээр дурдсан "Атлас языков мира" [АЯМ, 1998] болон "Монгол судлалын нэвтэрхий толь: Үг хэл үсэг бичиг" [МСНТ, 2004]-ийн "Монгол хэл аялгууны тархацын байдал" зураг, бусад эрдэмтдийн санал, мөн Буриад болон Халимаг улсын хүн амын өөрсдийн үзэл баримтлалыг харгалзан үзэж дараах байдлаар ангилан хувааж байна.

ОХУ дахь Буриад, Халимаг улс болон бусад мужид тархан суурьшсан хүн амын хэлэлцдэг нь орос хэлний нөлөөг үлэмж хүртэж, холимог хэлний шинжтэй бие даасан буриад болон ойрад (халимаг) хэл болжээ. Харин Монгол улс болон Өвөр Монголын өөртөө засах орон, жич Шинжаан уйгурын өөртөө засах орон, Хятад улсын зарим мужаар тархан суурьшсан буриад, ойрад угсааны хүн амын хэлэлцдэг нь мон-

гол хэлний аялгуу юм. Учир нь Монгол улсын баруун аймгуудаар нутагладаг ойрадууд болон зүүн хойд аймгуудаар нутагладаг буриадуудын тухайн аймаг, сумандаа ярилцдаг аман яриа нь ойрад болон буриадаараа байж, өөр өөрийн онцлогоо хадгалж байвч халх аялгуунд суурилсан монгол утга зохиолын хэлний зөв бичих, найруулах хэм хэмжээ бүхий бичгийн хэлэнд захирагдаж, аман хэл нь ч тодорхой хэмжээгээр уусан жигдэрч байна. Түүнчлэн, Өвөр Монголын өөртөө засах орон, Шинжаан уйгурын өөртөө засах орон болон Хятад улсын зарим мужуудаар тархан суурьшсан буриад, ойрад угсаатан ард түмэн худам монгол бичгийн хэлэнд захирагдаж, өвөр монголын баримжаа – цахар аялгуунд тодорхой хэмжээгээр уусан жигдэрч байна.

Харин өвөр монголчуудын хэл яриаг бид одоохондоо өвөр аялгуу хэмээн томьёолж буйн гол шалтгаан нь хүн амын өөрсдийн үзэл бодол, хамгийн гол нь баримжаа авиа - цахар аман аялгуу нь халх аялгуутай харьцангуй ойр дөт байдагт оршино. Гэвч хэлэлцэгч хүн амын тоог авч үзвэл цахар аман аялгуутан эдүгээ 460000 орчим бөгөөд энэ нь өвөр аялгуутны 10,78% бол хорчин аман аялгуутан 2080000 орчим бөгөөд дангаараа 48,77%-ийг эзэлж байна (Үлдсэн 40,45% нь ордос, алшаа, баарин, харчин аман аялгуутнууд)1. Хорчин аман аялгуу нь үгийн сангаас гадна хэл зүй, авиа зүйн түвшинд хятад хэлний нөлөөг үлэмж хэмжээгээр хүртэж, өдөр тутмын аман яриаг нь Монгол улсын хүн ойлгоход улам бүр төвөгтэй болж байна. Чухам энэ байдлыг авч үзвэл тэдний хэл яриа Орос дахь буриад, ойрад хэлний нэгэн адил холимог хэлний шинж бүхий биеэ даасан хэл болон хөгжиж буйг тэмдэглэх хэрэгтэй.

Ийнхүү, өнөөдөр МОНГОЛ ХЭЛ хэмээх ойлголтод монгол, ойрад, буриад, дагуур, дуншаан, бао-ань, монгор, могол, шар ёгур гэсэн 9 төрөл хэл багтаж, тус бүр дотроо нутгийн болон аман аялгуунуудтай, тэдгээрийн дотор салбар аман аялгуунуудтай болж байна. Үүнд:

1. Монгол хэл

- 1.1. Халх нутгийн аялгуу
- 1.1.1. Төв халхын аман аялгуу
- 1.1.1.1. Төв халхын салбар аман аялгуу
- 1.1.1.2. Говийн халхын салбар аман аялгуу
- 1.1.1.3. Өвөрхангайн халхын салбар аман аялгуу
 - 1.1.2. Өрнөд халхын аман аялгуу
 - 1.1.2.1. Өрнөд халхын салбар аман аялгуу
 - 1.1.2.2. Сартуулын салбар аман аялгуу
 - 1.1.2.3. Элжигэн халхын салбар аман аялгуу
- 1.1.2.4. Халхажсан хотгойдын салбар аман аялгуу 2
- 1.1.2.5. Халхажсан өөлдийн салбар аман аялгуу³
- 1.1.2.6. Халхажсан дархадын салбар аман аялгуу⁴

¹ https://mn.wikipedia.org/wiki/Өвөр_Монголын_Өөртөө_ Засах_Орон

 $^{^2}$ Өрнөд халхад багтдаг хотгойдууд нь XVI зуунд халхчуудтай нийлсэн ойрадуудаас гаралтай бөгөөд халхчуудын дунд олон зуун жил суусан тул халх аялгуунд үндсэндээ ууссан боловч ойрад аялгууны зарим шинжийг хадгалж үлдсэн байна [Төмөртогоо, 2017. X. 152]. Зүүнгарын улсын хотгойдын ноён Хархул зургаан мянгаад хүнтэй ойрадаас тасран халхад суурьшсан байна [Очир, 2011. X. 237].

³ Архангай аймгийн Өлзийт сумын өөлдүүд төв халхчуудын дунд 250 орчим жил аж төрөн суурьшиж байна. 1931 онд орон нутгийн засаг захиргааны байгууллыг өөрчлөхөд Цэцэрлэгмандал аймгийг Архангай аймаг хэмээн нэрлэж, хуучин өөлдийн өмнөд хошуу, Баянбайшир уулын хошуу, хожимдоо Батцэнгэл уулын хошуу гэж байснаас салган, одоогийн Өлзийт сумыг байгуулсан ажээ. Тэд хэлний хувьд халх аялгуунд бараг бүрэн ууссан боловч ойрад аялгууны зарим онцлог элемент бас ч арилаагүй байна [Санжаа, Туяа, 2011. Х. 267–278].

⁴ Дархадууд нь XVII зууны сүүлчээр Өндөр гэгээн Занабазарын шавь болж, албан татвараас чөлөөлөгдөн, дархан эрхтэй болсон хүмүүс бөгөөд тэдний хэл ярианд ойрад, буриад хэлний шинжүүд бий [Төмөртогоо 2017. Х. 152], Дархад аялгуу нь анхандаа ойрад байснаа сүүлийн үеэс ойрад, буриад, халх аялгуу холилдох болсон [Санжеев, 1931, Өнөрбаян нар, 2020. Х. 63–64] "Дархад аялгуу нь ойрад, баруун халхын завсрын салбар аман аялгуу мөн" [Санжаеа, Туяа, 2011. Х. 195].

- 1.1.2.7. Халхажсан цаатан салбар аман аялгуу¹
 - 1.1.3. Дорнод халхын аман аялгуу
 - 1.1.3.1. Дорнод халхын салбар аман аялгуу
 - 1.1.3.2. Дарьгангын салбар аман аялгуу²
- 1 Хөвсгөл аймгийн Ринчинлхүмбэ суманд цаа буга маллан амьдардаг цаатан хүмүүсийн хэл яриа, тэдний угсаа гарлын тухай монгол хэлний нутгийн аялгуу судлалд ховор тэмдэглэгджээ. Тэд эдүгээ дархад болон халхчуудын дунд аж төрөн суудаг. Тэд Тувагаас гаралтай бөгөөд настангууд нь одоо ч тува хэлээр ярьдаг. Өвөр Монголын эрдэмтэн Ж.Сэндмаа эвенк, хамниган нарын талаарх судалгааны бүтээлдээ ийнхүү дурджээ: "Эвенкчүүд бол ангийн нүүдлээр явдаг, тогтмол орон сууцгүй анчин үндэстэн юм. Тэд гүн уул, балар ойгоор араатан амьтан агнаж, аж төрдөг байсан тул жилийн дөрвөн улиралд зохицуулан, ан гөрөөг мөрдөн дагаж нутаг шилждэг байв. Цаа буга бол хөвд иддэг амьтан тул хөвд ургамлын судсыг даган, уул хайрхан, ой хөвчөөр шинэ соргог хөвд эрэн идшилдэг юм. Цаа бугын эзэн бологч бугачин эвенкчүүд мөн хөвд ургамлын судсыг даган цаа бугынхаа хойноос даган нааш цааш нүүдэллэн явдаг байжээ. Тиймээс анчин, бугачин эвенкчүүд нь Байгал далайн зүүнтээх ойт уул, Гадаад Хянган даваа, Хармөрөн, Жинхирмөрөн, Ниуман голын сав газраар нүүдэллэн шилжиж, хаа хүрсэн газартаа үйсэн гэрээ барьж, ангийн мах, сүүгээр идээ умдаагаа болгосон чөлөөт амьдралыг хийж байв." [Сэндмаа, 2011. Х. 25-26]. Алтай язгуурын хэлний нэг болох манж түнгүс төрлийн эвенк хэлтэн буюу эвенкчүүд нь МЭ 1-р зуунд өмнөд талаараа Хятан улстай хил залган оршиж байсан Дундад улсын зүүн хойд орны Шивэй хэмээх анчин ахуйтай нэгэн угсаатнаас гаралтай. Шивэйчүүдийн зарим нь дагуур, манж, монгол угсаатанд тус тус уусан нэгдэж, голдуу хос хэлтэн болсон бөгөөд харин бусдад уусалгүй эх хэлээ хадгалан үлдсэн нь орчоон ба эвенк үндэстнүүд болжээ. Орчоон буюу ортон хэмээх нь цаатан хэмээх үг юм. Академич Б. Ринчен "Ортон хамниган, оронзон, орчон гэх мэт хамниган яс омгийн монгол нэрэнд орсон ор гэдэг үг бас монгол хэлнээ ор гөрөөс, ор буга гэх мэт үгэнд байдаг нь хамниган гаралтай язгуур үг бөгөөд хүний гаршуулж, уналга ачилгандаа хэрэглэдэг нэгэн зүйлийн мал болгосон бугын нэр болно." [Ринчен, 2012. Х. 10] хэмээн тэмдэглэсэн байна. Тувагийн 26 овгийн дотор ооржак гэдэг овог байдаг. Орчоон бол манж-түнгүс, тува нь түрэг язгуурын хэлтэн бөгөөд аль аль нь алтай язгуурын хэлтнүүд юм. Эдгээр нүүдэлчин аймгуудын тухай баримтыг холбон бодож үзвэл ямар нэг холбоо байна гэж санана.
- ² Дорнод халхад багтдаг дарьгангачууд нь XVII зууны сүүлчээр халхын зүүн өмнөд хэсэг, Өвөр Монголын зүүн хойд хошуунаас таслан авч, манжийн хааны сүргийг хариулах алба гүйцэтгэж байсан хүмүүс юм. [Төмөртогоо, 2017. X. 152]. Гэвч авиазүйн зарим ховор үзэгдлүүд одоо хүртэл хадгалагдан үлдсэн сонирхолтой баримтуудыг эл нэг сэдэвт бүтээлийн дараагийн хэсгүүдэд дурдах болно.

- 1.1.3.3. Халхажсан үзэмчин, харчины салбар аман аялгуу _3
 - 1.2. Өвөр нутгийн аялгуу
 - 1.2.1. Цахар аман аялгуу
 - 1.2.1.1. Цахар салбар аман аялгуу
 - 1.2.1.2. Сөнид салбар аман аялгуу
 - 1.2.1.3. Үзэмчин салбар аман аялгуу
 - 1.2.1.4. Хэшигтэн салбар аман аялгуу
 - 1.2.1.5. Урад салбар аман аялгуу
 - 1.2.2. Ордос аман аялгуу
 - 1.2.2.1. Өмнөд салбар аман аялгуу
 - 1.2.2.2. Хойд салбар аман аялгуу
 - 1.2.3. Алшаа эзнээ аман аялгуу
 - 1.2.3.1. Алшаа салбар аман аялгуу
 - 1.2.3.2. Эзнээ салбар аман аялгуу
 - 1.2.4. Баарин аман аялгуу
 - 1.2.4.1. Баарин салбар аман аялгуу
 - 1.2.4.2. Ар хорчин салбар аман аялгуу
 - 1.2.4.3. Онниуд салбар аман аялгуу
 - 1.2.4.4. Найман салбар аман аялгуу
 - 1.2.5. Хорчин аман аялгуу
 - 1.2.5.1. Жалайд салбар аман аялгуу
 - 1.2.5.2. Дөрвөд салбар аман аялгуу
 - 1.2.5.3. Горлос салбар аман аялгуу
 - 1.2.6. Харчин түмэд аман аялгуу
 - 1.2.6.1. Харчин салбар аман аялгуу
 - 1.2.6.2. Хүрээ салбар аман аялгуу
 - 1.2.6.3. Монголжин салбар аман аялгуу
 - 1.3. Ойрад нутгийн аялгуу
- 1.3.1. Монгол улс дахь умард ойрадын аман аялгуу
 - 1.3.1.1. Дөрвөдийн салбар аман аялгуу
 - 1.3.1.2. Баядын салбар аман аялгуу

³ Үзэмчингүүд нь XVI зууны үеэс зүүн Монголын харьяанд багтаж байсан цахарын дөрвөн оттийн нэг бөгөөд XVII зуунаас одоогийн Өвөр Монголын Шилийн голын чуулганы харьяанд багтах болж, 1945 онд Өвөр Монголын Зүүн үзэмчин хошуунаас Дархан ван Минжүүрдоржийг даган Монгол улсад шилжин ирж, Дорнод, Сүхбаатар аймгийн нутгаар тархан суурьшжээ. Ийнхүү үзэмчингүүд нь угтаа өвөр аялгууны нэгэн салбар боловч олон жил халхчуудын дунд цөөхүүл оршин сууж, эдүгээ халх аялгуунд бараг бүрэн ууссан гэхэд болно. [Төмөртогоо, 2017. X. 153]. Манжийн эзэн хааны өртөөний албыг монгол газар гүйцэтгэж байсан харчид говиор нутаглана. Анх Энх-Амгалан хааны 58 /1715/ онд манж хааны зарлигаар монгол нутагт иржээ. [Цолоо, 2011. X. 60].

- 1.3.1.3. Дөрвөдөжсөн хотон салбар аман аялгуу $^{\scriptscriptstyle 1}$
 - 1.3.1.4. Мянгадын салбар аман аялгуу²
- 1.3.2. Монгол улс дахь өмнөд ойрадын аман аялгуу
 - 1.3.2.1. Захчины салбар аман аялгуу
- 1.3.2.2. Алтайн урианхайн салбар аман аялгуу³
 - 1.3.2.3. Ариг урианхайн салбар аман аялгуу
 - 1.3.2.4. Торгуудын салбар аман аялгуу
 - 1.3.2.5. Өөлдийн салбар аман аялгуу
- ¹ Хотончуудын тухай эрдэмтэн Ю.Цэндээ "Тэд ойрад биш, түрэг, уйгар гаралтай хүмүүс юм. Ойрадын Галдан бошгот хаан 1670-аад онд Дундад Азийн уйгар, хотон нарыг байлдан эрхшээлдээ оруулж, цэрэгт дайчлах ба тариа тариулдаг байжээ... үг яриа нь бие даасан аялгуу биш бөгөөд эдүгээ монголын дөрвөд, баяд нарын дунд олон жил хольцолдон суусан тул уугуул ярианы хэлээ гээж, ойрад аялгуугаар, тэр дундаа дөрвөд аман аялгуугаар ярилцах болсон байна." хэмээн тэмдэглэжээ. [Өнөрбаян нар, 2020. Х. 63–64] Тэд Увс аймгийн Тариалан сумын нутагт 900 гаруй өрх 4500 орчим хүн ам аж төрөн суудаг. [Бадамхатан, 1995. Х. 5]. Мөн 1778 оны үед хотон нар Эжил голоос Улаангомд ирж суурьшсан байна. [Цолоо, 2011. Х. 179].
- ² "XV-XVII зууны үеэс мянгадууд Хэм гол, Тагнын нуруу, Хөвсгөл нуурын баруун биеэр нутаглаж байсан бөгөөд Ойрад болон Шолой увшийн Алтан улсын захиргаанд, бас хотгойдуудтай хамт Манжийн захиргаанд ч орж явжээ. 1766 онд Улиастайн манж амбаны даалгавраар мянгадуудыг Алтай тийш нүүлгэн суурьшуулжээ. Мянгадууд одоо Ховд аймгийн Мянгад суманд бөөнөөр, Увс аймгийн Өлгий, Өмнөговь сумын дөрвөдүүдийн дунд цөөн тоогоор сууж байна. Алтайн урианхайчуудын дотор элкин байдалтай байна." [Цолоо, 2011. X. 63].
- ³ "XII зууны үеэс ойн анчин аймаг гэгдэх урианхайчууд Хөвсгөлийн ой тайгаас баруун зүг нүүдэллэн Алтайд очиж суурьшжээ. Одоо Шинжаан-Уйгурын өөртөө засах орны Алтай аймагт урианхайчууд сууна. Монгол улсын Баян-Өлгий аймгийн төв, Булган, Алтай, Алтанцөгц, Буянт, Сагсай зэрэг сум, Ховд аймгийн Дуут, Мөнххайрхан суманд урианхайчууд бөөнөөр сууна. Эдгээр урианхайчуудыг алтайн урианхай хэмээнэ. Хөвсгөл аймгийн Чандамань-Өндөр сумын Аригийн голоор ариг урианхайчууд нутаглана. Хэнтий аймгийн Бурхан халдун орчимд их хааны хоригийг сахиж үлдсэн урианхайчуудын хойчис байна. Говь-Алтай аймагт урианхан, хар урианхас овог байдалтай сууж байна. Дээрх урианхайчууд гарал нэгтэй монгол урианхайчууд юм" [Цолоо, 2011. Х. 62]. Харин язгуурын монгол эдгээр урианхайчуудаас өөрсдийгөө ялган, уйгар-урианхай хэмээн нэрлэж, түрэг хэлийг эх хэлээ хэмээн үздэг, түрэг, монгол хоёр хэлтэн хүмүүс Хөвсгөл аймгийн Цагаан-Үүр, Ханх суманд амьдардаг. Тоогоор цөөхөн тэдний өвөг дээдэс Хан Хөхий уулын орчмоор нутаглаж байгаад нүүдэллэж иржээ. [Болд, 2012. Х. 125].

- 1.3.3. Хятад улс дахь ойрадын аман аялгуу4
- 1.3.3.1. Торгуудын салбар аман аялгуу
- 1.3.3.2. Дөрвөдийн салбар аман аялгуу
- 1.3.3.3. Хошуудын салбар аман аялгуу
- 1.3.3.4. Захчины салбар аман аялгуу
- 1.3.3.5. Ойрадажсан урианхайн салбар аман аялгуу
 - 1.3.3.6. Өөлдийн салбар аман аялгуу
- 1.3.3.7. Ойрадажсан Борталын цахар салбар аман аялгуу 5
- 1.3.3.8. Хөхнуурын ойрадын салбар аман аялгуу⁶
 - 1.4. Буриад нутгийн аялгуу
- 1.4.1. Монгол улс дахь Сэлэнгэ, Үүр голын буриад аман аялгуу
 - 1.4.1.1. Цонгоолын салбар аман аялгуу
 - 1.4.1.2. Түнхэн санагын салбар аман аялгуу
 - 1.4.1.3. Ашбагадын салбар аман аялгуу
- 1.4.2. Монгол улс дахь Онон, Улз голын буриад аман аялгуу
 - 1.4.2.1. Агын салбар аман аялгуу
 - 1.4.2.2. Хорийн салбар аман аялгуу
 - 1.4.2.3. Баргын салбар аман аялгуу
- 1.4.2.4. Буриадажсан хамниганы салбар аман аялгуу 7
- ⁴ Ц. Өнөрбаян нар "Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу" бүтээлдээ Монгол, Хятад, Орос гурван улсын нутагт тархан суух ойрадуудыг нэтгэн, "ойрад нутгийн аялгуу" хэмээн оруулаад, 12 ангилжээ [Өнөрбаян нар, 2020. Х. 6–64]. Үүнээс бид Хятад улсын нутагт суурьшин буй ойрадын аялгуудыг энд оруулав.
- ⁵ "Шинжааны Бортал жеүгийн Рашаан сян ба Бортал хотод амьдарч буй 20000 орчим монголчууд бол Чин улсын үед баруун хязгаарыг сахихаар нүүдэллэж очсон цахарчууд эдүгээ ойрадуудтай олон зуун жил хамт нутагласнаар ойрадажсан нэгэн салбар аман аялгуу болжээ." [Sečenbayatur, 2005. X. 398].
- 6 1686 онд 1000 илүү өрх хотгойд нар Хөхнуурт очиж, Манжид дагаар оржээ. [Очир, 2011. X. 237].
- ⁷ Дээр дурдсан (цаатанчуудын тухай хэсэгт) эвенкчүүд нь түүхийн урт удаан хугацаа, амьдралын хэв маяг, улс гүрнүүдийн дайн дажин зэрэг шалтгаанаас болж нэг хэсэг нь Монгол улсад (хамниган буриад), нэг хэсэг нь Орос улсад (хамниган түнгүс болон якут), нэг хэсэг нь Хятад улсад (зарим нь дагуурчуудтай нийлсэн, зарим нь өвөр монголчуудтай нийлсэн хамниган түнгүс, зарим нь дан эвенк үндэстнээрээ) тархан суурьшжээ. Хамниган нь эвенкчүүдийн доторх нэг салбар угсаатан бөгөөд хамниган гэдэг нь монголчуудтай нийлсэн цагаас эхлэн нэрийдсэн нэр юм. "Хамниган эвенкчүүд мөн эртний үеийн аль нэгэн шатанд, эсвэл нэлээд урт түүхэн хугацаанаа монгол угсаатантай холилдон нийлж, хэдэн зуун жил өнгөргөжээ гэдгийг нь тэдний одоод тултал уламжлан ирсэн домог яриа,

- 1.4.3. Өвөр Монгол дахь буриад аман аялгуу
- 1.4.3.1. Шинэ баргын салбар аман аялгуу
- 1.4.3.2. Хуучин баргын салбар аман аялгуу
- 1.4.3.3. Буриадын салбар аман аялгуу

2. Ойрад (халимаг) хэл

- 2.1. Дөрвөдийн аман аялгуу
- 2.1.1. Дөрвөдийн салбар аман аялгуу
- 2.1.2. Их дөрвөдийн салбар аман аялгуу
- 2.2. Торгуудын аман аялгуу
- 2.2.1. Торгуудын салбар аман аялгуу
- 2.2.2. Волг-каспийн салбар аман аялгуу

3. Буриад хэл

- 3.1. Хори-ага нутгийн аялгуу
- 3.1.1. Хори салбар аман аялгуу
- 3.1.2. Ага салбар аман аялгуу
- 3.1.3. Мухаршэбэр салбар аман аялгуу

овог хал, хэл аялгуу, соёл заншил зэрэг нь гэрчилнэ." [Сэндмаа, 2011. Х. 46] Тэд эхлээд Монгол, Орос хоёр улсад тархан суурьшиж байгаад, хожим Орос улсын Чита - Боорж нутгийн хамниганчууд болон шинэхээн буриадуудын нэг хэсэг нь Өвөр Монголын Хөлөнбуйр аймагт ирж, Хуучин барга, Шинэ барга, Буриад хошуу болон Эвенк үндэстний өөртөө засах хошуу байгуулан барга, буриадуудтай нэг нутагт амьдарснаас эдүгээ гурван улсад ийнхүү тархсан байна. Одоо тэдний дунд чивчин ~ шибшин, долоон хүү, зэрэг овог хал байхад Монгол улсын хамниганчуудын дотор сартуул, тугчин, бодонгууд, жалайр, цахар, урианхан хэмээх овог хал байдаг. "Хамниган" хэмээх үгийн утгын талаар "хам нэг зон" гэсэн буриад үг, "бөөгийн шашинтан" гэсэн түнгүс үг, эртний кабканас аймгийн нэрээс үүссэн үг гэх саналууд бий. Монголчуудтай нийлсэн хамниганчууд нь эртдээ ойн иргэдийн бүрэлдэхүүнд багтаж явсан бөгөөд XIX зууны үед Сэцэн хан аймагт, одоо Дорнод, Хэнтий аймгийн Биндэр, Дадал, болон Баян-Адарга, Дорнод аймгийн Цагаан-Овоо, Баян-Уул, Дашбалбар сумдад мөн Төв аймгийн Мөнгөнморьт суманд хэсэг бусгаар тархан суурьшиж байна. Хятад улсын нутагт өвөр монголчууд болон барга буриадуудтай холилдон аж төрж буй хамниган, эвенкчүүд нь их төлөв эвенк, монгол, хятад хэлтэй. Монгол улсад хэдэн зуун жил их төлөв буриадуудтай холилдон амьдарч буй хамниганчууд ч эх хэлээ тодорхой хэмжээгээр хадгалан, эвенк болон монгол хос хэлтэн болсон байна [Гэрэлмаа, 2015. X. 42-50]. "Тэд XIII-XIV зуунаас монгол хэлээр ярих болсон бололтой учир тэдний одоогийн хэл аялгуу нь Нууц Товчооны хэл буюу дундад эртний монголчуудын хэлний онцлогийг хадгалсаар байгаа ажээ... тэд цэвэр буриад аялгуутан ч биш, халх аялгуутан ч биш, дундад эртний монгол хэлний үлдэгдэлтэй өвөрмөц монгол аялгуутан юм" [Нямбуу, 1992. Х. 190]. Тэдний монгол хэл нь дундад эртний монгол хэлний онцлогийг хадгалан үлдсэн бөгөөд халх, буриад аялгууны тусгал буй [Ринчен, 1969. Х. 17-19]. Харин бид Монгол улсын буриадуудтай холилдон суурьшиж, монгол-буриад аялгуутан болсны нь хувьд энэхүү бүтээлдээ буриадажсан хамниган хэмээн орууллаа.

- 3.2. Эхирид нутгийн аялгуу
- 3.2.1. Эхирид аман аялгуу
- 3.2.2. Качуг аман аялгуу
- 3.2.3. Баргажин аман аялгуу
- 3.2.4. Байкало-худара аман аялгуу
- 3.2.5. Ивалга аман аялгуу
- 3.3. Хонгоодор нутгийн аялгуу
- 3.3.1. Алайр-үнгын аман аялгуу
- 3.3.2. Түнхэн-аха-захаамин аман аялгуу
- 3.4. Цонгоол-сартуул нутгийн аялгуу
- 3.4.1. Цонгоол аман аялгуу
- 3.4.2. Сартуул аман аялгуу
- 3.5. Булагад нутгийн аялгуу
- 3.5.1. Боохан аман аялгуу
- 3.5.2. Доод үдийн аман аялгуу [Раднаев, 1991. C. 23].

4. Могол хэл

5. Монгор хэл

- 5.1. Хүзү нутгийн аялгуу
- 5.2. Минхэ нутгийн аялгуу

6. Дуншаан хэл

- 6.1.1. Суонанба аман аялгуу
- 6.1.2. Ванжиажи аман аялгуу
- 6.1.3. Шижиажи аман аялгуу

7. Дагуур хэл

- 7.1. Чичигаарын дагуур нутгийн аялгуу
- 7.1.1. Бутха аман аялгуу
- 7.1.1.1. Ойгун салбар аман аялгуу
- 7.1.1.2. Нони салбар аман аялгуу
- 7.1.1.3. Нэмэр салбар аман аялгуу
- 7.1.1.4. Мэргэн салбар аман аялгуу
- 7.1.2. Чичигаар аман аялгуу
- 7.1.3. Морин даваагийн аман аялгуу
- 7.1.4. Мэргэн аман аялгуу
- 7.2. Хайлаарын дагуур нутгийн аялгуу
- 7.3. Шинжааны дагуур нутгийн аялгуу
- 7.4. Амурын дагуур нутгийн аялгуу

8. Шар ёгур хэл

- 8.1.1. Чинлүн аман аялгуу
- 8.1.2. Кэнле аман аялгуу

9. Бао-ань хэл

- 9.1. Жишишан нутгийн аялгуу
- 9.2. Тонрен нутгийн аялгуу

Канжя хэл1

Дөрөв. Монгол хэл, аялгуугаар ярилцагч хүн амын тоо

Хүн амын тоог сүүлийн үеийн тооллогын мэдээгээр нэгтгэж үзвэл:

Монгол хэлний төв халх аялгуутан Монгол улсын 2020 оны хүн амын дэлгэрэнгүй тооллогоор 2659985 байгаа бөгөөд энэ нь Монгол улсын хүн амын 83,8%-ийг эзэлж байна. Мөн дарьганга 36419, дархад 24549, цаатан 208, тува 2354, хотгойд 8583, үзэмчин 2308, харчин 154, сартуул 2023, элжигэн 1034 хүн тоологдсон байна. Эдгээрийг нэмбэл 2737617 халх аялгуутан хүн байна. Дээрх тооллогоор гадаадад оршин суугаа 122301 иргэн тоологдсон байна. Энэ тооны дотор ястны задаргаа байхгүй тул хэрэв халхчуудын тоон дээр нэмж үзвэл 2859918 болох юм.

Өвөр аялгуутан: цахар аман аялгуутан 460000 орчим, ордос аман аялгуутан 150000 орчим, алшаа эзнээ аман аялгуутан 44600 орчим, баарин аман аялгуутан 730000 орчим, хорчин аман аялгуутан 2080000 орчим, харчин түмэд аман аялгуутан 800000 орчим байна [Sečenbayatur, 2005. X. 206]. Эдгээрийг нэмбэл 4264600 орчим өвөр аялгуутан хүн байна.

Ойрад аялгуутан Монгол улсын хүн амын 2020 оны тооллогоор: дөрвөд 83719, баяд 63775, захчин 37407, урианхай 29021, өөлд 14666, торгууд 15596, хотон 12057, мянгад 8125, хошууд 382 хүн тоологдсон³ бөгөөд нэмбэл 264748 бай-

на. "Дундад улсын ойрад аялгууны орон дахь монгол үндэстэн сүүлийн үеийн бүртгэлээр нийт 270000 гаруй байх бөгөөд үүнд: Шинжаанд 160000 гаруй, Хөхнуур мужид 100000 гаруй, Гансу мужид 15000 орчим (үүнд ойрад аялгуутан 5000 орчим) хүн буй. Хөхнуур мужийн Хуаннаны Төвөд үндэстний өөртөө засах жеүгийн Лхенаны монгол үндэстний өөртөө засах шяны 20000 гаруй хошууд монголчуудын дийлэнх нь төвөд хэлтэн болсныг гаргавал бусад газрынх нь мөн ойрад аялгуугаараа ярилцдаг" [Sečenbayatur, 2005. Х. 398]. Монгол улс болон Хятад улс дахь ойрад аялгуутны тоог нэмбэл 534748 ойрад аялгуутан хүн байна.

Буриад аялгуутан Монгол улсын хүн амын 2020 оны тооллогоор: буриад 43661, барга 2832, хамниган 384 тоологдсон бөгөөд⁴ нэмбэл 46877 байна. "2000 оны бүртгэлээр барга буриад аялгуутан Дундад улсад 110000 гаруй байна" [Sečenbaγatur, 2005. X. 434]. Эдгээрийг нэмбэл **156877 буриад аялгуутан хүн байна.**

Ойрад хэлтэн: Орос улс дахь ойрадууд Халимагийн автономит улс болон Астрахань, Ростов, Волгоград муж, Ставрополь хязгаарт, мөн Киргизийн Иссык куль нуур, мөн Москва хотод оршин сууж байна. "Орост 2010 онд 80546 хүн халимаг хэлтэй болохоо мэдүүлсэн нь 183372 халимагийн 43.9%-тай тэнцэнэ."5 Үүнээс гадна Уулын Алтай улсын урианхайчууд 80000 орчим, Тува улсын ойрадууд 206000 орчим байна. Гэвч Уулын Алтай улс эдүгээ хэлний хувьд түрэг, кипчак, орос хэлтэй холилдсон бөгөөд үгийн сангийн 40 орчим хувь нь монгол үг байдаг гэсэн судалгаа бий. 6 Мөн Тува улс 309000 хүн амтайгаас гуравны хоёр нь тожин, соёд, монгол, буриад, урианхай, тагна тува зэрэг монгол овогтнууд, бусад нь орос, хакасс, киргиз, уйгар зэрэг бусад үндэстэн ястангууд юм [Нямаа, Батцэцэг, 1995. Х. 110]. Гэвч одоо Тувагийн хүн ам албан ёсоор тува хэлээр ярилцдаг. Иймээс бид ойрад хэлтэн хүн амын тоонд зөвхөн Халимагийн автономит улс болон Оросын зарим мужаар суурьшсан ойрад (хали-

¹ "Хөхнуур мужийн Хуаннаны төвөд үндэстний өөртөө засах жеү Жиажа шяны Кан-ян балгасанд нутгийн хэлээр ярилцдаг нэг бүлэг хотончууд байдаг. Тэдний хэл яриаг өнгөрсөнд бао-ань хэлний нэг нутгийн аялгуу гэж үзэцгээдэг байсан. Сүүлийн жилүүдэд эдгээр хотончуудын хэл яриаг монгол төрлийн бие даасан бас нэг хэл – канжя хэл гэж үзэх болж байна. Дээр зууны ерээд онд хийсэн байцаалтаар канжягийн хотончууд нийт 2000 гаруй байх бөгөөд 480 гаруй хүн нь канжя хэлээ мэддэг байсан гэнэ. Гэтэл Тайваний эрдэмтэн Шиюү Су Еин-ийн сүүлийн үед хийсэн байцаалтаар одоо канжя хэлээр ярилцдаг хүн 180 орчимхон үлдээд буй. [Sečenbayatur, 2005. X. 91–92].

² mn.wikipedia.org/wiki/Бүгд_Найрамдах_Монгол_Улс http://registrationmongolia.com

hun_am_toollogo.pdf&ln (Хүн ам, орон сууцны 2020 оны улсын ээлжит тооллогын нэгдсэн дүн)

³ hun_am_toollogo.pdf&ln (Хүн ам, орон сууцны 2020 оны улсын ээлжит тооллогын нэгдсэн дүн)

 $^{^4}$ hun_am_toollogo.pdf&ln (Хүн ам, орон сууцны 2020 оны улсын ээлжит тооллогын нэгдсэн дүн)

⁵ https://mn.wikipedia.org/wiki/Халимаг

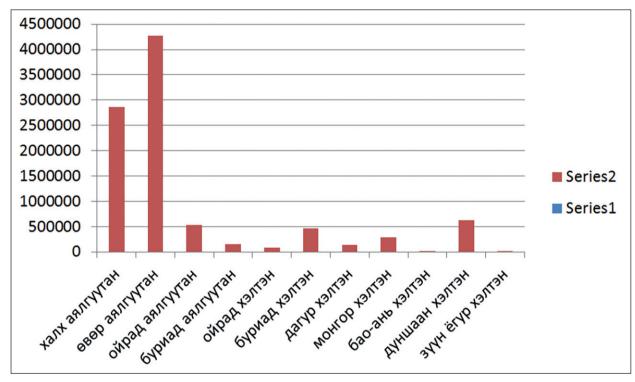
 $^{^6}$ Өвөр Монголын "Одон" телевиз, "Тэр холын Уулан Алтай", 2019-01-06.

маг) хэлтэн хүн амын тоог авч **ойрад хэлтэн 80546 хүн байна** хэмээн тооцож байна.

Буриад хэлтэн: Орос улсад Буриадын автономит улс болон Чита муж, Эрхүү мужид төвлөрөн суусан. "Оросод **буриад хэлтэн 461389 хүн байна.**" 1

Могол хэлтэн² болон канжя хэлтэн тодорхойгүй, дагуур хэлтэн 132000 орчим хүн [Sečenbayatur, 2005. X. 86–87], монгор хэлтэн 290000 орчим хүн [Sečenbayatur, 2005. X. 87–99], бао-ань хэлтэн 15000 орчим хүн [Sečenbayatur, 2005. X. 88–89], дуншаан хэлтэн 621500 орчим хүн [Sečenbayatur, 2005. X. 89–90], зүүн ёгур хэлтэн 7000 орчим хүн байна [Sečenbayatur, 2005. X. 90–91].

Энэ бүхнийг нэмж үзвэл нийт монгол ба монгол төрөл хэлтэн 9423578 буюу есөн сая таван зуун мянга орчим хүн байна гэсэн багцаалсан тоо гарах юм. Тоог графикаар үзүүлбэл:

Бүдүүвч 15. Нийт монгол ба монгол төрөл хэлтэн хүн амын тоо

Дүгнэлт

Цаашид монгол хэлний өргөн хүрээнд бүрэн цогц судалгаа хийхийн тулд монгол хэлний өнөөгийн байдал, хөгжлийн чиг хандлага, нутаг нутгийн монголчуудын аман ярианы бодит ялгааг харьцуулан судлахын үүднээс бид өнөөгийн монгол хэл, нутгийн аялгуу, түүний доторх аман ба салбар аман аялгууг ийнхүү ангилан хувааж байна. Өнөө үед "Монгол хэл" хэмээх нэрийн дор 9 хэл, 19 нутгийн аялгуу, 37

аман аялгуу, 70 орчим салбар аман аялгуу байна. Эдгээр хэл, аялгуугаар ярилцдаг арван сая шахам хүн байна. Энэхүү ангилал, тогтолцоо, тоо баримт нь цаашид монгол хэлний арвин баялаг байдал, гарал, хувирал хөгжил, хэлний нэгжүүдийн хөгжлийн зүй тогтол зэрэг олон зүйлийн судалгаанд, мөн эдгээр хэл, аялгуу бүрийг хадгалан хамгаалж, ярилцагч хүн амын тоог цөөрүүлэхгүй байх бодлогыг тодорхойлох зэрэг асуудалд нэмэр, тулгуур болох юм.

¹ https://mn.wikipedia.org/wiki/буриад_ястан

 $^{^2}$ https://mn.wikipedia.org/wiki/буриад_ястан

РЕЗЮМЕ

Проблема классификации диалектов монгольского языка до сих пор не разрешена. Но вместе с тем необходимость классификации диалектов, говоров современного монгольского языка реально существует. Для того, чтобы проводить широкомаштабные комплексные исследования языка монголоязычных народов, сначала нужно определить нынешнее состояние и тенденции дальнейшего развития монгольского языка, а также провести сравнительное изучение состояния и развития отличительных черт диалектов, говоров на различных территориальных локациях Монголии. Судя по классификации исследователей, в на-

стоящее время к монгольскому языку относят 9 языков, 19 диалектов, 37 говоров и примерно 70 подговоров. Считается, что около 10-ти миллионов людей являются носителями монгольского якыка и его различных диалектов. Эта классификация, является основным ориентиром для изучения многих аспектов, таких как происхождение, эволюция, богатство и закономерности развития языковых единиц монгольского языка. Следовательно, мы надеемся, что наши исследования окажут существенное влияние на политику сохранения разнообразия диалектов и говоров монгольского языка, не допущения снижения населения, говорящего на этих диалектах и говорах.

ном зүй

АЯМ, 1998: Атлас языков мира / Пред. Дж. Эйтчисон, Пер. Т. Парфенова, М., 1998.

Atlas yasykov mira / Pred.. Dzh. Eichison. Per. T. Parfeonova [Atlas of the Languages of the World]. Moskva, 1998.

Бадамхатан, 1995: *С. Бадамхатан*, Увсын хотон ястан, Уб., 1995.

S. Badamkhatan Uvsyn khoton yaztan [The peoples of Hoton Uvs] Ulaanbaatar, 1995.

Батзаяа, 2008: *Г. Батзаяа*, Монгол хэлний нутгийн аялгуунуудын авианы харьцуулал Уб., 2008.

G. Batzaya Mongol khelniy nutgiyn ayalguunuudyn aviany khar'tsuulal [Phonological comparison of local dialects of the Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1995.

Болд, 2012: Π . Болд, Нутгийн аялгуу судлал // Монгол хэл шинжлэлийн түүхийн асуудал. Улаанбаатар, 2012. х.48–57.

L. Bold Nutgiin ayalguu sudlal // Mongol khel shinjleliin tuukhiin asuudal [Study of Dialects // Problems of Mongolian Linuistic history]. Ulaanbaatar, 2012. Pp.48–57.

Владимирцов, 1929: *Б. Я. Владимирцов* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград. 1929.

B. Y. Vladimirtsov Sravnitelnaya Grammatika Mongolskovo Pismennovo yasyka i Khalkhaskovo narechiya [Comparative Grammar of Mongolian written Language and Khalkh dialect]. Leningrad, 1929. Гантогтох, 2018: *Г. Гантогтох* Монгол хэл аялгуу, үсэг бичгийн судлал. Улаанбаатар., 2018.

G. Gantogtokh Mongol khel ayalguu, useg bichgiin sudlal [Study of Mongolian Languages, Dialects and Alphabets]. Ulaanbaatar, 2018.

Гэрэлмаа, 2015: *Го. Гэрэлмаа* Олон улсын Улаанбаатарын их сургуулийн хээрийн шинжилгээний анги Хэнтий аймгийн нутгаар / Тайлан сэтгүүлийн аян замын тэмдэглэл. Уб., 2015.

Go. Gerelmaa Olon ulsyn Ulaanbaataryn ikh surguuliin keeriin shinzhilgeemii angi Khentii aymgiin nutgaar [Department of Field Research of the Khentei Aimag of the International Ulaanbaatar University / Journey Notes in the Report Journal]. Ulaanbaatar, 2015.

Лувсанвандан, 2002: *Ш.Лувсанвандан* Монгол хэл аялгууны учир // Монгол хэлний авиазүйн онол практикийн асуудлууд. Улаанбаатар. 2002. X. 36–55.

Sh. Luvsanvandan Mongol khel ayalguuny uchir. 1959 // Mongol khelnii aviazuin onol praktikiin asuudluud [Reason of Mongolian Language and Dialects. 1959 // Problems of Theory and Practice of Mongolian Phonetics]. Ulaanbaatar, 2002. Pp. 36–55.

Мөнх-Амгалан, Кан Шин, 2014:*Ю. Мөнх-Амгалан, Кан Шин* Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал. Улаанбаатар. 2014.

Yu. Munkh-Amgalan, Kan Shin Orchin tsagiin mongol khelnii buteever sudlal [Study of Modern Mongolian Morphology]. Ulaanbaatar, 2014.

Мөөмөө нар, 1984: С. Мөөмөө, Ю. Мөнх-Амгалан Орчин үеийн монгол хэл аялгуу. Улаанбаатар, 1984.

S. Muumuu, Yu. Munkh-Amgalan Orchin uyiin mongol khel ayalguu [Modern Mongolian Languages and Dialects]. Ulaanbaatar, 1984.

MCHT, 2004: Монгол судлалын нэвтэрхий толь (Үг хэл, үсэг бичиг). Улаанхад. 2004.

Mongol sudlalyn nevterkhii toli (Üg kel, üseg bichig). [Encyclopedia of Mongolian Studies]. Ulaankhad, 2004.

Нямаа, Батцэцэг, 1995: *А. Нямаа, Ч. Батцэцэг* Орос дахь монгол угсаатны улсууд. Улаанбаатар. 1995

A. Nyamaa. Ch. Battsetseg Oros daki mongol ugsaatny ulsuud [Mongolian Ethnic States in Russia]. Ulaanbaatar, 1995.

Нямбуу, 1992: *X. Нямбуу* Монгол угсаатны зүй. Улаанбаатар. 1992.

Kh. Nyambuu Mongol ugsaatny zui [Mongolian Ethnography]. Ulaanbaatar. 1992.

Очир, 2011: *А.Очир* Монголын түүхэн судалгаа III. Улаанбаатар. 2011.

A. Ochir Mongolyn tuukhiin sudalgaa [Study of Mongolian History]. Ulaanbaatar, 2011.

Өнөрбаян нар, 2020: Ц. Өнөрбаян, Ю. Цэндээ, Л. Цэрэнчимэд, Г. Батзаяа Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу. Уб., 2020.

Ts. Unurbayan, Yu. Tsendee, L. Tserenchimed, G. Batzaya Orchin tsagiin mongol khelnii nutgiin ayalguu [Dialects of the Modern Mobgolian Language]. Ulaanbaatar, 2020.

Рамстедт, 1908: *Г. И. Рамстедт* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора, СПб., 1908 //Хэл зохиол. 4-р Боть. I-IV. Уб, 1967.

G. I. Ramstedt Sravnitelnaya Fonetika Mongolskovo pismennovo yasyka i khalkhasko-urginskovo govora [Comparative Phonetic of Mongolian written Language and Khalkh-Urguu subdialect. 1908 // Language and Literature. T. IV. Fasc I-IV]. Ulaanbaatar, 1967.

Раднаев, 1991: Э. *Р. Раднаев* Буряад хэлэнэй диалектологи. Улан-Удэ. 1991.

E. R. Radnayev Buryad khelnei dialektologi [Dialectology of Buryat Language]. Ulan-Ude, 1991.

Ринчен, 1969: *Б. Ринчен* Монгол ард улсын хамниган аялгуу. Улаанбаатар, 1969.

B. Rinchin Mongol ulsyn khamnigan ayalguu [Khamnigan dialect of Mongolian]. Ulaanbaatar, 1969.

Руднев, 1908: А. Д. Руднев Опыт классификация монголов по наречям. М., 1908.

A. D. Rudnev Opyt Klassifikatsiya mongolov po narechyam [Classification of Mongolian Dialects]. Moskva, 1908.

Санжаа, Туяа, 2011: Ж. Санжаа, Д. Туяа Дархадын аман аялгууны урт эгшиг авиалбар // Монгол хэлний авиа – авиалбар – их авиалбар. Улаанбаатар. 2011. X.190–196.

J. Sanjaa, *D. Tuya* Darkhad aman ayalguunii urt egshig [Long vowels of Darkhat subdialect // Sound-Phoneme-Giperphoneme of Mongolian Language]. Ulaanbaatar, 2011. P.190-196.

Санжеев, 1931: *Г. Д. Санжеев* Дархатский говор и фольклор, Ленинград. 1931.

G. D. Sanjyyev Darkhatskii govor I folklor [Darkhat Subdialect and Folklor]. Leningrad. 1931.

Санжеев, 1957: Г. Д. Санжеев Монгол хэл аялгууны учир /орч. Ш.Лувсанвандан. Улаанбаатар. 1957.

G. D. Sanjyyev Mongol khel ayalguunii uchir [Reason of Mongolian Language and Dialects /translated by Sh. Luvsanvandan]. Ulaanbaatar. 1957.

Төмөртогоо, 1992: Д. Төмөртогоо Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. Улаанбаатар, 1992.

D. Tumurtogoo Mongol khelnii tuukhen khel zui [Historical Grammar of Mongolian Language]. Ulaanbaatar, 1992.

Төмөртогоо, 2008: Д. Төмөртогоо Монгол хэл шинжлэлийн онол, түүхийн асуудлууд. Улаанбаатар. 2008.

D. Tumurtogoo Mongol khel shinjleliin onol, tuukhiin asuudluud [Theoritical and Historical Problems of Mongolian Linguistic]. Ulaanbaatar. 2008.

Төмөртогоо, 2017: Д. Төмөртогоо Монгол хэлний түүхэн хэлшинжилэлийн судалгаа. Улаанбаатар. 2017.

D. Tumurtogoo Mongol khelnii tuukhen khel shinjileliin sudalgaa [Historical Linguistic Study of Mongolian Language]. Ulaanbaatar, 2017.

Цолоо, 2011: Ж. *Цолоо* Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу. Уб., 2011.

J. Tsoloo Orchin tsagiin mongol khelnii nutgiin ayalguu [Dialects of Modern Mongolian Language]. Ulaanbaatar, 2011.

Čenggeltei, 2010: Čenggeltei Dundad uls daki mongol turul kel ba nutgiin ayalguuny yerunkhii baidal [The General State of the Mongolian Languages and Dialects in the China]. Khukh khot. 2010.

Doerfer, 1964: *G. Doerfer* Classification und Verbreitung der mongolischen Sprachen. Wiesbaden. 1964. [Classification and Dispersion of Mongolian Languages]. Wiesbaden, 1964.

Janhunen, 2003: *J. Janhunen (ed.)* The Mongolic Languages // Pouledge Language Family Series. London, New-York, 2003. P.178–181.

Sečenbayatur, 2005: Sečenbayatur Монгол хэлний нутгийн аялгууны шинжлэлийн удиртгал Хөх хот, 2005.

Sečenbayatur Mongol kelnii nutgiin ayalguuny shinjleliin udirtgal [Analytical materials of the Dialects of Mongolian Language]. Khukh khot, 2005.

THE HISTORY AND CURRENT SITUATION OF CLASSIFICATION OF THE MONGOLIAN LANGUAGES AND DIALECTS

Gerolt-Od Batzaya

Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences

The problem within classification of dialects of the Mongolian languages has not been resolved yet. However at the same time, the urge to classify dialects of the modern Mongolian languages really exists. In order to conduct large-scale comprehensive studies of the language of the Mongolian-speaking peoples, it is first necessary to determine the current state and trends in the further development of the Mongolian language, as well as to conduct a comparative study of the state and development of the distinctive features of dialects, in various territorial locations of Mongolia. Due to the classification of researchers, the Mongolian language currently includes 9 languages, 19 dialects, 37 subdialects and approximately 70 oral subdialects. It is believed that about 10 million people are native speakers of the Mongolian language and its various dialects. This classification is the main reference point for studying many aspects, such as the origin, evolution, richness and patterns of development of the language units of the Mongolian languages. Therefore, we hope that our research will have a significant impact on preserving the diversity of dialects of the Mongolian languages, to prevent the decline in the number of people speaking these dialects.

Key words: Mongolian languages, dialects, classification, history, current status: language, dialect, oral dialect, branch oral dialect, population

About the author: **Gerolt-Od B**atzaya, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia) (batzaya@mas.ac.mn).

Ц. Б. Селеева

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Статья посвящена рассмотрению поэтических особенностей калмыцких народных загадок - тематики и художественно-выразительных средств. Актуальность проблематики обусловлена тем, что загадки относятся к малоисследованным жанрам калмыцкого фольклора. Будучи культурно-маркированными текстами, они играют особую роль в накапливании и передаче из поколения в поколение коллективного опыта материальной и духовной жизни народа, в познании объективных законов жизни и общества. Тезаурус загадок как мир сакрально-значимых предметов отражает мифологемы и элементы астрального культа, в более древних образцах калмыцких загадок сохраняются пережитки анимистических культов, а поздним свойственен антропоморфизм. В загадках, как и в сказках, звери и птицы наделяются символическими и комическими чертами. Художественные образы растительного мира содержат глубокие наблюдения народа за окружающим их миром, встречается разнообразие растений и растительных культур, произрастающих в степном ареале. В текстах загадок сохранились реликты охотничьего и скотоводческого быта, рудименты древних обрядов и ритуалов, наблюдения над явлениями природы. Национальное своеобразие калмыцкой загадки характеризуется предметами и элементами традиционного быта, отражающими реалии кочевой жизни народа. Наряду с традиционной тематикой, в загадках отражена историческая, социально-политическая, экономическая и религиозная жизнь калмыцкого общества. Существенное влияние буддизма на калмыцкую фольклорную традицию вызвало к жизни план буддийских реалий и в загадках. Поэтическая образность загадок включает мировосприятие народа, его нравственно-этические и эстетические идеалы, материалистическое пониманием окружающего мира. Художественно-выразительные средства придают загадке лаконичность, образную и смысловую завершенность.

Ключевые слова: калмыцкие народные загадки, калмыцкий фольклор, малые жанры, тезаурус загадок, поэтика загадок.

Об авторе: Селеева Цаган Бадмаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, научный отдел, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Республика Калмыкия, Россия) (tsagana007@mail.ru) ORCID 0000-0002-3285-3038.

© ИВР РАН, 2023

© Селеева Ц. Б., 2023

Будучи культурно-маркированными текстами загадки играют особую роль в накапливании и передаче из поколения в поколение коллективного опыта материальной и духовной жизни народа, в познании объективных законов жизни и общества. Это краткое иносказательное, поэтическое по форме описание какого-либо предмета или явления действительности, выраженное в форме скрытого вопроса, испытывающее сообразительность человека и раскрывающее особенности народного видения предметно-вещественного мира. Она состоит из двух частей — текста самой загадки, в котором названы свойства и функции

предмета, о котором идет речь, и разгадки, т.е. названия предмета, который служит ее темой.

Происхождение загадок имеет древние истоки, в них обнаруживается связь с архаическим ритуалом инициации (испытания героя), магией слова, с языковым табу и тайными языками, отображающими сакральные для человека предметы и явления в форме иносказательной речи. По мнению Дж. Фрэзера, загадки изначально являлись иносказаниями и относились к тайной условной речи в ритуально-магическом и обрядовом комплексе, связанном с «институтом царей», смертью, обрядами плодородия и др. [Фрэзер, 2006. С. 324–347]. В ве-

дической традиции (XV-XI вв. до н.э.), ритуал, включавший диалог в виде обмена загадками, совершали жрецы в предновогоднюю ночь [Елизаренкова, Топоров, 1984. С. 30]. Со временем сакральный характер иносказательной речи, так необходимый человеку в древности и предназначенный для обеспечения сохранности и благополучия его семьи, племени, рода, утрачивается. Загадки трансформируются из обмена сакральными знаниями в особый вид ритуально-игрового поведения, вербальный акт, нацеленный на испытание умов и проверку сообразительности. У современных этнологов бытует мнение, что в аутентичных условиях бытования загадка не предназначена для разгадывания посредством индивидуальной остроты ума. Участники процесса загадывания и разгадывания либо владеют вопросом и ответом, т.е. являются носителями и знатоками традиции, либо находятся в процессе передачи сакрального знания.

Загадки занимали особое место в мировоззрении и жизни людей, им предоставлялось важное магическое значение, позже они перешли в детский фольклор. Содержа в себе элемент игры, загадки выполняют познавательную и развивающую функции. У многих народов этот жанр был и остается средством народной педагогики — формирования и развития умственных способностей младшего поколения, выработки умений анализа и сопоставления явлений. Таким образом, загадки являются инструментом концептуализации мира, а также имеют познавательную, магическую, аксиологическую, дидактическую и игровую функции [Пермяков, 1975. С. 254–262].

Семантическая и логическая структура загадки, стратегия ее отгадывания рассматривались отечественными и зарубежными исследователями [Журинский, 2007; Кенгэс-Маранда, 1978; Левин, 1978; Мелетинский, 1995; Пермяков, 1988; Топоров, 1994; Цивьян, 1994 и др.]. Внутреннюю форму загадки, построенную на метафоричности и параллелизме, изучали исследователи В. П. Аникин [1957], Н. Д. Арутюнова [1990], С. Г. Лазутин [1977], В. В. Митрофанова [1978], В. И. Чичеров [1959] и др. На современном этапе внимание паремиологов

привлекают такие свойства паремий, как пластичность и трансформация, непосредственно связанные со спецификой бытования фольклорной традиции и проблемами вариативности [Говоркова, 2002; Жигарина, 2006; Сендерович, 2008 и др.]. Исследователи описывают такие формы преобразования паремий, как сокращение и расширение компонентного состава, актуализацию и контаминацию содержательной части.

В калмыцком языке загадка именуется «тәәлвртә тууль» («сказка с отгадкой»). Загадки относятся к малоисследованным жанрам калмыцкого фольклора. Тематические аспекты загадок изучены Н. Ц. Биткеевым [1993]. Поэтике калмыцких народных загадок, рассмотрению композиционных приемов, художественных и тематических особенностей посвящены исследования И. С. Устиевой [2009; 2011]. Изучение жанровой природы калмыцких загадок выявило содержательную и поэтическую специфику, основанную на национальной ментальности [Устиева, 2011. С. 20]. Истории собирания и публикации, а также проблемам вариативности калмыцких загадок посвящены исследования Ц. Б. Селеевой [2004; 2013; 2014]. Варианты загадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подверженной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого предмета или явления [Селеева, 2014. С. 155]. Характеристике жанра трехстиший посвящено исследование Т. Г. Басанговой [2001]. Автор подчеркивает ритуальный характер калмыцких трехстиший, его типологические черты с триадами бурят и монголов, а также отмечает межжанровые связи со сказкой.

В качестве материала исследования в статье использованы образцы загадок из опубликованных сборников [Котвич, 1972; Пословицы, поговорки и загадки... 2007; Хальмг үлгүрмүд... 1960; Хальмг үлгүрмүд... 1982] и научного архива КалмНЦ РАН.

Большой корпус текстов требует определенной систематизации. Научной и собирательной

практике известны два типа классификации загадок — алфавитная, заключающаяся в систематизации образцов в алфавитном порядке, в зависимости от начальной буквы первого слова и, тематическая, классифицирующая загадки по темам отгадок-ответов.

Тематический подход в отечественной фольклористике разработан и применялся довольно часто. Известный исследователь В.В. Митрофанова предложила наиболее универсальную тематическую классификацию загадок: о явлениях природы, небе, земле, воде; о времени; о насекомых, животных, птицах; о человеке (внешнем виде, частях его тела, о родственных отношениях, семье, об одежде и украшениях); о жилище; о музыкальных инструментах, грамоте, письме; о предметах, связанных с религией. Тематический принцип надо считать наиболее рациональным и соответствующим специфике жанра, поскольку в загадках отражены представления и понятия о круге предметов и явлений, что окружает человека в быту, его мировоззренческий опыт. По мнению Т. В. Цивьян, словник корпуса загадок соответствует алфавиту модели мира [Цивьян, 1994. С. 178], в свою очередь Е. М. Мелетинский отмечает, что подобно мифу, загадка это средство концептуализации мира, который находится вокруг человека и в нем самом [Мелетинский, 1995. С. 325].

В ходе исследования корпуса текстов калмыцких народных загадок нами предложено систематизировать по следующим тематическим блокам и рубрикам: І. Человек и его жизнедеятельность (І.1. Черты характера и свойства, возраст и здоровье человека; І.2. Части тела и органы человека; І.З. Труд и орудия труда; І.4. Ремесло и рукоделие; І.5. Знание и учение; І.б. Жилище; 1.7. Домашняя утварь и предметы быта; І.8. Домашнее хозяйство; І.9. Дорога и средства передвижения; І.10. Конская упряжь; І.11. Пища; І.12. Одежда и украшения; І.13. Игры и развлечения; І.14. Семья и родственные отношения; І.15. Религия и верования); II. Природа (II.1. Время и времена года; II.2. Атмосферные явления; II.3. Природные явления; II.4. Небесные светила; II.5. Животные; II.6. Звери, птицы и рыбы; II.7. Пресмыкающиеся, насекомые и грызуны; II.8. Растения, растительные культуры и овощи).

Вышеуказанная система классификации загадок имеет двухуровневую структуру. На начальном этапе паремии распределены по двум крупным тематическим блокам: Человек и его жизнедеятельность и Природа. На втором этапе загадки распределены внутри каждого из блоков по определенным тематическим рубрикам.

Тезаурус загадок как мир сакрально-значимых предметов отражает мифологемы неба, земли, солнца, луны, мирового древа, мировой оси, мировой горы, мирового океана, рождения и смерти и т.д. В более древних образцах калмыцких загадок сохраняются пережитки анимистических культов, когда неодушевленные предметы, силы и явления природы представлены как живые существа, то есть персонифицированные и одухотворенные. Например, представление о почитании неба и земли как отца и матери, нашло отражение в загадке:

Ээжин девлиг эвкж эс болж, Аавин девлиг алхж эс болж. (Теңгр haзр хойр). [Ф. 5. Оп. 2. № 65. Хулхаиев].

Шубу матери не сложить, Шубу отца не перешагнуть. (Небо и земля).

В калмыцких загадках элементы астрального культа даются в сочетании с элементами других культов, в частности культом огня и домашнего очага:

Ааһин чинән зальд Хамг эмтн көлчәж. (Нарн). [Котвич, 1972. С. 40]. У огня величиной с чашу Греются все люди. (Солнце).

В астральных загадках отображен культ почитания зверей, птиц и домашних животных, восходящий к древним тотемистическим культам и верованиям:

Теңгрин һурвн ноха сүл сүүлэн зуудг.

(Одд). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. C. 715].

Три небесные собаки кусают друг друга за хвост.

(Звезды).

Иргәр итлг орж.

(Нарн герт орх). [Котвич, 1972. С. 40]. Через нижнюю часть юрты проник балобан. (Солнце проникает в юрту).

Улан һалзн бух ирж.

(Нарн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. C. 713].

Ранним утром со стороны востока Пришел красно-лысый бык. (Солнце).

Теңгр деер тек хуц хойр.

(Сар, нарн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 714].

На небе козел и баран. (Луна, солнце).

hаза — агт мөрн,

Герт — арһмҗин үзүр.

(Нарн, туя). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 712].

На улице — конь-рысак,

А в юрте — конец веревки.

(Солнце и его лучи).

Более поздним загадкам свойственен антропоморфизм, когда явления природы и реалии действительности сравниваются с людьми и человеческими взаимоотношениями:

Нүдн, һар уга зурач.

(Мөстэ жиң). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 707].

Художник без глаз и без рук. (Ледяной холод).

Бийим бичэ көндэтн 🛮 билцрн гиж бээнэв. (Чиг). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. C. 708].

Не троньте меня, иначе я расплющусь. (Poca).

Калмыцкие загадки сохранили реликты охотничьего и скотоводческого быта, рудименты древних обрядов и ритуалов, архаический язык, тонкие и ценные наблюдения над явлениями природы, то есть отобразили своеобразный и неповторимый кочевой мир. Так, в загадках отражены такие виды хозяйственной деятельности и досуга калмыка-кочевника как охота и рыболовство. Дается изображение стрельбы из лука и ружья:

Атн темән анһс гиж,

Алс хол гилс гиж.

(Нум харвх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 677].

Холощеный верблюд раскрыл пасть,

А вдали мелькнуло.

(Выпустить стрелу).

Хаана үүдн хард гиж,

Хар ноха жис гиж.

(Бу хах). [Ф. 5. Оп. 2. № 65. Лиджиева].

Ханская дверь издала резкий скрип,

Черная собака вздрогнула.

(Стрелять из ружья).

Большое разнообразие степной флоры и фауны представлено в загадках. Чаще всего упоминаются звери, птицы и рыбы, обитающие в степи и в степных водоемах: из зверей — лиса, волк, заяц, суслик, крот и др.; из птиц — сорока, ворона, лебедь, гусь, филин, жаворонок, орел и др.; из рыб (судак, рак).

Холас йовдг хо мергн,

Кецәр йовдг ке мергн.

(Үнгн, чон). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 779].

Издалека идущий светло-рыжий мудрец, По косогору идущий красивый мудрец. (Лиса, волк).

Сүкин чиңгә бийтә,

Сүр дарм дуута.

(Керә). [Ф. 5. Оп. 2. № 65. Очирараев]. Сам с топорик, С голосом, способным подавить величие. (Ворона).

Бог заагт бортаһа. (Ботаха). [Хальмг үлгүрмүд... 1982. С. 175]. Среди сора выпячивается. (Судак).

В загадках, как и в сказках, звери и птицы наделяются символическими и комическими чертами: лиса-плутовка, опасный и мудрый волк, трусливый, белый/серый заяц и др.

Образы растительного мира содержат глубокие наблюдения народа за окружающим их миром. В загадках встречается разнообразие растений и растительных культур, произрастающих в степном ареале: перекати-поле, трава, цветы, чакан, пшеница, лук, дикий лук, гриб, арбуз, капуста. Наибольшее количество загадок о камыше:

Жирлһнә ца жидин үзүр.

(Хулсна толһа). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 793].

За миражом виден кончик пики. (Головка камыша).

Кочевой мир породил свои способы измерения пространства и времени, отражающие реалии кочевой жизни. В калмыцких загадках год, месяц и дни имеют ассоциацию с образом деревьев и птиц:

Нирвн гидг һолын экнд

Нег ик уласн урһж,

Түүнэс арвн хойр ац һарч,

Арвн хойр ацас hypвн зун жирн хамтхасн hapч.

(Жил, сар, өдр). [Котвич 1972. С. 55].

У истока реки Нирван

Вырос один большой тополь,

На нем выросло двенадцать ветвей,

На двенадцати ветвях появилось триста шестьдесят листьев.

(Год, месяц, дни).

А определенное время («час лошади») указывается по тому, когда примерно лошадь возвращается домой без обоза:

Ацан уга буца.

(Мөрн час). [Хальмг үлгүрмүд... 1960. С. 100].

Отправляться обратно без воза. (Час лошади*)

Превалирующей в калмыцких народных загадках является тема скотоводства, исконного занятия калмыка, а также тема жизнеустройства и бытового уклада с ним связанного. Образ народа в калмыцких загадках чаще всего представлен кочевником-скотоводом:

Замин хөөч

Зандн бураһар тууж.

(Толhа самлх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 632].

Монастырский пастух Погонял (овец) сандаловым прутом. (Расчесывать волосы*).

Основой хозяйства у калмыков было четыре традиционных вида скота (дөрвн зүсн мал): лошади, овцы, крупный рогатый скот, верблюды. Скот воспринимался как символ богатства и благосостояния, как источник жизни. Образная система калмыцких народных загадок во многом построена на данных видах домашних животных:

Санан Самр уулын белд, Бийнь берк зовлңгта. (Чөдртэ мөрн). [Ф. 3. Оп. 2. № 156. Пюрбеев] Мысли в долине горы Самыр, А сам с тяжелыми томлениями. (Спутанный конь).

Ишкә малята,

Эгцхн хамрта,

Эрг деерэн хойр һаста.

(Үкр). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 762]

С войлочной плетью,

С прямым носом,

С двумя кольями на утесе.

(Корова).

Көнҗлнь көвкс гиһәд,

Көлнь һадс гиһәд одж.

(Хө өвчл
hн). [Ф. 3. Оп. 2. № 156. Бадма-Халгаев]

Одеяло сбросилось,

Ноги обнажились.

(Разделывать баранью тушу).

Хойр уулын хоорнд,

Хоһн гидг өвсн урһж.

(Темәнә бөкн хоорнд урһсн ноосн). [Котвич 1972. С. 31]

Между двумя горами

Вырос тростник.

(Шерсть, выросшая у верблюда между горбами).

Скотоводство давало все необходимое для жизни кочевника — мясо, молоко, шерсть и сырье для домашних ремесел. Наличие в загадках таких видов домашнего производства как обработка шерсти и войлока, выделка шкуры и кожи, изготовление хозяйственной и бытовой утвари — свидетельствует о достаточно высоком уровне развития традиционных ремесел:

Миңһн, миңһн цоклһта,

Миңһн тавн зун цоклһта,

Хурин усн хүвлһтә,

Хойр миңһн цоклһта.

(Ишкә цокх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 720].

Тысячу и тысячу раз ударяют,

Тысячу пятьсот раз ударяют

Дождевой водой изменяют вид,

Ударяют [еще] две тысячи раз.

(Выделка войлока)

Нәрн цаһан күүкн

Наадн, наадн тарһлна.

(Утц ээрх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 681]. Тонкая белая девушка,

Играючи толстеет.

(Прясть на веретене нить).

Национальное своеобразие калмыцкой загадки характеризуется предметами и элементами традиционного быта, отражающими реалии кочевой жизни народа: жилище и его убранство — войлочная кибитка, утварь, посуда, конская упряжь:

Геснь ик, орань цоорха.

(Гер). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 718].

Живот большой, макушка дырявая. (Юрта).

Нунжн үкр **h**урвн көлтэ.

(Тулһ). [Котвич 1972. С. 27].

У трехлетней коровы три ноги. (Таган).

Тектүхн эмгн

Терм өөдән һәрәдҗ.

(Бортх). [Хальмг үлгүрмүд... 1982. С. 225].

Низенького роста старуха

Прыгает выше стенных решеток юрты.

(Бортха)

Намчһр эмгн

Найн нээмн гиҗгтэ.

(Эмэл). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 683].

У невысокой старухи

Восемьдесят восемь кос.

(Седло).

В загадках описываются черты характера и свойства человека, его возраст, здоровье, части тела и его органы, пища и питье, одежда, украшения, средства передвижения, а также семейно-родственные отношения. Отмечены важные репродуктивные и социальные функции семьи, связанные с заключением брака, рождением и воспитанием детей, функционированием супружества:

Барун бийд

Бамб цецг.

(Герин эзн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 629].

На правой стороне

Цветок тюльпана.

(Хозяин дома).

Зүн бийд

Зүркн цецг.

(Герин эзн-эм). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 629].

На левой стороне

Цветок сердца.

(Хозяйка дома).

Улан торһн унҗҗ,

Көк торһн делсж.

(Күүк буулһлһн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 630].

Красный шелк свисает,

Синий шелк развевается.

(Женитьба на девушке).

Наряду с традиционной тематикой, в загадках отражена историческая, социально-политическая, экономическая и религиозная жизнь калмыцкого общества. Влияние буддизма на калмыцкую фольклорную традицию было существенным. В загадках это вызвало к жизни план буддийских реалий: монастыри и храмы с их разнообразным материальным миром и ритуалами; сутра, священная книга, храмовый музыкальный инструмент бюря-бюшкюр, зул-лампадка, ритуал подношения и мн. др.

Таг тиг дөрвлжн толь,

Тавн миңһн агтта толь,

Эзндән эрдмтә толь,

Эн наснд баргдш уга толь.

(Ном судр). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 660].

Аккуратный четырехугольный словарь,

Вмещающий пять тысяч скакунов,

Дающий хозяину своему знания,

Словарь, который не исчерпать за всю жизнь

(Сутра, книга в виде длинных несброшюрованных листов).

Баахн нуурт бадм цецг.

(Зул). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 671].

На маленьком озерке цветок лотоса. (Лампадка).

Зост уулын орад

Зовлңта хойр манж.

(Темәнә бөкн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 764].

На вершине горы Зост

Два страдальца — послушника.

(Горбы у верблюда).

В калмыцкой афористической поэзии нашли отражение буддийские заповеди, идеи перерождения, представления о рае и аде, фигуры буддийских монахов-послушников, гелюнгов и учителей-лам, — укоренились основные буддийские представления, идеи и принципы.

Функция загадок, заключающаяся в иносказательном описании предмета или явления окружающего мира, определяет особенности их структуры. Семантическую структуру народной загадки можно рассмотреть с позиции взаимосвязи трех её компонентов: загадываемого объекта, или денотата — замещающего, или кодирующего, объекта — и так называемого «образа», описания, применительного к обоим объектам. Логические модели ассоциативных связей, по которым строится описание объекта, основаны на употреблении отдельных видов тропов — метафоры, метонимии и развернутого параллелизма, основанных на персонификации, аллегории и иносказании.

Культурные коды загадок (антропоморфический, зооморфный, предметный, анатомический, числовой и цветовой) строятся на ключевых образах и признаках денотата, где ключевой образ является означающим, то есть метафорой денотата, а ключевые признаки наводят на отгадку посредством явной подсказки, описывая внешний вид, манеру поведения, цветовые и количественные характеристики денотата. Своеобразие объективации образа заключается в том, что загадка вычленяет лишь наиболее характерные наблюдаемые черты загадываемого денотата (набор признаков бывает неполным),

но не дает его дефиниции. Следовательно, в развертывании образной номинации загадки главным приемом является метафора.

Метафора подчеркивает главные детали основного объекта изображения и тем самым придает ему особую выразительность. В основу метафорических или аллегорических образов калмыцкой загадки легло познание действительности, сравнение и сопоставление предметов и явлений окружающего мира:

Китдин һазрас

Килң торһн халвж.

(Хур орх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. C. 704].

Со стороны Китая

Бархатный шелк переливается.

(Дождь идет).

В калмыцких загадках превалируют образцы, когда один метафорический образ соответствует определенному предмету:

Уул деер улан туһл уята.

(Зала). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 671].

На горе привязан красный теленок. (Кисточка [на шапке]).

Довольно часто встречаются образцы, когда определенное загадываемое явление или предмет выражается посредством нескольких метафорических образов:

Чи эндәһүр йов,

Би тендәһүр йовнав,

Билүтин зам деер ниилций.

(Бүс бүслх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 744].

Ты сюда иди,

Я пойду туда

И у дороги Билуты встретимся.

(Подпоясываться поясом).

В загадках имеются образцы, когда несколько загаданных предметов или явлений выражаются через один условный метафорический образ:

Дер деер деншг.

(Девлин халасн, сарин толян, халасн). [Хальмг үлгүрмүд... 1982. С. 193].

На подушке денежка.

(Заплатка на шубе, свет луны, заплатка).

Обнаруживаются редкие примеры, когда несколько загаданных предметов или явлений выражаются посредством нескольких метафорических образов:

Ажг-ажг темәни амн,

Асрмж уга үкрин амн,

А бичкн төлгин амн.

(Девлин хорма, өвр, ханцн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 743].

Рот наблюдательного верблюда,

Рот немилосердной коровы,

Рот маленького ягненка.

(Подол шубы, пазуха, рукав).

Свое специфическое смысловое выражение в загадках находят эпитеты. Им отводится роль уточняющей информации о предмете отгадки. В языке калмыцких загадок широко применяются традиционные эпитеты: глубокий колодец (гүн худг), маленькое золото (көркхн алтн), одинокое дерево (hанцхн модн), хумха модн (увядшее дерево), густой туман (харңһу будн), темный дом (харңһу гер), гладкое озеро (гилгр нур), круглое озеро (төгрг нур), стальной альчик (болд шаһа), костяная ограда (ясн хаша), охотничья собака (тәрһн ноха).

Цветовые эпитеты в загадках дают конкретные сведения о цвете загадываемого предмета: красный мешок (улан уут), красный шелк (улан торhн), красная длинношерстная овчинная шуба (улан сагсг девл), красный теленок (улан туhл), красный баран (улан хуц), белая ставка-юрта / дворец (цаhан өргә), белый сахар (цаhан шикр), белый гусь (цаhан hалун), шар торhн (желтый шелк), серый заяц (бор туула), рыжий жеребец (зеерд ажрh), светло-рыжая корова (хоогч үкр), пестрый жеребенок (алг даааhн), пестрое мясо (алг махн), пестрый родник (алг булг), черная корова (хар үкр).

Традиционность калмыцких загадок находит воплощение в устойчивой системе упо-

доблений, образных сравнениях и сравнительных оборотах. Сравнение, как средство художественной выразительности, служит четкому поэтическому воспроизведению предметов и явлений действительности, основанному на сходстве, что помогает образнее и ярче раскрыть идейный смысл кратких изречений. Путем использования сравнений и параллелизмов проявляется особенность художественного мышления конкретными образами:

Бүлүһин чинән өөкн бүгдиг эргж.

(Нарн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 713].

Сало величиной с брусок обошло всех. (Солнце).

hазр дораhур haxa гүүж.

(Цорһар әрк гүүх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 752].

Под землей бежит свинья.

(Водка бежит при гонке по изогнутой труб-ке).

Загадкам также свойственно построение образов с использованием отрицательных сравнений и параллелизмов:

Күрз уга малтна,

Көл уга гүүнэ.

(Урсхулта усн). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 706].

Нет лопаты, а копает,

Нет ног, а бежит.

(Текущая вода).

Используется и прием олицетворения, когда предметы и явления неживого мира сопоставляются с живыми существами, наделяются человеческими качествами:

Назр дорк **навшна** баатр.

(Хавх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. С. 690].

Под землей ловкий богатырь. (Капкан).

Большое количество загадок построено на описании отдельных признаков предметов:

Төмр урн модн көлтэ.

(Алх). [Пословицы, поговорки и загадки... 2007. C. 686].

У мастера по металлу деревянные ноги. (Молоток).

Гипербола в калмыцких загадках является стилистической фигурой, при помощи которой основному объекту придаются не соответствующие в реальности преувеличенные размеры, создается немыслимый художественный образ:

Үүдн уга герт Ү-түмн дээчнр. (Тарвсин ясн). [Котвич 1972. С. 38]. В доме без дверей Бесчисленное множество воинов. (Арбузные семечки).

Ритмика загадок нередко подчеркивается аллитерацией или звукоподражанием. Иногда с целью рифмы и ритмизации в обозначении определенных предметов используются имена собственные:

Теңгр деер Теля Веля хойр ноолдж. (haл цәклhн). [Ф. 3. Оп. 2. № 156. Докрунов]. На небесах Теля и Веля боролись. (Сверкать молнии).

Поэтические художественно-выразительные средства придают загадке лаконичность, образную и смысловую завершенность. Калмыцкие загадки, посредством метафорических параллелей и сопоставлений, отражают своеобразие национальное мышления и эстетического мировидения и дают возможность познать окружающий мир.

Тематический состав калмыцких загадок отражает широту и полноту духовной жизни народа, его взгляды на окружающий мир, охватывает буквально все стороны общественного быта и жизни народа: историю, хозяйственно-бытовой уклад, нравы, обычаи, понятия о

вселенной и явлениях природы, растительном и животном мире. В калмыцкой загадке загадывается как внешние качества и свойства предметов, так и их функции, их происхождение. Тема загадок включает все, что отражено

мировосприятием народа, его нравственноэтическими и эстетическими идеалами, материалистическим пониманием окружающего мира.

Источники и материалы

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. № 156, 162; Ф. 5. Оп. 2. № 65, 92, 97; Ф. 10. Оп. 1, № 5; Ф. 21. Оп. 1. Д. 116.

Nauchnyj arhiv Kalmyckogo nauchnogo centra RAN [Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] (NA KalmNC RAN). F. 3. Inventory. 2. № 156, 162; F. 5. Inventory. 2. № 65, 92, 97; F. 10. Inventory.1, № 5; F. 21. Inventory.1. D. 116.

Использованная литература

Аникин 1957: *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.

Anikin V. P. Russkie narodnye poslovicy, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. M.: Uchpedgiz, 1957. 240 p.

Арутюнова 1990: *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–33.

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Theory of metaphor. M.: Progress, 1990. P 5–33

Басангова 2001: *Басангова Т. Г.* Традиционный жанр калмыцкой афористической поэзии // Калмыцкие трехстишия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 4–12.

Basangova T. G. Tradicionnyj zhanr kalmyckoj aforisticheskoj poezii [The traditional genre of Kalmyk aphoristic poetry] // Kalmyk three-verses. Elista: Kalm. book. publishing house, 2001. P. 4–12.

Биткеев 1993: *Биткеев Н. Ц.* Загадки // Калмыцкие народные загадки. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 3-7.

Bitkeev N. C. Zagadki [Riddles] // Kalmyk folk riddles. Elista: APP «Dzhangar», 1993. P. 3–7.

Говоркова 2002: *Говоркова О. Н.* Вариативность русских народных загадок // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М.: 2002. Т. 1. С. 32–38.

Govorkova O. N. Variativnost' russkih narodnyh zagadok [Variability of Russian folk riddles] // Russian literary criticism in the new millennium. M.: 2002. T. 1. P. 32–38.

Елизаренкова, Топоров 1984: *Елизаренкова Т. Я.*, *Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа brahmodya

// Паремиологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 14–46.

Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N. O vedijskoj zagadke tipa brahmodya [On the Vedic riddle of the brahmodya type] // Paremiological Studies. Moscow: Nauka, 1984. P. 14–46.

Жигарина 2006: Жигарина Е. Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. М.: 2006. 251 с.

Zhigarina E. E. Sovremennoe bytovanie poslovic: variativnost' i polifunkcional'nost' tekstov [Modern existence of proverbs: variability and polyfunctionality of texts]. Thesis for the degree of Cand. Sc. (Phil). 10.01.09. M.: 2006. 251 p.

Журинский 2007: *Журинский А. Н.* Загадки народов Востока: Систематизированное собрание / сост. А.В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007. 536 с.

Zhurinskij A. N. Zagadki narodov Vostoka: Sistematizirovannoe sobranie [Riddles of the peoples of the East: Systematized collection] comp. by A. V. Kozmin. M.: OGI, 2007. 536 p.

Котвич 1972: *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 95 с.

Kotvich V. L. Kalmyckie zagadki i poslovicy [Kalmyk riddles and proverbs]. Elista: Kalm. book. publishing house, 1972. 95 p.

Кёнгэс-Маранда 1978: *Кёнгэс-Маранда Э.* Логика загадок // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 249–282.

Köngäs-Maranda E. Logika zagadok [The logic of riddles] // Paremiological collection: Proverb. Mystery. Moscow: Nauka, Head. ed. east lit., 1978. P. 249–282.

Лазутин 1977: *Лазутин С. Г.* Метафора в загадках // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж: 1977. С. 34–49.

Lazutin S. G. Metafora v zagadkah [Metaphor in riddles] // Questions of poetics of literature and folklore. Voronezh: 1977. P. 34–49.

Левин 1978: *Левин Ю. И.* Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 283–314.

Levin Yu. I. Semanticheskaya struktura zagadki [The semantic structure of the riddle] // Paremiological collection. Moscow: Nauka, Head. ed. east lit., 1978. P. 283–314.

Мелетинский 1995: *Мелетинский Е. М.* Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1995. С. 325-337.

Meletinskij E. M. Malye zhanry fol'klora i problemy zhanrovoj evolyucii v ustnoj tradicii [Small genres of folklore and problems of genre evolution in the oral tradition] // Small forms of folklore: Collection of articles in memory of G. L. Permyakov. Moscow: Nauka, Head. ed. east lit., 1995. P. 325–337.

Митрофанова, 1978: Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л.: Наука, 1978. 184 с.

Mitrofanova V. V. Russkie narodnye zagadki [Russian folk riddles]. L.: Nauka, 1978. 184 p.

Пермяков 1975: *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. С. 247–274.

Permyakov G. L. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [On the question of the structure of the paremiological fund] // Typological research on folklore: Collection of articles in memory of V. Ya. Propp. Moscow: Nauka, Head. ed. east lit., 1975. P. 247–274.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: ЗАОр «Джангар», 2007. 839 с.

Poslovicy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i ojratov Kitaya [Proverbs, sayings and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China] / compiled, translated by B. Kh. Todaeva. Elista: CJSC «Dzhangar», 2007. 839 p.

Селеева 2004: Селеева Ц. Б. К истории собирания и публикации калмыцких народных загадок // Мон-

головедение (Монгол судлал). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 129–135.

Seleeva C. B. K istorii sobiraniya i publikacii kalmyckih narodnyh zagadok [On the history of collecting and publishing Kalmyk folk riddles] // Mongolian Studies (Mongol Sudlal). Elista: APP «Dzhangar», 2004. P. 129–135.

Селеева 2013: *Селеева Ц. Б.* О калмыцких загадках: к проблеме сравнительно-типологической вариативности числовых загадок в фольклоре монгольских народов // Монголоведение (Монгол судлал). 2013. № 6. С. 71–93.

Seleeva C. B. O kalmyckih zagadkah: k probleme sravnitel'no-tipologicheskoj variativnosti chislovyh zagadok v fol'klore mongol'skih narodov [About Kalmyk riddles: to the problem of comparative typological variability of numerical riddles in the folklore of the Mongolian peoples] // Mongolian Studies (Mongol Sudlal). 2013. No. 6. P. 71–93.

Селеева 2014: Селеева Ц. Б. Вариативность калмыцких народных загадок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. \mathbb{N}^2 3. С. 151–156.

Seleeva C. B. Variativnost' kalmyckih narodnyh zagadok [Variation of Kalmyk folk riddles] // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2014. N 3. P. 151–156.

Сендерович 2008: *Сендерович С. Я.* Морфология загадки. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2008. 208 с.

Senderovich S. Ya. Morfologiya zagadki [Morphology of the riddle]. M.: School «Languages of Slavic Culture», 2008. 208 p.

Топоров 1994: *Топоров В. Н.* Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Изд-во «Индрик», 1994. С. 40–44.

Toporov V. N. Iz nablyudenij nad zagadkoj [From observations of the riddle] // Research in the field of the Balto-Slavic spiritual culture. Mystery as text. 1. M.: Publishing house «Indrik», 1994. P. 40–44.

Устиева 2009: Устиева И. С. Тематический состав и жанровая специфика калмыцких народных загадок // Вестник института комплексных исследований аридных территорий Правительства РК. Элиста: 2009. № 2(19). С. 136–140.

Ustieva I. S. Tematicheskij sostav i zhanrovaya specifika kalmyckih narodnyh zagadok [Thematic composition and genre specifics of Kalmyk folk riddles] // Bulletin of the Institute for Complex Research of

72 Филология

Arid Territories of the Government of the Republic of Kalmykia. Elista: 2009. No. 2(19). P. 136–140.

Устиева 2011: Устиева И. С. Калмыцкие народные загадки. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. 2011. 22 с.

Ustieva I. S. Kalmyckie narodnye zagadki [Kalmyk folk riddles]. Abstract of thesis for the degree of Cand. Sc. (Phil). 10.01.09. 2011. 22 p.

Фрэзер 2006: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер; [пер. с англ. М. К. Рыклина]. М.: Эксмо, 2006. 960 с.

Fraser J. J. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [The Golden Bough. The study of magic and religion] / [trans. from English into Russian by M. K. Ryklin]. M.: Eksmo, 2006. 960 p.

Хальмг үлгүрмүд болн тоолврто туульс / цуглулж диглснь Б. Басңга. Элст: Хальмг дегтр haphaч, 1960. 135 с.

Hal'mg ylgyrmyd boln təəlvrtə tuul's [Kalmyk proverbs and riddles] / comp. by B. Basnga. Elista: Kalmyk book publishers, 1960. 135 p. (In Kalmyk)

Xальмг үлгүрмүд болн таальрта туульс / цуглулж диглснь Б. Букшан, И. Мацга. Элст: Хальмг дегтр haphaч, 1982. 251 с.

Hal'mg ylgyrmyd boln təəlvrtə tuul's [Kalmyk proverbs and riddles] / comp. by B. Bukshan and I. Macga. Elista: Kalmyk book publishers, 1982. 251 p. (In Kalmyk)

POETIC FEATURES OF KALMYK FOLK RIDDLES

Tsagan B. SELEEVA Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

The article is devoted to the consideration of the thematic and content aspects of the Kalmyk folk riddles. The relevance of the problem is due to the fact that riddles belong to the little-studied genres of Kalmyk folklore. Being culturally marked texts, riddles play a special role in the accumulation and transmission of the collective experience of the material and spiritual life of the people from generation to generation, in the knowledge of the objective laws of life and society. The thesaurus of riddles, as a world of sacred objects, reflects mythologems and elements of the astral cult; in older examples of Kalmyk riddles, remnants of animistic cults are preserved, and anthropomorphism is characteristic of later ones. In riddles, as in fairy tales, animals and birds are endowed with symbolic and comic features. Images of the plant world contain deep observations of the people of the world around them, there is a variety of plants and plant cultures growing in the steppe area. In the texts of riddles, relics of hunting and pastoral life, rudiments of ancient rites and rituals, observations of natural phenomena have been preserved. The national identity of the Kalmyk riddle is characterized by objects and elements of traditional life, reflecting the realities of the nomadic life of the people. Along with the traditional themes, the riddles reflect the historical, socio-political, economic and religious life of the Kalmyk society. The significant influence of Buddhism on the Kalmyk folklore tradition brought to life a plan of Buddhist realities and riddles. The theme of riddles includes everything that is reflected in the worldview of the people, their moral, ethical and aesthetic ideals, the materialistic understanding of the world around them.

Key words: Kalmyk folk riddles, Kalmyk folklore, small genres, thesaurus of riddles, poetics of riddles.

About the author: **Tsagan B. Seleeva**, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Research Department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation) (tsagana007@mail.ru) ORCID 0000-0002-3285-3038.

Б.-Х. Б. Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР В БУРЯТСКИХ ДИАСПОРАХ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

В статье освещается судьба бурятского фольклора в иноэтнической среде, на основе характеристики устной локальной традиции в двух территориально-изолированных группах бурят за рубежом выявлено своеобразие анклавных традиций в Китае и Монголии. Особенности бытования традиционного фольклора в эмигрантских диаспорах бурят связаны с характером расселения, окружения, среды; немаловажным фактором, повлиявшим на модификацию фольклорной культуры, послужили исторические условия, политические факторы взаимоотношений мигрантов и принимающего общества. Проанализировав фольклорно-этнографический ландшафт двух бурятских анклавов, сделан следующий вывод: если буряты Китая в чужом социокультурном окружении чувствуют себя частью этнических бурят России, то монгольские буряты, не забывая свои корни и истоки, имеют больше оснований считать себя неотъемлемой единицей монголосферы. Подобная ситуация своеобразно выразилась в том, что имеющийся фольклорный багаж бурятской диаспоры в Китае отличается своим этническим своеобразием, сочетающем в себе материнские и общемонгольские традиции; в Монголии же наблюдается тенденция слияния традиционного фольклора бурят с родственным халха-монгольским.

Ключевые слова: фольклор, бурятские диаспоры в Китае и Монголии.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

Об авторе: Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия) (bch58@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2023

© Цыбикова Б.-Х.Б., 2023

Исследование самобытной культуры этнических анклавов целесообразно для выявления сохранности и трансформации фольклора изолированной части бурятского этноса в полиэтнической среде. Как подчеркивают ученые, анклавность можно считать значимым фактором, влияющим на фольклорную традицию: «Известно, что стремление к самоидентификации особенно остро проявляется там, где образовываются «замкнутые среды»: этнические или конфессиональные сообщества (анклавы), по разным историческим причинам вынужденно или добровольно покинувшие родные места и обосновавшиеся на инокультурных территориях» [Андреева, Белошеева, Ведерникова, Никитина, Рябов, Черенков, 2017. С. 270]. Анализ состояния локальной фольклорной

традиции в бурятских диаспорах, материнские истоки которой лежат в фольклоре российских бурят в частности, монгольских народов в целом является целью данной статьи.

Исторические события XX в. привели к тому, что буряты проживают в России, Китае и Монголии. Диаспоральные группы бурят в Китае и Монголии образовались в результате нескольких этапов перекочевок бурятских родов и семей, вызванных потрясениями Гражданской войны и глобальными переломами после нее в России. Исход осуществлялся в двух направлениях: выходцы из Приононья, Борзи, Агинских степей нынешнего Забайкальского края, представители отдельных родовых объединений из Бурятии обжились в приграничной с Забайкальем северной территории

74 Филология

Китая. Общая численность бурят, проживающих на территории компактного проживания в Эвенкийском хошуне Автономного округа Хулун-Буир Внутренней Монголии Китая, по данным 2010 г., «составляет 6441 человек, тогда как в целом в КНР насчитывается около 10 тыс. человек» [Бурятский язык, 2020. С. 68].

Бурятское население Монголии формировалось постепенно, в результате нескольких волн беженства из Аги, из бурятских южных районов (Закаменского, Тункинского, Селенгинского и др.); переселенцы оседали на северо-восточных землях Внешней Монголии, граничащих с Россией. «По данным переписи 2010 г., бурятами себя назвали 48450 человек, что составляет 1,7% от численности населения Монголии, которое было равно 2 805 825 человек. До сих пор не существует однозначной оценки численности бурят в Монголии в современное время. Разные источники указывают разные цифры, что обусловлено сокрытием своего этнического происхождения по разным причинам, из которых наиболее сильной является историческая память о годах репрессий» [Бурятский язык, 2020. С. 72].

Судьба бурятского фольклора в эмигрантских общинах сложилась в соответствии с характером расселения, окружения, среды, кроме того, на нее повлияли исторические условия, политические факторы взаимоотношений мигрантов и принимающего общества. Итак, как же представлен традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии?

Полевые записи сотрудников отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН последних лет показывают, что в фольклорном репертуаре бурят Китая до сих пор широко представлены все традиционные жанры народного творчества. В устной прозе шэнэхэнцев особое место занимают повествования о Гэсэре, являющиеся вариантами пекинской книжной версии монгольской Гэсэриады. Они отличаются оригинальной трактовкой эпического сюжета, по жанровым особенностям тяготеют к богатырской героической сказке.

Не утрачена традиция исполнения шэнэхэнскими бурятами сказок, основное место в их

репертуаре занимают волшебные сказки героического содержания. В активе знатоков сказочного фольклора представлены различные виды сказок — богатырские, волшебно-фантастические, новеллистические, бытовые, кумулятивные. В своей основе весь сюжетно-тематический фонд сказок бурят Китая восходит к общебурятским традиционным сказочным сюжетам и мотивам. Общность идей, персонажного ряда бурятских сказок объединяет их с монгольской и калмыцкой сказкой. Помимо этого, идентичность общемонгольских сюжетов проявляется еще в разработке и использовании древнеиндийских письменных источников на старомонгольском языке, восходящих к «бродячим сюжетам». Наряду с этим, есть версии бурятских сказок, имеющих некоторые соответствия с международными сказочными типами.

В несказочной прозе бурят Внутренней Монголии, богато представленной мифологическими рассказами, легендами, преданиями, бытуют сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства; устными рассказами, содержащими важные ценностные установки и морально-нравственные нормы. Мифологическим контекстом отличаются сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах. В фольклорном материале китайских бурят особо выделяется культ неба — верховного существа, хозяина миропорядка, устанавливающего и регулирующего деятельность не только человека, но и животного мира на земле. Несказочная проза китайских бурят характеризуется большей степенью сохранности, по сравнению с материнской, древнего пласта общемонгольского фольклора с его мифологическими элементами.

Кроме того, устные рассказы, имеющие форму воспоминаний, содержат сведения исторического характера, сконцентрированные на вопросах выживания, самосохранения и социализации мигрантов на начальном этапе адаптации в новых условиях. В сюжетике подобных исторических нарративов отдельно

можно выделить тексты о буддийских священнослужителях — ламах, сыгравших определяющую роль в поддержании физического здоровья и духовного благополучия представителей бурятского этнического анклава.

Наиболее весомый объем записанного в Хулун-Буире материала составляют образцы песенного фольклора шэнэхэнских бурят. Старинные бурятские песни, пословицы, поговорки, загадки, характеризующиеся как наиболее устойчивый пласт устного творчества, по тематической направленности имеют много общего с общебурятским репертуаром.

Целостность привезенного собственного фольклорного багажа, бытовавшего до недавнего времени (вплоть до 60-ых годов ХХ в.), объясняется тем, что буряты Внутренней Монголии — люди, глубоко погруженные в свои исконные нормы, правила и модели поведения, основанные на опыте поколений; тщательно оберегающие свою социокультурную особенность, связанную с локальной этнической историей зарубежных бурят.

Вовлеченность первых переселенцев в китайскую среду была сильно ограничена в силу разных обстоятельств, из них выделяем в качестве основных два фактора: во-первых, отдаленность от китайских социально-экономических центров, во-вторых, подавляющее большинство перекочевавшего населения бурят верило в скорейшее возвращение на территории своего прежнего местожительства. Как «изоляты» этнолокальная общность бурят в Китае сохранила многие самобытные черты и проявления, «важные для понимания процессов трансляции культурной памяти». И одной из ценностных доминант в легендах и преданиях бурят Внутренней Монголии является память об исторической родине. Это также способствовало межпоколенческой передаче фольклорных знаний.

Таким образом, характер отношений локальной этнической группы бурят в Китае с окружающим населением — почти полная изоляция, что обеспечило целостность бытования традиционного фольклора. Как отмечают и этнографы, и фольклористы, и социологи, проводившие исследования в Шэнэхэне (так называется местность компактного проживания бурят), «это люди, хорошо знающие и практикующие бурятские традиции и обряды, убежденные буддисты, ценители бурятского искусства и носители ярко выраженного этнического самосознания» [Болдохонов, 2011. С. 108].

Монгольские же буряты, не забывая свои корни и истоки, имеют больше оснований считать себя неотъемлемой единицей монголосферы: «Формирование бурятского этнического анклава в Монголии, начавшись со времен колониального движения русских в Сибирь, завершилось в XX в. Переселение бурят в Монголию в силу культурной близости и отсутствия языкового барьера не рассматривалось мигрантами как эмиграция» [Содномпилова, Нанзатов, 2018. С. 32]. В монгольском государстве подавляющее большинство составляют народы, находящиеся в культурном и языковом родстве и исповедующие одну религию, буддизм. Этим объясняется лояльность принимающего общества к близкородственному бурятскому населению. Исследователь, рассматривавший положение бурят в Монголии в первой четверти XX в. пишет: «Документы свидетельствуют, что монгольские руководители считали бурят родственным народом и проводили последовательную политику в их интересах, принимая во внимание насущные желания и стремления бурятских переселенцев, что выражалось не только в реализованных ими мероприятиях, но и в самом названии бурят. Так, монголы называли их Дагаар орсон буриадууд «перешедшие в Монгольское подданство» (буряты. — Б-X.U.), что звучит весьма уважительно. В обнаруженных документах на монгольском языке нигде не встречается выражение «бурятский эмигрант» [Хишигт, 2011. C. 187].

О фольклорном потенциале первопереселенцев свидетельствуют обнаруженные в рукописном отделе государственной библиотеки Академии наук Монголии два текста улигера хори-бурят на старомонгольском письме, зафиксированные, как гласит запись в конце текстов улигеров, «в 1916 г. простолюдином Санжайжин Данзано со слов бедняка Бурятского

76 Филология

хошуна Хан Хэнтэй аймака реки Керулена Дугара Манзарона» [Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд (Улигеры бурят Монголии), 1992. С. 4]. Эти два ритмически организованных, длинных стихотворных произведения из эпического репертуара мигрантов, привезенных с исторической родины, ярко иллюстрируют естественные условия бытования традиции в начале прошлого столетия, когда фольклорная культура процветала, являясь составной частью быта и жизнедеятельности аратов, и улигеры исполнялись в своих повествовательно-эпических формах в полном объеме и широкой аудитории слушателей.

Судя по экспедиционным записям, сделанным в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. в Хэнтэйском, Хубсугульском, Селенгинском и Восточном аймаках Монголии, где проживают за пределами исторической родины потомки агинских, хоринских, еравнинских, селенгинских бурят, можно было найти одаренных знатоков традиционного фольклора. Так, были зафиксированы в нескольких бурятских сомонах Монголии прозаические тексты о Гэсэре, «характеризующиеся общностью в следующих моментах с другими его вариантами: «Гэсэр — посланец неба. Его необыкновенность и сила — в органической связи с небесным миром. Гэсэр — вершитель справедливых дел, борющийся со злыми силами» [Бардаханова, 1989. C. 71].

Что же касается сказочного творчества, как отмечают участники международных советско-монгольских экспедиций, состоявшихся в бурятских сомонах в 1977, 1979, 1983 гг. у монгольских бурят, оно не утратило свои традиции [Бардаханова, 1989. С. 75]. В отчетах полевой работы указывается, что сказки принадлежат к общебурятской и общемонгольской художественной традиции. Подчеркивается исследователями факт передачи бурятами Монголии сказочного репертуара от старшего поколения последующим.

В материалах указанных экспедиций немало содержится текстов исторического характера о перекочевке бурят в Монголию, раскулачивании состоятельных людей, тяжелых испытаниях, павших на долю мигрантов в результате

проводимой правительственной верхушкой «этнической чистки», которые были лишены права на удовлетворение элементарных социальных потребностей, в том числе права на получение образования.

Зафиксированные в большом объеме в период трехэтапной экспедиции в бурятских сомонах Монголии малые жанры фольклора отражают общие традиционные нравственные каноны, систему ценностей, которым должен соответствовать каждый человек.

В богатейшем песенном репертуаре бурятских переселенцев, наряду с записями старинных бурятских лирических, ёхорных и обрядовых песен, есть песни о Ленине, Ворошилове, Юрии Гагарине, Германе Титове, ярко иллюстрирующие интерес мигрантов к событиям страны исхода, улавливается чувство сопричастности исполнителей фольклора к ним.

Едиными для репертуара бурят Монголии, России и Китая являются нарративы о заметных фигурах, обладающих харизматическими качествами и почитаемых народными массами (о Бальжан хатан, Бабжа-Барас-баторе, Шэлдээ Занги). Кроме того, тема о служителях культа разрабатывается в схожем мифопоэтическом русле и российскими, и китайскими, и монгольскими бурятами. В подобных сюжетах доминируют, прежде всего, мотивы о магическом даре шаманов и шаманок, о сверхъестественных способностях буддийских монахов. Надо сказать, что в несказочной прозе монгольских бурят оригинальностью отличаются сюжеты о предсказателе будущего, своего рода бурятском ясновидящем старце Молоне и защитнике обездоленных Аригун Бубэй, во множестве вариантов имеющихся и у российских бурят, но не зафиксированных в среде бурят Внутренней Монголии Китая. По итогам экспедиций, состоявшихся в 70-е и 80-е годы прошлого столетия в бурятских сомонах Монголии, ученые сделали следующее заключение: традиционный фольклор живет «активной жизнью», сказки и песни наполняются новыми мотивами и деталями; улигеры в силу общих закономерностей, связанных с исчезновением условий, утратили свою эпическую стихотворную форму и бытуют в прозе [Баранникова, 1981. С. 18].

Вместе с тем, постепенный процесс изменения фольклорного репертуара и дальнейшей трансформации устной традиции монгольских бурят, наблюдаемый в последние десятилетия, обусловлены не только объективными факторами, связанными с разрушением естественных условий исполнения произведений народного творчества, но и в определенной степени с общественно-политическими реалиями первой половины XX в., сложившимися в стране. «Монгольские буряты пережили те же перипетии социалистического развития, что и российские» [Балдано, Дятлов, 2012. С. 257]. Так, «правительство Монголии в угоду сталинскому режиму в начале 1930-х гг. провело грандиозную чистку в рядах не только партийных деятелей страны, но и простых граждан-бурят, «предавших» страну Советов своим бегством в Монголию в пред- и послереволюционные годы... Многие репрессированные были расстреляны, а их семьи остались без кормильцев и имущества... были обречены на голодное выживание. В результате репрессий резко снизился рост бурятского населения, упал уровень жизни» [Ванчикова, Ринчинова, 2012. С. 170]. «Репрессии, помимо ощутимого снижения демографических показателей бурятской общины, тяжело сказались на ее общественном самочувствии. Из-за страха перед преследованиями буряты перестали признаваться в своей этнической принадлежности, носить национальную одежду, употреблять бурятский язык в общественных местах. Истребление бурятских мужчин вызвало значительный рост халха-бурятских браков, что в результате привело к ускоренной ассимиляции. Бурятская интеллигенция понесла наибольший урон в лице самых образованных и мыслящих людей, признанных «контрреволюционерами» [Ванчикова, Ринчинова, 2012. С. 170]. Период репрессий длился вплоть до середины 1950-х годов. Таким образом, масштабные репрессии стали не только политико-экономическим ударом по бурятской общине в Монголии, но и привели к значительным изменениям в формировании этнических черт у общности, «афишировать принадлежность к данному этносу (к бурятам. — Б-Х. Ц.) не было принято» [Дагбаев, 2010. C. 30].

Архивные документы Монголии, где хранятся экспедиционные материалы, записанные в бурятских сомонах постсоциалистического периода, и современная ситуация показывают, что полноценно функционирующих традиционных жанров народного творчества монгольских бурят, сложно обнаружить в наши дни, это обусловлено с вышеуказанными историческими обстоятельствами и с уходом настоящих носителей аутентичной фольклорной традиции. Отмечая наибольшую устойчивость и сохранность песенного репертуара из всех традиционных жанров фольклора монгольских бурят, в том числе обрядовых песен, песен-заклинаний — приучения животного к детенышу, приходится констатировать сужение фольклорной среды и отсутствие непосредственных условий бытования живого фольклора. В большей степени в экспедиционных записях встречаются восхваления-магтаалы коню, победителям в состязаниях по борьбе, стрельбе из лука, песни с новым содержанием. Немаловажным фактором, повлиявшим на упрощение фольклорного репертуара и сращение отдельных элементов бурятского фольклора с халха-монгольскими устно-поэтическими традициями, является, кроме того, принадлежность, как выше подчеркивалось, бурят и монголов к одному этнокультурному пространству, их языковое родство, приведшие «к усилению языковой и этнической ассимиляции» бурят Монголии Бурятский язык, 2020. С. 23]. Так, на судьбу фольклора в бурятской эмигрантской диаспоре в Монголии повлияли в значительной степени социально-политические факторы и естественный уход истинных знатоков традиции.

Имеющийся фольклорный багаж бурятской диаспоры в Китае отличается своим этническим своеобразием, сочетающем в себе материнские и общемонгольские традиции. Он представляет интерес для изучения живой традиции исполнения фольклора. Для бурят Внутренней Монголии характерна приверженность к сохранению исконных традиций и обрядов, им свойственно максимальное желание сберечь свою социокультурную особенность.

Анализ локальной фольклорной культуры бурят Монголии выявил утрату на современ-

78 Филология

ном этапе традиции исполнения эпических жанров, слабую сохранность сюжетов, мотивов сказочного фольклора, выявил процесс слияния традиционного фольклора бурят с родственным халха-монгольским, и указывает на снижение культурной самобытности в результате влияния внешних, глубоко трагичных для мигрантов, политических, социокультурных факторов. Историческая память и родовое сознание бурят Монголии, ярко проявлявшиеся в несказочной прозе в ранних записях, со временем теряют остроту, когда одним из уровней

идентификации бурят является соотнесение себя с монгольской общностью.

О традиционном фольклоре двух групп бурят, оказавшихся вне рамок исконной этнической территории, можно сказать в заключение следующее: если буряты Китая сумели сохранить фольклорные традиции лучше, чем на исторической родине, то в современном сегменте бурятского этноса в Монголии наблюдается тенденция сужения сферы функционирования традиционных форм фольклора, которые носят характер сближения с халха-монгольской культурной средой.

Использованная литература

Андреева, Белошеева, Ведерникова, Никитина, Рябов, Черенков, 2017: Андреева Е. Д., Белошеева А. А., Ведерникова Н. М., Никитина С. Е., Рябов С. А., Черенков Л. Н. Живые народные традиции в контексте современной культуры // В фокусе наследия. Сборник статей, посвящённый 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М., 2017. С. 268–289.

Andreeva E. D., Belosheeva A. A., Vedernikova N. M., Nikitina S. E., Riabov S. A., Cherenkov L. N. Zhivye narodnye traditsii v kontekste sovremennoĭ kultury [Living folk traditions in the context of modern culture] // V fokuse naslediia. Sbornik stateĭ, posviashchënnyĭ 80-letiiu Iu.A. Vedenina i 25-letiiu sozdaniia Rossiĭskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kulturnogo i prirodnogo naslediia imeni D. S. Likhachëva. Moskva, 2017. P. 268–289.

Балдано, Дятлов, 2020: Балдано М., Дятлов В. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея «собирания нации» // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012.

Baldano M., Diatlov V. Buriaty Kitaia i Mongolii v diskurse «natsional'nogo vozrozhdeniia»: ideia «sobiraniia natsii» [The Buryats of China and Mongolia in the discourse of «national revival»: the idea of «consolidating the nation»] // Mestnye soobshchestva, mestnaia vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov. Irkutsk: Ottisk, 2012.

Баранникова, 1981: *Баранникова Е. В.* Бытование бурятского фольклора в МНР // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: Калмыцкая республиканская типография, 1981. С. 3–18.

Barannikova E. V. Bytovanie buriatskogo folklora v MNR [The existence of Buryat folklore in the MPR] // Etnografiia i folklor mongolskikh narodov. Elista: Kalmyk Republican Printing House, 1981. P. 3–18.

Бардаханова, 1989: *Бардаханова С. С.* Сказочная традиция бурят, проживающих в МНР // Типология традиционных жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО АН СССР, 1989. С. 68–88.

Bardakhanova S. S. Skazochnaia traditsiia buriat, prozhivaiushchikh v MNR [The fairy tales tradition of the Buryats living in the MPR] // Tipologiia traditsionnykh zhanrov buriatskogo folklora. Ulan-Udė: Buryat Science Center SO AN SSSR, 1989. P. 68–88.

Болдохонов, 2011: *Болдохонов С. Н.* Особенности этнической идентичности реэмигрантов (на примере шэнэхэнских бурят) // Вестник БГУ, 2011. № 6. С. 107-109.

Boldokhonov S. N. Osobennosti ėtnicheskoĭ identichnosti reėmigrantov (na primere shėnėkhėnskikh buriat) [Features of ethnic identity re-emigrants (for example Shenehen Buryat)] // Vestnik BGU, 2011. № 6. P. 107–109.

Бурятский язык, 2020: *Бурятский язык в регионах России*, *Монголии и Китая*: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 256 с.

Buriatskii iazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaia: sostoianie, problemy, faktory sokhraneniia i razvitiia [The Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: current status, problems, factors of preservation and development]. Ulan-Udė: Buryat State University publishing house, 2020.

Ванчикова, Ринчинова, 2012: Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ, 2012. № 4(39). С. 166–171.

Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. "Delo Lkhumbė": repressii protiv buriat v Mongolii ["Lhumbe Case": repressions against Buryat people in Mongolia] // Vestnik VSGUTU, 2012. № 4(39). P. 166–171.

Дагбаев, 2010: *Дагбаев Э. Д.* Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник БГУ, 2010. № 6. С. 134–141.

Dagbaev Ė. D. Buriatskaia ėtnicheskaia identichnost: mezhdu traditsieĭ i modernizatsieĭ [Buryat Ethnic identity: between Tradition and Modernization] // Vestnik BGU, 2010. № 6. P. 134–141.

Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд (Улигеры бурят Монголии), 1992: Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд. Бүридхэгшэ Ц-А. Дугар-Нимаев (Улигеры бурят Монголии. Составитель Ц-А. Дугар-Нимаев). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.

Mongoldokhi buriaaduudaĭ yl'gėrnyyd. Byridkhėgshė Ts-A. Dugar-Nimaev (Uligery buriat Mongolii. Sostavitel' Ts-A. Dugar-Nimaev) [The uligers of Buryats in Mongolia. Compiled by Ts.-A. Dugar-Nimaev]. Ulan-Udė: Izd-vo BNTs SO RAN, 1992.

Содномпилова, Нанзатов, 2018: *Содномпилова М. М. Нанзатов Б. 3.* Буряты Монголии: «мы — буряты, но мы — разные» // Вестник БНЦ СО РАН, 2018. № 1(29). С. 26–33.

Sodnompilova M. M. Nanzatov B. Z. Buriaty Mongolii: «my — buriaty, no my — raznye» [Buryats of Mongolia: "we are Buryats, but we are different"] // Vestnik BNTs SO RAN, 2018. № 1(29). P. 26–33.

Хишигт, 2011: *Хишигт Н*. Буряты в Монголии: первая четверть XX века // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. \mathbb{N}_2 4. С. 185–203.

Khishigt N. Buriaty v Mongolii: pervaia chetvert XX veka [Buryats in Mongolia: first quarter of the 20 th century] // Vestnik BNTs SO RAN. 2011. № 4. P. 185–203.

TRADITIONAL FOLKLORE IN THE BURYAT DIASPORAS OF CHINA AND MONGOLIA

Badma-Khanda B. Tsybikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

The article highlights the fate of the Buryat folklore in a different ethnic environment; it reveals the originality of enclave traditions in China and Mongolia based on the characteristics of the oral local tradition in two territorially isolated groups of Buryats abroad. The peculiarities of the existence of traditional folklore in the emigrant diasporas of the Buryats are associated with the nature of settlement, environment; an important factor that influenced the modification of folklore culture was the historical conditions, political factors of the relationship between migrants and the host society. After analyzing the folklore and ethnographic landscape of the two Buryat enclaves, the following conclusion was drawn: if the Buryats of China in a foreign socio-cultural environment feel themselves as a part of the ethnic Buryats of Russia, the Mongolian Buryats, not forgetting their roots and origin, have more reason to consider themselves an integral unit of the Mongolosphere. This situation was peculiarly expressed in the fact that the existing folklore heritage of the Buryat diaspora in China is distinguished by its ethnic identity, combining maternal and common Mongolian traditions; in Mongolia, there is a tendency to merge the traditional folklore of the Buryats with the related Khalkha-Mongolian.

Key words: folklore, Buryat diasporas in China and Mongolia.

Acknowledgement: The research was carried out within the state assignment (project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region, N 121031000259-6).

About the author: **Badma-Khanda B. TSYBIKOVA**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Lading Rsearcher, Department of Literature and Folklore, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation) (bch58@yandex.ru).

Д. В. Убушиева

ИВАН ИВАНОВИЧ ПОПОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ КАЛМЫЦКОГО ФОЛЬКЛОРА

Статья посвящена собирателю калмыцкого устного народного творчества И. И. Попову и описанию его фольклорной коллекции. Его рукописные книги, хранятся в Государственном архиве Ростовской области и в Монгольском фонде Института восточных рукописей РАН. Фольклорная коллекция И. И. Попова по времени записи является одной из ранних и содержит девять рукописных книг, в которых зафиксированы песнь эпоса «Джангар», пятьдесят одна сказка, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, приметы, обрядники, буддийские сочинения, ритуальные тексты праздника Урюс сар, сутра Белого старца, сказывание по кости и многое другое. Установлены даты жизни и смерти И. И. Попова (1859–1925), а также документально подтверждено, что собиратель калмыцкого фольклора имел степень кандидата права и с 1899–1914 гг. трудился мировым судьей. Введение в научный оборот данного собрания, расширит научные знания по культуре калмыков, позволит в определенной степени по-новому взглянуть на связи фольклора калмыков с другими родственными и неродственными народами, а также даст монголоведам возможность для типологических исследований.

Ключевые слова: Иван Иванович Попов, «ясное письмо», запись и сохранение калмыцкого фольклора, эпос «Джангар», сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, приметы, обрядники, буддийские сочинения, ритуальные тексты праздника Урюс сар, сутра Белого старца, сказывание по кости, комментарии, перевод на русский язык.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00287 «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова».

Об авторе: Убушиева Данара Владимировна, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Россия) (bib.danara@yandex.ru) ORCID 0000-0002-5547-4006.

© ИВР РАН, 2023

© Убушиева Д.В., 2023

Одним из крупных собирателей фольклора калмыков является Иван Иванович Попов. До нас дошли девять его рукописных книг. Собранная им коллекция содержит образцы разных жанров — это песнь эпоса «Джангар», 51 сказка, 18 преданий, 179 пословиц и поговорок, 309 загадок, 63 буддийские поучительные истории, образец «Кемәлһдг ясна бичг» («Сказывание по кости»), сутра о Белом старце, ритуальные тексты празднества летнего солнцестояния «Үрсин бичг» («Сочинение Урюс сара»), «ћадсни йөрэл» («Благопожелание у прикола [для скота]»), обрядник «Хамг му йорин оршв» («Книга плохих предзнаменований») с отвращениями, переводы на русский язык буддийских сутр — «Алмазная сутра», «Сутра Будды Амитабхи», «Сутра трех груд», «Ответы Бхараты», «Наставления Джебдзун-дамба-хутухты», восьмая глава «Моря притч». Важным дополнением к данным образцам фольклора и религиозной литературы являются комментарии И. И. Попова. В них собиратель приводит отдельные образцы калмыцкой устной речи, а также обряды, приметы, проклятья, благопожелания, дразнилки, ураны, игры, рисунки и множество других важных свидетельств о быте калмыков.

Собиратель калмыцкого фольклора Иван Иванович Попов

О самом собирателе достоверных сведений мало. Большая часть информации нами взята из его же рукописных книг, в которых И. И. Попов оставлял приписки, пометы, свидетель-

ствующие о его личной жизни, и из немногих упоминаний о нем другими исследователями.

В одной из книг он пишет: «Как раз накануне моего рождения и именин, в ночь с 20 на 21 июля 1906 года на 47 году моей жизни родился у меня от Пелагеи Петровины Шушлиной сын, которого я думаю назвать Иваном» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 161г]. Исходя из этого, может быть установлен год рождения И. И. Попова — 1859 г. Приблизительная дата смерти указана В. А. Закруткиным во вступительной части к изданию «Калмыцкий эпос "Джангар"» 1940 г., где отмечено: «лет пятнадцать тому назад Попов умер» [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940. С. 254]. Таким образом, предположительные даты жизни и смерти И. И. Попова приходятся на 1859–1925 гг.

На титуле каждой рукописной книги отмечается место записи — частный зимовник в балке Средняя Аюла. В течение многих лет И. И. Попов жил в собственном зимовнике, находившемся в местности балка Средняя Аюла на 1 участке Донского частного коннозаводства в области войска Донского, где он и его отец Иван Михайлович Попов разводили и выращивали жеребцов и маток улучшенной донской породы [Номикосов, 1900. С. 63]. В «Памятной книжке области войска Донского» частный зимовник Поповых, находившийся в западной части на 1-м участке Сальского округа, значится с 1890 г. до 1915 г. [ПКОВД 1890. С. 407; ПКОВД 1915. С. 117–118].

Ростовский литературовед В.А. Закруткин пишет, что «Иван Иванович Попов большую часть своей жизни провел на Дону. Еще в девяностых годах прошлого столетия он, после окончания Лейпцигского университета, уехал в глушь донских степей. Что заставило Попова поселиться в глуши — неизвестно. Вряд-ли можно думать, что конский завод, который достался Попову по наследству, мог послужить причиной отшельнической жизни молодого человека, особенно после Лейпцига. Поселившись в степной балке Аюла, И. И. Попов почти безвыездно прожил там более двадцати лет. Единственными товарищами его разъездов по

степи были табунщики-калмыки. Калмыков вокруг Аюлы было много. И вот, живя в глуши, Попов все свое свободное время посвящает изучению этнографии донских калмыков. Интерес к калмыкам превратился у Попова в страсть. Он ездит от зимовника к зимовнику в поисках материалов и беспрерывно записывает» [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940. С. 253–254].

Составитель книги «Очерки географии Всевеликого Войска Донского» В. В. Богачев писал следующее: «Мы даем очерк, написанный по нашей просьбе Иваном Ивановичем Поповым, лучшим в России, и вероятно вообще, ученым знатоком калмыков (также монгольских языков и литературы), который, по окончании университетского курса и завершения образования в Лейпциге, поселился, среди калмыков и жил двадцать лет, полюбив этот народ, переболев его горестями и радуясь малым его радостям. Как часто случается с русскими учеными, он почти ничего не опубликовал, а большевики, во время своего хозяйничанья в задонских степях, уничтожили его громадную библиотеку и многочисленные рукописи его изысканий» [Очерки географии... 1919. C. 283-284].

Об образовании И. И. Попова выше указано, что он закончил Лейпцигский университет, сам же собиратель подписывал свои рукописные книги так — «...кандидата права С.-Петербургского университета коннозаводчика Донск.[ого] Ч.[астного] Конн.[озаводства] И. И. Попова» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 1r].

Это подтверждается записью в «Памятной книжке области войска Донского», где И. И. Попов числится почетным мировым судьей в степени кандидата права с 1899 г. до 1914 г. включительно [ПКОВД 1899. С. 184; ПКОВД 1914. С. 345].

О работе судьей И. И. Попов писал и сам: «Когда я был судьей, то мне дал свои записи чиновник Дамба Ремелев (Эрмелев). Там я нашел несколько загадок» [ГАРО. СИФ. № 13807. Π . 64r-64v].

Изучение рукописных материалов И. И. Попова дает основание говорить о нем и как об ученом. В предисловии к книге со сказками И. И. Попов описывает свои достижения по

¹ Данных по зимовникам за предыдущие годы нет.

82

изучению калмыцкого языка: «Живя среди калмыков и заинтересовавшись этим народом, старался я, сколько-нибудь, изучить и язык их, будучи убежден, что только одно таковое изучение познакомит меня в достаточной мере с ними. Выучившись самоучкой, благодаря грамматикам Попова, Бобровникова и Шмидта читать и писать старым и новым письмом монгольским, я, отвлекаемый собственными занятиями, часы досуга посвящал дальнейшему изучению языка. Пользуясь, благодаря моему отцу, сочувственно относящемуся к моим занятиям книжными [нрзб.], которые были только возможно достать, старался я сблизить книжный и разговорный языки калмыков, но это было нелегко и отнимало много времени. Но раз задуманное горело передо мною яркой звездой в сумрачный [нрзб.] изучения без проводника, советника, наставника, а уже потраченный труд не давал возможности бросить раз начатое дело» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 3r-4v].

Среди собирателей калмыцкого фольклора И. И. Попов выделяется скрупулезным отношением к паспортизации зафиксированных материалов. Он записывает имена информантов, отмечает место записи, указывает дату (число, месяц, год). Другой его особенностью как собирателя является фиксация версий и вариантов одного и того же произведения.

Его рукописные книги имеют общую структуру: титул, оглавление, предисловие, образцы фольклора на «ясном письме», транскрипция кириллицей (с дополнительными знаками для обозначения звуков калмыцкого языка, долгих и неясных гласных), перевод на русский язык, комментарии. В оформлении рукописных книг использовались рамки с «полисадником», исполненные разноцветными чернилами, рисунки и прочее.

Единственной опубликованной работой И. И. Попова является очерк «Донские калмыки-казаки», размещенный в «Очерках географии Всевеликого Войска Донского» [Очерки географии... 1919. С. 284–329]. В данном очерке подробно описаны исторические сведения, реалии быта, обрядовая традиция, сопровождаемая вербальным компонентом. Освеще-

но значение просветительской деятельности Зая-Пандиты и создание им ойратского «ясного письма». Этот же очерк И. И. Попова издан отдельно под названием «Донские калмыки» [Попов 1919].

Рукописные материалы И. И. Попова демонстрируют его знания монгольского, санскритского, тибетского, немецкого, латинского и других языков. В отдельных частях рукописных книг И. И. Поповым произведены записи на этих языках, а также даны его собственные переводы. И. И. Попов выписывал, изучал и применял в своей работе известные ему грамматики, словари и другую литературу того времени, ссылки на которые он оставил в своих рукописных книгах.

Так, в одной из своих рукописных книг И. И. Попов приводит часть перечня, используемой им научной литературы, который имеет четыре раздела — грамматики, словари, путешествия и этнография и история, право, образцы народной литературы. «Список сочинений, которыми я руководствовался при записи настоящих сказок и имеющихся в моей библиотеке. І. Грамматики: 1) Грамматика Монгольского языка. Сочиненная Я. Шмидтом. С.-Петербург, 2) Грамматика калмыцкого языка, сочинения А. Попова. Казань 1847 г., 3) Грамматика монгольско-калмыцкого языка, сочинения А. Бобровникова. Казань 1849 г., 4) Грамматика тибетского языка, сочиненная Я. Шмидтом. С.-Петербург. 1839 г.; ІІ. Словари: 5) Монгольско-немецко-российский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков, составленный Я. Шмидтом. С.-Петербург 1835 г., 6) Монгольско-русско-французский словарь, составленный Осипом Ковалевским. III тома. Казань, 1844-1849 гг., 7) Русско-калмыцкий словарь, составленный Константином Голстунским. С.-Петербург, 1860 г., 8) Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный Свящ. Парменом Смирновым. Казань 1857 г., 9) Русско-калмыцкий словарь. Составлен по приказанию Главного попечителя калмыцкого народа, учителем калмыцкого языка Саджирхаевым. 1868 г., 10) Тибетско-русский словарь с присовокуплением алфав. списка, составленный Я. Шмидтом. С.-Петербург 1843 г., 11) Китайско-русский словарь. Д. А. Пешурова. СПб. 1887 г., 12) Первоначальный учебник русского языка для калмыков. Казань 1892 г.; III. Путешествия и этнография: 13) Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-Ламы. Сочинение Гюки Гаве. Москва 1866 г., 14) Очерк путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных. Только II часть. С.-Петербург 1884 г., 15) Путевые записки Нила архиепископа Ярославского. Ярославль 1874 г., 16) Путешествие в Китай. Е. Ковалевского. 2 тома. С.-Петербург 1853 г., 17) Записки о Китае г-жи Бурбулон. СПб., 1885 г., 18) Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. 2 тома в 4-х частях. СПб. 1828 г., 19) Е.Ф. Тимковский Путешествие в Китай через Монголию. Часть III. СПб. 1824 г., 20) И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии. 2 части. С.-Петербург 1878 г., 21) Сергей Меч. Центральная Азия. Москва 1886 г., 22) [нрзб.], 23) Очерки быта астраханских калмыков И. А. Житецкого. Москва 1893 г., 24) [нрзб.], 25) Санскрин Курэдэ. Священные калмыцкие изображения и сведения о донских калмыках Траилина. Ново-Черкасск 1872 г., 26) Города Северной Монголии. А. Позднеева. СПб. 1880 г., 27) Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской Губернии. Костенкова. СПб. 1870 г., 28) Принципы жизни Китая. С. Георгиевского. СПб. 1888 г.; IV. История, право, образцы народной литературы: 29) Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ. Материалы для истории Халхи. А. Позднеева. СПб., 1883 г., 30) Ургинские хутукты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. А. М. Позднеева. СПб. 1880 г., 31) Народы-старцы: Китай, Япония, Индия: Ист. Беседы. В. Андреева. СПб. 1874 г., 32) [нрзб.], 33) Труды Восточного отдела Императорского Русского археографического общества. Часть шестая. СПб. 1858 г. Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с примечаниями калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами тоже часть седьмая. СПб. 1861 г. Сборник летописи История монголов сочинение Рашид-Эдина, 35) Памятники исторической литературы астраханских калмыков. В подлинном калмыцком тексте, издан А. Позднеевым. СПб.

1885 г., 36) К истории Зюнгарских калмыков. А. Позднеева. СПб. 1887 — того же автора Об отношениях Европейцев к Китаю. СПб. 1887 г., 37) Материалы для истории инородцев юго-западного Китая. 2 часть. Ивановского. СПб. 1887 г., 38) Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. СПб. 1891 г., 39) К истории права русских инородцев. Древний монгольско-калмыцкий или ойратский устав взысканий Ф. И. Леонтовича. Одесса 1879 г., 40) Калмыки. Исторический очерк. Новолетова. СПб. 1884 г., 41) Монголо-ойратские законы. 1646 г. Голстунского, 42) Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят. (Зап. Вост. Сиб. Отдел. Им. Русс. Геогр. Общества по этнографии. Т. II. Вып. І. Иркутск 1890, Т. II. Вып. II. Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск 1890 г., 43) Бурятские сказки и поверья, собранные Затопляевым и Хангаловым и другими. Иркутск, 1884 (Зап. Вост. Сиб. Отдел. Им. Русс. Геогр. Общества Т. І. Вып. І., 44) Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск 1890 (Зап. Вост. Сиб. Отдел. Им. Русс. Геогр. Общества), 45) Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов А. Позднеева. СПб. 1880 г., 46) Калмыцкие народные сказки в подлинном калмыцком тексте. Издал Позднеев. СПб. 1886 г., 47) Общепонятное наставление калмыкам о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерою до прибытия врача. Бадмаев. Казань 1893 г., 48) Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер хана, истребителя десяти зол в десяти странах. Геройское предание монголов. Я. И. Шмидта. СПб. 1836 г. Продолж. перечня след. др. тетр.» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 158r-160r].

В. А. Закруткин пишет, «очевидно, время от времени напоминая о себе лейпцигским коллегам, он получает по почте все, что появляется в печати о калмыках не только в России, но и в Европе. Так постепенно растет библиотека Попова, которой, судя по ее жалким остаткам, мог бы позавидовать любой ученый-монголист» [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940. С. 254].

И. И. Попов и сам упоминает людей, всячески помогавших ему. Так, он благодарит бакши

84

донских калмыков Аркадия Чубанова: «за его сочувственное отношение к моему делу ознакомления с бытом и религией наших калмыков, выразившееся им в постоянной присылке книг, меня интересующих» [ГАРО. СИФ. № 13811. Л. 80v].

Одну из книг со сказками И. И. Попов посвящает своему отцу и пишет на титуле следующее: «Моему драгоценному папе Ивану Михайловичу Попову <...> Как плод его же попечений... Посвящаю...» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 2r].

Следует отметить неоднократное замечание И. И. Попова о том, что Кирсан и Лиджи, помогавшие ему в разъяснении непонятных слов, часто не понимали друг друга, что, скорее всего, говорит о принадлежности к разным субэтническим калмыцким группам. В связи с чем нами намеренно избегается отнесение фольклорных материалов, записанных И. И. Поповым, к числу только калмыков *бузавов*. Собиратель в названии своих книг пишет о донских калмыках, достоверно нам не известно, но вернее будет считать эти материалы, достоянием калмыцкого народа в целом.

Коллекция калмыцкого фольклора И. И. Попова

Относительно количества рукописных книг И. И. Попова В.А. Закруткин писал следующее: «часть этого собрания (девять книг) хранится в Архивном отделе УНКВД Ростовской области; часть исчезла в то время, когда фонд Попова находился в бывшем Ростовском областном архивном управлении» [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940. С. 254].

В настоящее время нам известно о девяти рукописных книгах, автором которых является Иван Иванович Попов. Восемь рукописных книг хранятся в ГАРО и одна рукопись в виде потхи находится в коллекции А. М. Позднеева в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН [ИВР РАН. Монгольский фонд. С. 197].

Рукопись под названием «aršani nomiin tuuji» («Истории нектарного учения»), находящаяся в коллекции А. М. Позднеева, имеет приписку, идентифицирующую автора: «ene tuuj̃igi bi iban ibanobiči popob salγaj̃i bičibei» («Эти истории отобрал и записал я — Иван Иванович Попов») [ИВР РАН. Монгольский фонд. С. 197. Л. 126].

Данная книга потхи содержит шестьдесят три образца поучительных историй, записанных на «ясном письме». Она не имеет научного аппарата (содержания, вступительной статьи, переводов, комментариев), характерного другим рукописным книгам И. И. Попова.

Исследователь Б. В. Меняев относительно данных образцов отмечает: «Каждый из 63 рассказов сборника — это законченное повествование, наполненное буддийской дидактикой и завершающееся краткой сентенцией. Некоторые из сюжетов перекликаются с рассказами из известного в монгольской литературе сборника джатак и авадан "Сутра о мудрости и глупости". ...В сборник включены джатаки, главным героем которых выступает Будда. <...> Главная мысль, которая проходит красной нитью через все рассказы сборника, заключается в том, что результатом благих и неблагих деяний является добровольный выбор самого человека» [Меняев, 2011. С. 76].

Относительно нахождения книги потхи «агšапі потііп tuujі» («Истории нектарного учения»), составленной И. И Поповым в коллекции А. М. Позднеева в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН [Сазыкин, 1988. С. 353], можем предположить, что она была приобретена А. М. Позднеевым во время командировки в 1918 г. в калмыцкие степи в пределах земли Войска Донского, Астраханской и Ставропольской губерний [Иориш, 2003. С. 27]. Позже в 1920 г. последовало назначение А. М. Позднеева профессором Донского университета, вскоре, после чего он скончался в Ростове-на-Дону [Там же].

Теперь о восьми рукописных книгах И. И. Попова, хранящихся в ГАРО. Следует отметить, что в данном архиве рукописные книги собирателя, хранятся в разных фондах. Так, рукописные книги под № 13805, 13806, 13807, 13808, 13809, 13810 и 13811 находятся в библиотеке архива [ГАРО. СИФ. № 13805, 13806, 13807, 13808, 13809, 13810, 13811], тогда как книга под

№ 1387 помещена в Фонд 55. Попова Харитона Ивановича [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387].

Три рукописные книги собирателя содержат калмыцкие народные сказки. Первой следует считать книгу под № 13805 с общим названием «Народные сказки донских калмыков», оформленную работниками архива. Так как рукописная книга условно разделена на две части. Первая часть рукописи под названием «Калмыцкие народные сказки, изданные профессором монгольского и калмыцкого языков в С.-Петербургском университете А. М. Позднеевым в переводе на русский язык кандидата права С.-Петербургского университета коннозаводчика Донск. Ч. Конн. И. И. Попова» содержит переводы сказок: 1) «Сказка про двоих: сына богача Манджин Зарлика и парня его работника», 2) «Сказка про сироту-бедняка парня Бош и его самостреле Тош», 3) «Сказка про мудрого Харца, сына густо-бородого Бээде Мудрого», 4) «Сказка про семнадцатилетнего сына богатого человека», 5) «Сказка про сына Тангад-хана, Умного-Мудрого Харада» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 1r-44v], изданных А.М. Позднеевым в 1886 г. [Калмыцкие народные сказки, 1886]. Вторая часть книги называется «buzabai xalimayuudiyin tuulis bi ivan ivanovici popov tedeniige bicibei» ('Сказки калмыков-бузавов, записал я, Иван Иванович Попов'). В этой части представлено сорок две сказки, зафиксированных на «ясном письме» [ГАРО. СИФ. № 13805. Л. 45r–160v]. В конце данной рукописи имеется отметка о продолжении в следующей тетради.

Следующая, вторая, книга со сказками под № 13806 озаглавлена «Народные сказки донских калмыков в русском переводе. Перевел с примечаниями И. И. Попов» и содержит переводы на русский язык предыдущих сорока двух сказок с указанием имен информантов, а также обширными комментариями [ГАРО. СИФ. № 13806. Л. 1r–164v].

Отметим имена исполнителей сказок: Улан Бальдинова — сказки № 1, 8, 9, 22; Кюгюльте Цединов — сказки № 2, 3, 4, 10; Кирсан Атинов — сказки № 7, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21; Наран Уланов — сказка № 13; Унджу Бэтюдов Нембирков — сказки № 20, 23, 27, 28, 30, 32, 37;

мальчик Унджу — сказка № 26; Лиджи Наминов Шарапов — сказки № 24, 25; Лиджи Шарапов — сказки № 29, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41. Образцы под № 5, 6, 42 даны без указания имени информанта.

Третья книга с калмыцкими сказками под № 13810 имеет название «Народные сказки донских калмыков. В оригинальном калмыцком тексте и русском переводе с примечаниями. Собрал и со слов калмыков записал И. И. Попов». В этой книге представлено девять сказочных сюжетов с переводами. Информантами стали: Санджи Дюрдянов Асанов — сказка № 1, 2; Улан Бальдинова — сказка № 3; Дорджи Арсаланов — сказка № 4; Кюгюльте Цединов Бальдинов — сказки № 5, 7; Бэтюд Нембирков — сказка № 6; Лиджи Наминов Шарапов — сказка № 9; без указания сказителя осталась сказка № 8.

Всего И. И. Попов записал 51 сказку. Это богатырские, волшебные, бытовые, о животных и кумулятивные сказки. Многие из них не находят соответствий в указателях сказочных сюжетов (АТ, СУС) и являются локальными по характеру бытования. Более того, отдельные образцы не имеют вариантов среди опубликованных сказочных сюжетов калмыков.

Рукописная книга с № 13809 названа составителем «Былевые сказания донских калмыков» и содержит калмыцкие легенды и предания [ГАРО. СИФ. № 13809]. В ней представлено 18 образцов, 17 из которых записаны от Кирсана Атинова и одно от Арсалана Мукёвюнова.

Рукописная книга № 13807 «Загадки донских калмыков в подлинном тексте и переводе. Собрал и записал И. И. Попов» содержит 309 загадок, включая триады [ГАРО. СИФ. № 13807].

Рукописная книга № 1387 «Пословицы и поговорки донских калмыков в оригинальном тексте и русском переводе. Собрал и записал И. И. Попов» насчитывает 179 образцов [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387].

Образцы последних трех книг (предания, загадки, пословицы и поговорки) включены в книгу «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: несказочная проза и малые жанры» [Инедиты... 2021], изданную в рамках проекта РФФИ «Инедиты калмыцкого фоль-

86

клора из архива И. И. Попова», посвященного введению в научный оборот фольклорного наследия И. И. Попова.

Две рукописные книги в коллекции И. И. Попова имеют одинаковое название. Это рукописные книги № 13808 Том 1 «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» и № 13811 Том 2 «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова».

В рукописную книгу под № 13808. Том 1-й. «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» вошли отрывки из «Джангара», которые И. И. Попов переписывает на «тодо бичиг» и переводит на русский язык по изданию 1864 г. «Убаши хун-тайджин тууджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрийн тууль», подготовленному К. Ф. Голстунским [Убаши хун-тайджин тууджи... 1864].

Затем следует непосредственная запись эпического образца, сделанная И. И. Поповым, которая названа «Калмыцкий текст одной главы из Джангара, говоренного мне Бадмой Обушиновым», она представлена на 14 листах (Л. 82г–95v). В конце песни зафиксировано имя сказителя — Бадма Дорджинов Обушинов, дата — ночь декабрь 1901 г., и место — Средняя Аюла.

Текст записан на кириллице с применением дополнительных знаков для обозначения калмыцких звуков, долгих и неясных гласных, сплошным прозаическим текстом без разбивки на стихотворные строки. В оригинальном тексте обнаружены лишь единичные зачеркивания и исправления. Также встречаются слова, к которым в круглых скобках были даны иные варианты написания.

Сам И. И. Попов о фиксации песни эпоса от Бадмы Обушинова писал следующее: «недавно слышали мы, что один молодой калмык знает кое-что из "Джангара". Это побудило нас обратиться к нему с просьбой рассказать нам о "Джангаре". Особенным речитативом передал он нам слушающим» [ГАРО. СИФ. № 13808. Л. 119].

В предисловии собиратель приводит мнение народа об эпопее: «она так велика, говорят калмыки, что если бы записать ее, то она

могла бы сделаться выоком двадцати девяти белых верблюдов — дромадеров. И это потому, что простые двугорбые верблюды не подняли бы "Джангар" только более сильные, чем они – дромадеры могут сделать это. Белыми же они должны быть потому, что эта поэма так чиста, белоснежна, что везти ее могут только белые животные» [ГАРО. СИФ. № 13808. Л. 3r].

Также им отмечены представления об исполнителях «поэмы»: «Подвиги фантастического князя — богатыря Джангара, по имени которого названа и сама поэма, воспеты воскресшим от смерти человеком, своего рода тенью, призраком, "не имеющим рода — корня, а потому и не способным произвести плод — потомство". Поэтому кто увлечется Джангаром — будет без потомства, его род прервется» [ГАРО. СИФ. № 13808. Л. 3r]. К сожалению, кроме этих разрозненных рассказов от Бадмы Обушинова и Лиджи Шарапова ему больше ничего не удалось узнать о бытовании эпоса среди донских калмыков.

В рукописной книге № 13811. Том 2-й. «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» представлено одиннадцать сочинений [ГАРО. СИФ. № 13811]. Это «Наставления Джебдзун-дамба-хутухты», «Сутра Будды Амитабхи», «Алмазная сутра», «Ответы Бхараты», «Сутра трех груд» с присовокуплением тибетского текста, записанного кириллицей, «Сутра Белого старца», восьмая глава «Моря притч» и ритуальные тексты празднества летнего солнцестояния Урюс сар «Урсин бичг», а также текст сказывания по кости «Кемәлһдг ясна бичг» и сочинение о плохих предзнаменованиях «Хамг му йорын бичг».

В отличие от других книг в данной рукописи нет текстов на старокалмыцком «ясном письме», исключение составляют титульные листы отдельных сочинений, окончание комментария о пользе чтения «Алмазной сутры» и словарик в примечаниях к «Сутре Будды Амитабхи». В тексте встречаются также пометы на тибетском языке, свидетельствующие о знании И. И. Поповым данного языка. Отдельные образцы представлены в калмыцком тексте и русском переводе, другие — только в русском переводе собирателя.

Столь обширный и разножанровый материал, собранный И. И. Поповым среди калмыков на рубеже XIX-XX вв., был в поле зрения многих исследователей. Впервые к фольклорному наследию И. И. Попова обратился Б. В. Лунин, который в 1938 г. издал книгу «Сказки донских калмыков», где было опубликовано пятнадцать сказок. Как пишет автор публикации, «большинство этих сказок записал долго живший среди калмыков донской краевед Иван Иванович Попов. <...> Литературно переработал сказки Б. В. Лунин, дополнив некоторые из них по записям других лиц» [Сказки донских калмыков, 1938. С. 4]. Отдельные сказки, записанные И. И. Поповым на калмыцком и русском языках, публиковались — как правило, в значительной литературной обработке — в целом ряде изданий: «Сказки донских калмыков» [Сказки донских калмыков, 1938], «Народное творчество Калмыкии» [Народное творчество Калмыкии, 1940], «Хальмг туульс» ('Калмыцкие сказки') [Хальмг туульс, 1961], «Калмыцкие народные сказки» [Калмыцкие народные сказки, 1961], «Калмыцкие сказки» [Калмыцкие сказки, 1962], «Калмыцкие народные сказки» [Калмыцкие народные сказки, 1962], «Калмыцкие народные сказки» [Калмыцкие народные сказки, 1978], «Хальмг туульс» ('Калмыцкие сказки') [Хальмг туульс, 1979], «Саглр ээжин туульс» ('Сказки бабушки Саглар') [Саглр ээжин туульс, 1989], «Сандаловый ларец» [Сандаловый ларец, 2002].

К 500-летнему юбилею был приурочен ряд изданий эпоса «Джангар» в переводе на русский язык. Ростовский писатель и литературовед В. А. Закруткин вслед за Б. В. Луниным обращается к рукописным материалам И. И. Попова, в которых обнаруживает эпическую песнь, записанную от Б. Обушинова. Приведем слова самого В. А. Закруткина, «рукопись И. И. Попова, недавно обнаруженная, хранится в архивном отделе Управления НКВД Ростовской области и представляет собою большую тетрадь типа конторской книги в 155

листов. Эта тетрадь содержит записи «Джангара» на калмыцком языке в монгольской и русской транскрипции, а также несколько отрывочных переводов «Джангара», сделанных самим собирателем. Полностью И. И. Попов записал от Бадмы Обушинова только одну песню об Улан-Хонгоре, но не перевел ее на русский язык до конца. Перевод второй половины этой песни принадлежит мне» [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940. С. 4]. В 1940 г. он издает завершенный им русский перевод, начатый собирателем И. И. Поповым, под названием «Песня об Улан-Хонгоре» сказителя Бадмы Доржиновича Обушинова [Калмыцкий эпос «Джангар», 1940].

В разное время сообщали информацию об И. И. Попове, а также обращались к рукописным материалам собирателя Ц.-Д. Номинханов [Номинханов, 1967], П. Э. Алексеева [Алексеева, 2010], Т. Г. Басангова [Басангова, 2002; Басангова, 2017], Д. Э. Басаев [Басаев, 2004], Б. Б. Горяева [Горяева, 2012; Горяева, 2020; Горяева, 2021(а); Горяева, 2021(б)], Д. В. Убушиева [Убушиева, 2011; Убушиева, 2016; Убушиева, 2017; Убушиева, 2018; Убушиева, 2020(а); Убушиева, 2020(б); Убушиева, 2021(а); Убушиева, 2021(б); Убушиева, 2021(б); Убушиева, 2021(б); Убушиева, 2020[б); Убушиева, 2020[б]; Мирзаева, 2021[б].

Несмотря на многочисленные обращения к фольклорной коллекции И. И. Попова, даже по прошествии более ста лет эти материалы остаются труднодоступными ввиду фиксации на «ясном письме», а также специфического почерка собирателя, из-за которого они малочитабельны. Введение в научный оборот данного собрания, являющегося одним из наиболее ранних по времени записи, расширит научные знания по культуре калмыков, позволит в определенной степени по-новому взглянуть на связи фольклора калмыков с другими родственными и неродственными народами, а также даст монголоведам возможность для типологических исследований.

88

Источники

ГАРО. СИФ. № 13805: Народные сказки донских калмыков // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13805. Л. 1r–160r.

ГАРО. СИФ. № 13806: Народные сказки донских калмыков в русском переводе. Перевел с примечаниями И. И. Попов // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13806. Л. 1r–164r.

ГАРО. СИФ. № 13807: Загадки донских калмыков в подлинном тексте и переводе. Собрал и записал И. И. Попов // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13807. Л. 1r–69v.

ГАРО. СИФ. № 13808: Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова. Т. 1 // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13808. Л. 1r-147v.

ГАРО. СИФ. № 13809: Былевые сказания донских калмыков // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13809. Л. 1r–87v.

ГАРО. СИФ. № 13810: Народные сказки донских калмыков. В оригинальном калмыцком тексте и русском переводе с примечаниями. Собрал и со слов калмыков записал И. И. Попов // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13810. Л. 1r–174v.

ГАРО. СИФ. № 13811: Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова. Т. 2. // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13811. Л. 1r–128v.

ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387: Пословицы и поговорки донских калмыков в оригинальном тексте и русском переводе. Собрал и записал И. И. Попов // Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387. Л. 1r–54v.

ИВР РАН. Монгольский фонд. С 197: Aršani nomiin tuuji // Институт восточных рукописей РАН. Монгольский фонд. С 197. Л. 1r–126. (Рукопись на ойратской письменности).

Калмыцкие народные сказки 1886: Калмыцкие народные сказки. В подлинном калмыцком тексте. Издал А. Позднеев. СПб.: Литография А. Иконникова, 1886. 95 с.

Калмыцкие народные сказки 1961: Калмыцкие народные сказки / под ред. И.К. Илишкина,

У.У. Очирова. Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1961. 255 с.

Калмыцкие сказки 1962: Калмыцкие сказки / сост. и предисловие Б. О. Джимбинова. М.: Гослитиздат, 1962. 183 с.

Калмыцкие народные сказки 1962: Калмыцкие народные сказки / под ред. И. К. Илишкина, У.У. Очирова. Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1962. 331 с.

Калмыцкие народные сказки 1978: Калмыцкие народные сказки: пер. с калмыцкого / под ред. В. Егорова. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1978. 147 с.

Калмыцкий эпос «Джангар» 1940: Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примечания В. А. Закруткина. Ростов-на-Дону: Ростовское областное книгоиздательство, 1940. 272 с.

Народное творчество Калмыкии 1940: Народное творчество Калмыкии / сост., вступ. ст., коммент. И. Кравченко. Сталинград; Элиста: Областное книгоизд-во, 1940. 315 с.

Саглр ээжин туульс 1989: Саглр ээжин туульс. Считалки, скороговорки, сказки / сост. и предисл. Т.Г. Борджановой. Элиста: Калмкнигоиздат, 1989. 44 с. (на калмыцком языке).

Сандаловый ларец 2002: Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2002. 239 с.

Сказки донских калмыков 1938: Сказки донских калмыков / сост. Б. Лунин. Ростов-н/Д.: Ростиздат, 1938. 83 с.

Убаши хун-тайджин тууджи 1864: Убаши-хун-тайджийн тууджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрийн туули / сост. К. Ф. Голстунский. СПб.: Литограф. Иконникова, 1864. С. 8–74.

Хальмг туульс 1961: Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калмкнигоиздат, 1961. 220 х. (на калмыцком языке).

Хальмг туульс 1979: Хальмг туульс. Переиздание / под ред. Е. А. Буджалова. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1979. 158 с. (на калмыцком языке).

Использованная литература

Алексеева 2010: Алексеева П. Э. Иван Попов — собиратель калмыцкого фольклора // О людях и времени: сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 77–79.

Alekseeva P. E. Ivan Popov — sobiratel' kalmytskogo fol'klora [Ivan Popov, Collector of Kalmyk Folklore] //

O lyudyakh i vremeni [About People and Periods]. Elista: KIGI RAN, 2010. P. 77–79.

Басаев 2004: *Басаев Д. Э.* Устная несказочная проза калмыков // Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 5–28.

Basaev D. E. Ustnaya neskazochnaya proza kalmykov [Oral non-fairytale prose of the Kalmyks] // Sem' zvezd: Kalmytskie legendy i predaniya [The seven stars: Kalmyk legends and fables]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004. P. 5–28.

Басангова 2002: *Басангова Т. Г.* Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., перевод, вступ. ст., Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.

Basangova T. G. Skazochnaya tradiciya kalmykov [The fairytale tradition of the Kalmyks] // Sandalovyi larets: Kalmytskie narodnye skazki [The sandalwood chest: the Kalmyk folk tales]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. P. 3–38.

Басангова 2017: *Басангова Т. Г.* Мифы, легенды и предания калмыков // Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. М.: Наука–Вост. лит., 2017. С. 7–29.

Basangova T. G. Mify, legendy i predaniya kalmykov [Myths, legends and legends of the Kalmyks] // Mify, legendy i predaniya kalmykov [Myths, legends and legends of the Kalmyks]. M: Nauka–Vost. Lit., 2017. P. 7–29.

Горяева 2012: *Горяева Б. Б.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин: матлы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося российского поэта. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 89–92.

Goryaeva B. B. Kalmyckie poslovicy i pogovorki v zapisi I. I. Popova [Kalmyk proverbs and sayings in I. I. Popov's record] // David Kugul'tinov — poeht, filosof, grazhdanin: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [David Kugul'tinov: the poet, the philosopher, the citizen: Proc. of the All-Russian research conference]. Elista: Izd-vo KalmGU, 2012. P. 89–92.

Горяева 2020: *Горяева Б. Б.* Археографическое описание сборника калмыцких пословиц в записи И. И. Попова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.2020. № 6(80). С. 57-70.

Goryaeva B. B. Arkheograficheskoe opisanie sbornika kalmytskikh poslovits v zapisi I. I. Popova [Archaeographic Description of the Collection of Kalmyk Proverbs Recorded by I. I. Popov] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova [Vestnik of North-Eastern Federal University]. 2020. No. 6(80). P. 57–70.

Горяева 2021а: *Горяева Б. Б.* Через границы языков и культур: сказки донских калмыков в записи И. И. Попова // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 362-379.

Goryaeva B. B. Cherez granicy yazykov i kul'tur: skazki donskih kalmykov v zapisi I. I. Popova [Across the Borders of Languages and Cultures: Tales of the Don Kalmyks Recorded by I. I. Popov] // The New Philological Bulletin. 2021. No. 1(56). P. 388–398.

Горяева 20216: *Горяева Б. Б.* Малые жанры фольклора калмыков: проблемы перевода (на материалах И. И. Попова) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 214–228.

Goryaeva B. B. Malye zhanry fol'klora kalmykov: problemy perevoda (na materialah I. I. Popova) [Translation Problems of Minor Kalmyk Folklore Genres: An Insight into Materials of Ivan I. Popov] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2021. No. 4. P. 214–228.

Инедиты... 2021: «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: несказочная проза и малые жанры» / сост., перевод Б. Б. Горяевой, С. В. Мирзаевой, Д. В. Убушиевой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 424 с.

Inédites of Kalmyk folklore from I. I. Popov's archive': non-fairytale prose and small genres / comp., translated by B.B. Goryaeva, S.V. Mirzayeva, D.V. Ubushieva. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2021. 424 p.

Иориш 2003: *Иориш И. И.* Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева // Mongolica-VI. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 26–27.

Iorish I.I. Vazhneishie sobytiya zhizni i deyatel'nosti A. M. Pozdneeva [The Most Important Events in the Life and Work of A. M. Pozdneev] // Mongolica-VI. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. P. 26–27.

Меняев 2011: *Меняев Б. В.* Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного Учения» // Научная мысль Кавказа. 2011. \mathbb{N}_2 1. Ч. 2. С. 76–78.

Menyaev B. V. Zhanrovye osobennosti ojratskogo literaturnogo pamyatnika «Skazanie nektarnogo Ucheniya» [Genre Features of Oirat Collection "Legend of the Nectarous Doctrine] // Scientific thought of Caucasus. 2011. No. 1. Ch. 2. P. 76–78.

Мирзаева 2020а: *Мирзаева С. В.* Рукопись И. И. Попова «Загадки донских калмыков»: предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 399–411.

90

Mirzaeva S. V. Rukopis' I. I. Popova «Zagadki donskih kalmykov»: predvaritel'nye zamechaniya [I. I. Popov's Manuscript Named "The Riddles of the Don Kalmyks": Some Preliminary Notes] // The New Philological Bulletin. 2020. No. 4(55). P. 399–411.

Мирзаева 20206: *Мирзаева С. В.* О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 790–803.

Mirzaeva S. V. O narodno-bytovoj tradicii zagadyvaniya zagadok u donskih kalmykov (po materialam I. I. Popova) [Don Kalmyks: the Folk Tradition of Riddle-Telling Revisited (a Case Study of I. Popov's Materials)] // Oriental Studies. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 790–803.

Мирзаева 2021: *Мирзаева С. В.* К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 297–318.

Mirzaeva S. V. K synu Esugeya, izbrannomu vladyke Chingis-hanu, vzyval ya devyat' raz: tekst Uryus sara v zapisi I. I. Popova [To Mighty Lord Genghis Khan, the Son of Yesükhei, I Pray Nine Times: An Üres Sara Text Recorded by Ivan I. Popov] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2021. No. 3. P. 297–318.

Номикосов 1900: *Номикосов С.* Ф. Очерк коневодства в Области войска Донского: по данным, добытым военно-конской переписью 1898 года. Новочеркасск: Обл. Войска Донск. тип., 1900.

Nomikosov S. F. Ocherk konevodstva v Oblasti vojska Donskogo: po dannym, dobytym voenno-konskoj perepis'yu 1898 goda [An essay on horse breeding in the Don Army Region: according to the data obtained by the military horse census of 1898]. Novocherkassk: Obl. Vojska Donsk. tip., 1900.

Номинханов 1967: *Номинханов Ц.-Д.* Наследие калмыковеда И. И. Попова // Ученые записки КНИ-ИЯЛИ. Серия «Филология». Элиста, 1967. Вып. 5. С. 151–154.

Nominkhanov Ts.-D. Nasledie kalmykoveda I. I. Popova [Heritage of I. I. Popov, the scholar in Kalmyk tradition] // Uchenye zapiski KNIIYALI. Vol. 5. Seriya "Filologiya". P. 151–154.

Очерки географии... 1919: Очерки географии Всевеликого Войска Донского / сост. В. В. Богачев. Новочеркасск: Отд. нар. просвещения Всевеликого Войска Дон, 1919 (обл. 1918). Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo [The Essays on the Geography of the All-Great Don Army]. Novocherkassk: Otd. nar. prosveshcheniya Vsevelikogo Vojska Don, 1919 (obl. 1918).

ПКОВД 1890: Памятная книжка области Войска Донского на 1890 год. Новочеркасск: Типография А. А. Карасева, 1890.

Pamyatnaya knizhka oblasti vojska Donskogo na 1890 god [The commemorative book of the Don army region for 1890]. Novocherkassk: Tipografiya A. A. Karaseva, 1890.

ПКОВД 1899: Памятная книжка области Войска Донского на 1899 год / под редакцией Ф. С. Савченкова. Новочеркасск: Областная в. Д. Типография, 1899

Pamyatnaya knizhka oblasti Vojska Donskogo na 1899 god [The commemorative book of the Don army region for 1899]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. Tipografiya, 1899.

ПКОВД 1914: Памятная книжка области Войска Донского на 1914 год. Новочеркасск: Эл. Типография Ф. Туникова, 1914.

Pamyatnaya knizhka oblasti Vojska Donskogo na 1914 god [The commemorative book of the Don army region for 1914]. Novocherkassk: El. Tipografiya F. Tunikova, 1914.

ПКОВД 1915: Памятная книжка области Войска Донского на 1915 год. Новочеркасск: Областная в. Д. Типография, 1915.

Pamyatnaya knizhka oblasti Vojska Donskogo na 1915 god [The commemorative book of the Don army region for 1915]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. Tipografiya, 1915.

Попов 1919: Попов И. И. Донские калмыки. Новочеркасск: Часовой. 1919. 50 с.

Popov I. I. Donskie kalmyki-kazaki [The Don Kalmyks-Cossacks]. In: Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays on the Geography of the Greatest Don Cossack Host]. Comp. by V.V. Bogachev. Novocherkassk: Otdel narodnogo prosveshcheniya Vsevelikogo Voiska Donskogo. P. 284–329.

Сазыкин 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. М.: Наука, 1988.

Sazykin A. G. Katalog mongol'skih rukopisej i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR [Catalogue of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. M.: Nauka, 1988.

Убушиева 2011: Убушиева Д. В. Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 168–173.

Ubushieva D. V. Pesnya «O bitve bogatyrya Alogo Hongora s Avlangi hanom» v zapisi ot Badmy Obushinova (k voprosam tekstologii) [«About the Battle of the Epical Hero Ulan Khongr with Avlangi Khan» Recorded from the Don Kalmyk B. D. Obushinov] // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [Oriental Studies]. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 168–173.

Убушиева 2016: Убушиева Д. В. Археографическое описание сказок донских калмыков, записанных собирателем И. И. Поповым // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 130–134.

Ubushieva D. V. Arheograficheskoe opisanie skazok donskih kalmykov, zapisannyh sobiratelem I. I. Popovym [The Archeografic Description of Fairy Tales of the Don Kalmyks, Recorded by the Collector I. I. Popov] // Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2016. Vol. 10. No. 4. P. 130–134.

Убушиева 2017: *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 139–151.

Ubushieva D.V. Kumulyativnye obrazcy v kollekcii skazok I. I. Popova [Cumulative Fairy Tales from I. I. Popov's Collection] // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [Oriental Studies]. 2017. No. 3. P. 139–151.

Убушиева 2018: *Убушиева Д. В.* Кумулятивные сказки донских калмыков из фонда И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 3. С. 64–90.

Ubushieva D. V. Kumulyativnye skazki donskih kalmykov iz fonda I. I. Popova [Cumulative tales of the Don Kalmyks from the I. I. Popov Foundation] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2018. No. 3. P. 119–133.

Убушиева 2020а: Убушиева Д. В. Песнь «Об Улан Хонгоре» донского калмыка Б. Обушинова в записи И. И. Попова (1901 г.) // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 388–398.

Ubushieva D. V. Pesn' «Ob Ulan Hongore» donskogo kalmyka B. Obushinova v zapisi I. I. Popova (1901 g.) [Song "About Ulan Khongor" by Don Kalmyk B Obushinov in the record of I. I. Popov (1901)] // The New Philological Bulletin. 2020. No. 4(55). P. 388–398.

Убушиева 20206: Убушиева Д. В. Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 233–250.

Ubushieva D. V. Inedity kalmyckogo fol'klora iz fonda I. I. Popova: tematicheskaya klassifikaciya obrazcov ustnoj neskazochnoj prozy [Inedites of Kalmyk folklore from collection of I. I. Popov: thematic classification of oral non-fabulous prose samples] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2020. No. 3. P. 233–250.

Убушиева 2021а: *Убушиева Д. В.* Мифология ежа в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. 2021. № 2(57). С. 392–403.

Ubushieva D. V. Mifologiya ezha v kalmyckom fol'klore [Mythology of Hedgehog in Kalmyk Folklore] // The New Philological Bulletin. 2020. No. 2(57). P. 392–403.

Убушиева 20216: *Убушиева Д. В.* Инедиты калмыцкого фольклора: коллекция И. И. Попова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 153–160.

Ubushieva D. V. Inedity kalmyckogo fol'klora: kollekciya I. I. Popova [Unpublished Kalmyk Folklore: I. I. Popov's Collection] // Traditional Culture. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 153–160.

Убушиева 2021в: *Убушиева Д. В.* О рукописи И. И. Попова № 13805 из Государственного архива Ростовской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 95–81.

Ubushieva D.V. O rukopisi I. I. Popova № 13805 iz Gosudarstvennogo arhiva Rostovskoj oblasti [The Handwritten Book of Kalmyk Folktales by I. I. Popov: An Archaeographic Description] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2021. No. 2. P. 95–81.

Убушиева 2022: *Убушиева Д. В.* Калмыцкий рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 119–133.

Ubushieva D. V. Kalmyckij rukopisnyj obryadnik «durnyh predznamenovanij» v zapisi I. I. Popova [Ivan I. Popov's Handwritten Book of Kalmyk Rituals to Avert 'Bad Omens' Reviewed] // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2022. No. 1. P. 119–133.

92

IVAN IVANOVICH POPOV AND HIS COLLECTION OF KALMYK FOLKLORE

Danara V. Ubushieva

The article is devoted to the collector of Kalmyk oral folk art I. I. Popov and the description of his folklore collection. His handwritten books are kept in the State archive of the Rostov region and in the Mongolian fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Folklore collection of I. I. Popov according to the time of recording, is one of the earliest and contains nine handwritten books in which the song of the epic "Dzhangar", fifty-one fairy tales, legends, fables, proverbs, sayings, riddles, omens, rites, Buddhist writings, ritual texts of the Uryus Sar holiday, the sutra of the White Elder, the tale of the bone and much more are recorded. The dates of the life and death of I. I. Popov have been established (1859–1925), and it is also documented that the collector of Kalmyk folklore had a candidate of law degree and worked as a justice of the peace from 1899–1914. The introduction of this collection into scientific circulation will expand scientific knowledge on the culture of the Kalmyks, will allow to a certain extent to take a fresh look at the connections of Kalmyks folklore with other related and unrelated peoples and will also give Mongolists the opportunity for typological research.

Key words: Ivan Ivanovich Popov, "clear letter", recording and preservation of Kalmyk folklore, epic "Dzhangar", fairy tales, legends, proverbs, sayings, riddles, omens, rites, Buddhist writings, ritual texts of the Uryus Sar holiday, the White Elder sutra, bone telling, comments, translation into Russian.

Acknowledgement: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20012-00287 'Inédites of Kalmyk Folklore from I. I. Popov's Archive'.

About the author: **Danara V. UBUSHIEVA**. Cand. Sci. (Philology), independent researcher (Russian Federation) (bib.danara@yandex.ru) ORCID 0000-0002-5547-4006.

научная жизнь

УДК 65.012.63 DOI: 10.48612/IVRRAN/7bte-ufrg-4p1e

Ю. В. Болтач Институт восточных рукописей РАН

ОДИННАДЦАТЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ (Санкт-Петербург, 28 ноября 2022 г.)

Об авторе: Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (julia.boltach@gmail.com) ORCID 0000-0001-9325-7101.

© ИВР РАН, 2023 © Болтач Ю.В., 2023

28 ноября 2022 г. в ИВР РАН состоялись Одиннадцатые петербургские тибетологические чтения, организованные ИВР РАН при участии Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй».

Тибетологические чтения проводятся на регулярной основе в ИВР РАН с 2012 г. по инициативе к. ф. н. А. В. Зорина. Эта конференция объединяет ученых из различных учреждений науки, образования и культуры России и других стран, предлагая к обсуждению широкий круг вопросов, связанных с изучением религии, истории, литературы, языка и искусства Тибета.

Участниками Одиннадцатых тибетологических чтений были специалисты по тибетологии и смежным дисциплинам из Санкт-Петербурга (13 из ИВР РАН, 3 из СПбГУ, 1 из МАЭ РАН, 1 из Государственного Эрмитажа, 4 из Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй», 1 из издательства «Нартанг», 1 независимый исследователь), а также из Улан-Удэ (2 из ИМБТ СО РАН), Элисты (1 из КГУ им. Б. Б. Городовикова, 1 из КалмНЦ РАН) и Нижнего Новгорода (1 из НГЛУ им. Н. А. Добролюбова). Доклады иногородних участников прошли в дистанционном формате.

На открытии конференции выступили директор Института восточных рукописей РАН,

д. и. н., чл.-корр. РАН И. Ф. Попова, которая в своем приветственном слове осветила историю формирования и исследования тибетского фонда ИВР РАН (Азиатского музея), и Дид Хамбо БТСР, Ширээтэ лама (Глава) ЦРО «Гурбан Эрдэни (Три драгоценности)», Ширээтэ лама Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» Б. Б. Бадмаев, подробно рассказавший о строительстве второго буддийского храма в Санкт-Петербурге, а также о повышении квалификации буддийских священнослужителей и о социальных проектах Буддийской традиционной Сангхи России.

На утреннем заседании «Современное состояние буддийской традиции. История Тибета. История тибетологии в России» (председатель — к. филос. н. Т. В. Ермакова) прозвучало шесть докладов.

В сообщении «Деятельность Санкт-Петербургского Дацана в контексте программы повышения квалификации "Буддизм в России"» (И. В. Васильева, Фонд развития буддийской культуры, Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй») был презентован проект Санкт-Петербургского Дацана по повышению профессионального уровня буддийских священнослужителей в области традиционных буддийских наук (включая тибетскую медицину) и современных практических знаний. 94 Научная жизнь

Открытие конференции. Приветственное слово директора ИВР РАН, чл.-корр. РАН, д.и.н. И. Ф. Поповой (фото Н. В. Захаровой)

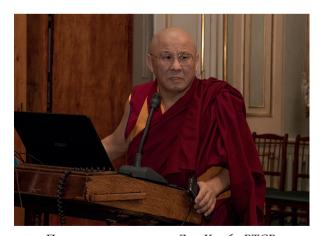
Кроме того, было уделено внимание работе администрации Дацана по расширению и благоустройству территории храма (проводимой на основе архивных документов о приобретении земли Агваном Доржиевым и строительстве на ней зданий монастырского комплекса), по восстановлению усадьбы выдающегося буддолога Ф. И. Щербатского в Лютке (Ленинградская область) и по строительству второго буддийского храма в Коломягах.

Доклад «Начальные строфы IX главы (О совершенстве понимания) в сочинении Шантидевы "Вступление в деятельность бодхисаттвы"» (к. и. н. Р. Н. Крапивина, ИВР РАН) был посвящен важнейшему философскому тексту VIII в., содержащему обзор шести совершенств-парамит, которые определяют деятельность бодхисаттвы. Хотя это произведение не входит в обязательную программу монастырских школ, оно широко популярно среди носителей тибетской буддийской традиции. Этот текст ранее дважды переводился на русский язык, но оба раза с английского. Представленный в сообщении перевод выполнен с тибетского языка с учетом 11 традиционных комментариев, выявленных и собранных докладчиком в ходе командировки в Непал (эти комментарии впервые вводятся в научный оборот), а также материалов устной комментаторской традиции.

В дистанционном сообщении «Ислам в Тибете: история и современность» (Г. В. Кашенина, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) содержалось

изложение истории распространения этой религии в Тибете, а также характеристика ее влияния на различные сферы общественной жизни традиционного Тибета и анализ роли ислама в современном тибетским социуме.

Дистанционное выступление «О посольстве калмыцкого хана Дондук-Даши в Тибет» (Б. Л. Митруев, КалмНЦ РАН) было посвящено одному из важных моментов в истории калмыцкого народа — а именно, посольству, направленному после смерти хана Дондук-Омбо (1741 г.) к Далай-ламе с целью получения инвеституры для следующего правителя, хана Дондук-Даши. Предварительная дипломатическая переписка между русским и китайским двором по поводу планируемой поездки калмыцких посланцев в Тибет заняла долгое время, поэтому посольство отправилось путь с большим запозданием и прибыло в Лхасу (через Пекин, где калмыки были приняты императором Цяньлуном) только в 1757 г. На основе тщательного анализа исторических источников докладчик пришёл к выводу, что члены посольства получили аудиенцию у тяжело больного Далай-ламы за несколько дней до его смерти, но, вероятнее всего, он не успел пожаловать им ни печать, ни грамоту. После этого калмыцкие посланцы посетили других высших буддийских иерархов, включая Панчен-ламу, и через Китай (где приняли участие в праздновании дня рожде-

Приветственное слово Дид Хамбо БТСР, Ширээтэ ламы (Главы) ЦРО «Гурбан Эрдэни (Три драгоценности)», Ширээтэ ламы Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» Б. Б. Бадмаева (фото Н. В. Захаровой)

Дистанционное выступление к.ф.н. Э.О. Уляевой (КГУ им. Б. Б. Городовикова) (фото Н. В. Захаровой)

ния императора Цяньлуна) вернулись на родину. Хороший приём, оказанный посольству в Китае, мог впоследствии послужить важным фактором в пользу решения торгутов и хошутов откочевать в Джунгарию (1771 г.).

Выступление «Тибет (очерк истории и культуры) по архивным материалам Н. П. Шастиной» (к.ф.н. С. С. Сабрукова, ИВР РАН) вводило в научный оборот ценные материалы из Архива востоковедов ИВР РАН. В сообщении был представлен составленный Ниной Павловной Шастиной (1898–1980) проспект к написанию очерка о Тибете объемом 7,5 п. л. Эта работа так и осталась в стадии проекта, но ее план, отраженный в проспекте, представляет большой научный интерес, поскольку в нем логично и последовательно структурированы все основные моменты, связанные с историей и современным состоянием Тибета.

В докладе «Научные связи С.Ф. Ольденбурга в тибетологии» (к.филос.н. Т. В. Ермакова, ИВР РАН) была рассмотрена история сотрудничества С.Ф. Ольденбурга с иностранным членом-корреспондентом РАН А. Грюнведелем в области исследования и каталогизации предметов буддийского искусства, а также установлена роль С.Ф. Ольденбурга в публикации подготовленного А. Грюнведелем каталога коллекции Э. Э. Ухтомского. Кроме того, в сообщении была проанализирована научно-общественная деятельность С.Ф. Ольденбурга по поддержанию контактов с буддийским

сообществом России. По итогам доклада были сделаны общие выводы о характере международных научных связей в востоковедении рассматриваемого периода, которые сводились преимущественно к приглашениям исследователей в другие страны для научной деятельности, взаимному рецензированию работ и совместной подготовке публикаций.

На дневном заседании «Филология. Источниковедение. Искусствоведение» (председатель — к. и. н. Ю. В. Болтач) было представлено семь докладов.

Совместное сообщение «Тибетская лингвистическая традиция в тибетско-монгольском словаре "Море имен"» (к. ф. н. Н.С. Яхонтова, ИВР РАН; О. В. Джангольская, независимый исследователь) содержало сравнение структуры тибетской части тибетско-монгольского словаря «Море имен» (1718 г.) и его источников — классических тибетских грамматических трудов «Сумчупа» и «Тагкьиджугпа», приписываемых Тхонми Самбхоте (VII в.). В докладе была проанализирована оригинальная методика преподавания последовательности построения слогов тибетского языка, детально разработанная автором словаря «Море имен» (всего более 10 000 примеров возможных комбинаций букв).

Дистанционный доклад «О трудностях приглашения Атиши в Тибет в сочинении Кенсур Агван Нимы (1907–1990) "Светильник размышлений"» (В. В. Хартаев, ИМБТ СО РАН)

Во время заседания (фото Н. В. Захаровой)

был посвящен произведению выдающегося представителя тибетской буддийской традиции Кенсур Агван Нимы и отражению в этом сочинении преданий об обстоятельствах приглашения из Индии известного ученого Атиши, который восстановил буддизм в Тибете после гонений Ландармы.

В дистанционном докладе «Чахар-геше Лосанг Цултим (1740-1810): "Сердце намтара" Дже Цонкапы» (Б. Л. Тушинов, ИМБТ СО РАН) был представлен перевод XI главы сочинения известного монгольского учёного Чахар-геше Лобсанг Цультима (1740-1810) «Источник всех благ и счастья: жизнеописание великого всеведущего Дже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом». В данной главе содержится перечисление ключевых моментов биографии великого реформатора, основателя школы Гелук Дже Цонкапы Лобсанга Дакпы (1357–1419), призванное побудить слушателей, сообразно их склонностям и способностям, практиковать слушание, размышление и медитацию, а также приносить пользу Дхарме и живым существам.

Дистанционное сообщение «Транслатологический ракурс сопоставительного исследования лексикона ойратской версии "Субхашиты" Сакья-пандиты и ее тибетского оригинала» (к. ф. н. Э. У. Омакаева, КГУ им. Б. Б. Городовикова) содержало общую характеристику памятника и очерк истории его бытования в монголоязычной среде, а также обзор традиционных (выполненных до XX в.) переводов этого текста на монгольский язык и современных переводов на европейские языки, включая русский. В докладе был представлен сравнительный анализ традиционных монгольских переводов и тибетского оригинала и выявлены основные способы передачи на монгольском языке тибетских и санскритских имён и терминов.

В совместном выступлении «Тибетский ксилограф из Тангутского фонда ИВР РАН» (к. и. н. С. Х. Шомахмадов, ИВР РАН; К. В. Коростелева, ИВР РАН) были изложены результаты реставрации и исследования ксилографа религиозного содержания из Хара-Хото. При

работе с этим памятником, представленным в собрании ИВР РАН несколькими оттисками с одного и того же клише, была проведена его физическая реставрация (закреплена разрушающаяся бумага) и затем осуществлена цифровая реконструкция изображения, включавшего в себя контурные рисунки пятиярусной пагоды, восседающего перед ней Будды и двух парящих в воздухе апсар, а также текст дхарани на санскрите. По мнению докладчиков, этот ксилограф принадлежал к числу дешевых изданий, предназначенных для бесплатной раздачи верующим.

В докладе «Две деревянные маски цама из коллекции Государственного Эрмитажа» (к. и. н. Ю. И. Елихина, Государственный Эрмитаж) были представлены результаты исследования и идентификации двух масок цама, происходящих из Сиккима и датируемых XIX в. Как было показано докладчиком на основе сравнения этих масок с архивными фотографиями и аналогичными предметами, находящимися в собраниях разных музеев, одна из этих масок изображает божество горы Канченджанги, а вторая — особую форму Махакалы, божества-покровителя Сиккима.

Дневное заседание завершилось сообщением «Тибетское влияние на буддийское искусство Кореи (на материале картин "квэбуль")» (к. и. н. Ю. В. Болтач, ИВР РАН), в котором был дан обзор культурно-религиозных контактов между государством Корё и империей Юань и представлены корейские буддийские изображения «квэбуль» (огромные картины-свитки, вывешиваемые на всеобщее обозрение по буддийским праздникам), которые, по мнению современных исследователей, имеют сходство с аналогичными картинами, характерными для тибетской традиции.

Чтения прошли на высоком научном уровне. Доклады вызвали оживленную дискуссию и значительный интерес аудитории. Участники заседаний получили приглашение представить представленные на конференции материалы в виде статей в публикуемых ИВР РАН научных журналах.

THE ELEVENTH ST. PETERSBURG SEMINAR OF TIBETAN STUDIES

(St. Petersburg, November 28, 2022)

Iuliia V. Boltach Institute of Oriental Manuscripts RAS

About the author: Iulia V. Boltach, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg, Russian Federation) (julia.boltach@gmail.com) ORCID 0000-0001-9325-7101.

Т. Г. Басангова

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова

ТРУДЫ ФОЛЬКЛОРИСТОВ КАЛМЫЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Б. Б. ГОРОДОВИКОВА ЗА 2022 ГОД

Об авторе: Басангова Тамара Горяевна, доктор филологических наук, заведующий сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия) (basangova49@yandex.ru) ORCID 0000-0002-4415-3530.

© ИВР РАН, 2023

© Басангова Т. Г., 2023

Авторефераты, диссертации

Менкенова К. В. Религиозно-культовые элементы буддизма в сказочном фольклоре калмыков. Майкоп, 2022. 23 с. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 10.01.09 — Фольклористика.

Менкенова К. В. Религиозно-культовые элементы буддизма в сказочном фольклоре калмыков. Майкоп, 2022. 181 с. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 10.01.09 — Фольклористика.

Монографии

Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков 10 п.л. в печати.

Инедиты калмыцкого фольклора из архива И.И. Попова: несказочная проза и малые жанры /сост., перевод Б. Б. Горяева, С. В. Мирзаева, Д.В. Убушиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 424 с.: ил.

Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.

Устное народное творчество калмыков (экспедиционные аудиоматериалы 1960–1970-х годов из Научного архива КалмНЦ РАН. Вступ. статья, расшифровка, подготовка к печати, приложение И. М. Болдыревой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 476 с. На калм. языке.

Статьи

Басангова Т. Г. О калмыцких скороговорках // Традиционная культура. 2022 Т. 23. № 3. С. 118–123.

Басангова Т. Г. Вербальный компонент в калмыцких народных играх// Известия ВГПУ. № 9. 2022. С. 159–166.

Басангова Т. Г. Образ ласточки в калмыцком и карачаево-балкарском фольклоре // Северо-Кавказская фольклористика: история и современность. Сборник статей в честь 75-летия Х. Х. Малкондуева. Нальчик, 2022. С. 30–37.

Басангова Т. Г. Топонимы и топонимические предания калмыков // Ономастика Поволжья. Материалы XX Международной научной конференции. г. Элиста, 5–7 октября 2022 года. Волгоград, 2022. С. 130–132.

Борлыкова Б. Х. Апеллятивы в калмыцких и сарт-калмыцких гидронимах // В сборнике: Ономастика Поволжья. Материалы XX международной научной конференции. Сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград, 2022. С. 135–138.

Борлыкова Б. Х. Ранние записи калмыцких песен об отечественной войне 1812 // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9(172). С. 169–174.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. Калмыцкие песни, посвященные ойратской знати xvii-xviii веков // Mongolica. 2022. Т. 25. № 3. С. 51–60. DOI: 10.25882/df9n-nq46.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., Басанова Т. В. Образные параллелизмы в сарт-калмыцких пословицах // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 3. С. 124–134. Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. О письменных источниках сарт-калмыков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 74–81. Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. Песни донских калмыков в записи А. М. Листопадова // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 222–238.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. Фольклор сарт-калмыков Киргизии: тексты и аудиозаписи//Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 2. С. 42-55.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. К вопросу изучения нарицательной лексики сарт-калмыцких песен (по экспедиционным материалам) // Урало-Алтайские исследования. научный журнал. № 4(47). 2022. С. 28–53.

Горяева Б. Б., Убушиева Д. В. Мотив рождения героя в сказочно-эпической традиции калмыков // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 385–399.

Горяева Б. Б. Мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип AT 508 «Благодарный мертвец» // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 394–406.

Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The extraordinary companions // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 106–118.

Манджиева Б. Б. Мотивы в эпических песнях джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 361–375.

Манджиева Б. Б. Разновременные записи песни «Шара Гюргю» эпоса «Джангар»: сохранность текста // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 29–41.

Манджиева Б. Б. Синьцзян-ойратские сказители: носители и хранители эпической традиции «Джангара» // Oriental Studies. 2022. № 15(4). C. 882–894.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение песен «Джангара» из эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14. № 1. С. 197–211.

Манджиева Б. Б. Международный фестиваль сказителей «Эпосы мира на земле потомков Джангара». Эпосоведение. № 4. С. 111–114.

Меняев Б.В, Борлыкова Б. Х. өөрд-моңһл нүүдлчнрин эдин болн оюни сойл сарт-хальмг үлгүр үгмүдт // nomadic civilization: historical research. 2022. Т. 2. № 1. С. 93–99.

Меняев Б. В. Рукописные материалы на ойратском языке из фондов Лаганского филиала национального музея республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9(172). С. 154–158.

Меняев Б. В. Собрание рукописей на ойратском языке в Улан-хольском хуруле Калмыкии // Ориенталистика. 2022. Т. 5. № 5. С. 1113–1132.

Убушиева Д. В. Калмыцкий рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 119–133.

Danara V. Ubushieva Archaic Core of The Kalmyk Epic "Djanggar" // Studies on Cultures along the Silk Road = Исследования культур вдоль Великого Шелкового пути. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, Chinese Academy of Social Sciences = Будапешт: Венгерская академия наук, Китайская академия общественных наук. 2022. Vol. 3. P. 24–42.

Убушиева Д. В. Медведь в калмыцком фольклоре: реконструкция по сравнительно-типологическим признакам // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 616–627.

Убушиева Д. В. Пролог раннего Багацохуровского цикла как «осколок» архаического сказания ойратов: реконструкция сюжетно-мотивной схемы // Новый филологический вестник. 2022. № 3. С. 407–425.

Омакаева Э. У. Русские и китайские пословичные тексты о счастье в зеркале современной риторики и общей теории клише в интерпретации проф. Ю. В. Рождественского // В сборнике: Наследие трудов Ю. В. Рождествен-

100 Научная жизнь

ского в XXI в. к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича Рождественского (1926–1999): сборник статей по материалам научной международной конференции. Москва, 2022. С. 130–141.

Хабунова Е. Э. Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417.

Хабунова Е. Э. Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012-2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1422–1431.

Хабунова Е. Э. Сохранность традиционного фольклора калмыков в современных условиях (данные экспедиций калмыцкого государственного университета 2012–2017 гг.) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Программа и тезисы докладов Восьмого международного научного форума. Москва, 2022. С. 194.

Рецензии

Басангова Т. Г. Рецензия на монографию «Алтай ойындардын оос чумделгези» («Алтайский игровой фольклор»), Горно-Алтайск, 2021. 170 с. Составитель, переводчик, автор предисловия и комментариев С. В. Абысова // Эпосоведение. № 1. 2022. С. 115–116.

Басангова Т. Г. Рецензия на монографию Илларионов В. В. Якутская полевая фольклористика 70–90-х годов XX века: опыт научной саморефлексии. Якутск: Алаас, 2021. 144 с. // Эпосоведение. № 3. 2022. С. 113–115.

Библиографии

Т. Г. Басангова. Труды по калмыцкой фольклористике. Обзорная статья // Mongolica. 2002. т. 25. № 2.

Tamara G. Basangova Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

WORKS OF FOLKLORISTS OF KALMYK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER B.B. GORODOVNIKOV PUBLISHED IN 2022

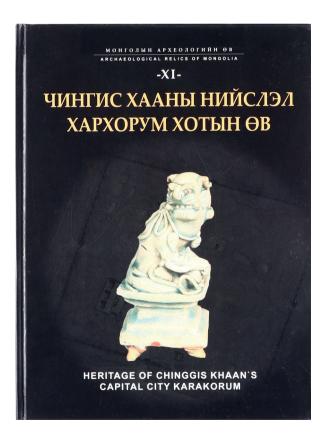
About the author: **Tamara G. Basangova**, Dr. Sci. (Philology), Head of the Section of the International Research Center "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space", Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation) (basangova49@yandex.ru) ORCID 0000-0002-4415-3530.

H. В. Ямпольская Институт восточных рукописей РАН

Рец. на: ЧИНГИС ХААНЫ НИЙСЛЭЛ ХАРХОРУМ ХОТЫН ӨВ / Ред. А. Энхтөр, ерөнхий ред. Г. Эрэгзэн, С. Чулуун. 2021. –244 х.: ил. (Монголын Арехеологийн өв цуврал зурагт цомог/ гл. ред. Г. Эрэгзэн, С. Чулуун. Том 11) — ISBN 978991997751-1 (на монгольском языке).

Об авторе: Ямпольская Наталия Васильевна, Ph. D., старший научный сотрудник, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). (nataliayampolskaya@yandex.ru) ORCID 0000-0002-2198-768X.

- © ИВР РАН, 2023
- © Ямпольская Н. В., 2023

Издание «Наследие города Каракорум — столицы Чингис-хана» представляет собой иллюстрированный каталог избранных музейных предметов, связанных с раскопками

на территории старинной столицы монгольской империи. Публикация каталога приурочена к отмечавшемуся в 2020 г. 800-летию со дня основания Каракорума и вышла в серии «Археологическое наследие Монголии» (монг. Монголын археологийн $\theta в$), том XI. Том опубликован под грифом Института археологии Монгольской академии наук при содействии музея Чингис-хана, открывшегося в Улан-Баторе в 2022 г. Издание открывает приветствие директора музея — академика С. Чулууна, в котором сформулирована основная задача публикации: представить избранные образцы археологических находок, сделанных в Каракоруме на протяжении всей истории его изучения, и познакомить читателя с последними исследовательскими открытиями в этой области.

Основанный в 1220 г. город Каракорум был столицей Монгольской империи в 1235–1260 гг. Об облике и жизни города известно прежде всего из описания, оставленного францисканским монахом Гильомом де Рубруком, посетившим двор великого хана Мункэ в 1253–1255 гг. Раскопки на территории Каракорума начались в конце XIX в. (экспедиции В. В. Радлова, Н.М. Ядринцева, В.Л. Котвича), но особое место в их истории занима-

102 Научная жизнь

ет работа советско-монгольской экспедиции 1948-1949 гг. под руководством С.В. Киселёва. Именно в послевоенные годы были впервые осуществлены планомерные широкомасштабные раскопки, обнажившие культурный слой глубиной семь метров. Сделанные в эти годы находки (монеты, керамика, текстиль, предметы быта) подтвердили известные из источников сведения о том, что в начале XIII в. столица Монгольской империи была культурным центром, где процветали искусства и торговля. Тогда же были открыты и исследованы важнейшие археологические объекты Каракорума, в том числе здание, идентифицированное на этом этапе как дворец «Десяти тысяч [лет] благоденствия» (монг. Түмэн амгалант) хана Угэдэя, торгово-ремесленный квартал и «дом на перекрёстке». В последующие годы исследовательская группа Института истории МАН под руководством Н. Сэр-Оджава вела раскопки мусульманского кладбища в северной части города, а с 1999 г. основная работа выполнялась совместной монголо-германской экспедицией. Во вступительном слове составители каталога отмечают, что при кажущемся обилии вышедших за эти десятилетия публикаций имеет место нехватка материалов по истории и археологии Каракорума именно на монгольском языке. Чтобы восполнить эту лакуну, было принято решение структурировать каталог как последовательный рассказ о четырёх основных этапах изучения археологического наследия Каракорума, сопровождая историческую справку о каждой стадии раскопок публикацией изображений избранных предметов, обнаруженных в соответствующий период.

В первой главе «Начальный период изучения Каракорума» вкратце рассказано о ранней истории раскопок на территории города и находящегося поблизости монастыря Эрдэни-Дзу. Очерк о работе экспедиции В. В. Радлова сопровождают изображения более десятка эстампажей, опубликованных им в «Атласе древностей Монголии» (1892–1899), несколько фотографий памятников и план местности вокруг Эрдэни-Дзу из того же источника, а также факсимиле нескольких эстампажей, снятых с каменных стел в окрестностях Эрдэни-Дзу

и ранее опубликованных в Японии (в томе Research on the Extant Inscriptions of the Mongol Empire and the Yuan Dynasty in Mongolia: The Report of the Achievements of the Bichees Project, ed. Koichi Matsuda and Ayudai Ochir. Osaka International University, 2013). Помимо уже широко известных изображений, в разделе опубликованы ранее не издававшиеся полевые материалы экспедиции 1934 г. под руководством Д. Д. Букинича: фотоснимки знаменитых каменных черепах, планы местности и маршрута экспедиции (рисунки и рукопись самого Д. Д. Букинича), зарисовка одной из находок — фрагмента лепного орнамента.

Вторая глава посвящена работе монголо-советской экспедиции С.В. Киселёва 1948-1949 гг., наследие которой достаточно широко известно. Исторический очерк сопровождают фотографии, ранее публиковавшиеся в научных изданиях советского периода, затем следует каталог находок экспедиции, включающий 57 избранных предметов. Все предметы — керамика, изделия из металла, камня, кости, шёлка, фрагменты настенных росписей — хранятся в Государственном Эрмитаже и уже известны из публикаций Ю. И. Елихиной, а часть из них была описана ещё в книге «Древнемонгольские города», подготовленной С. В. Киселёвым и Н. Я. Мерпертом в 1965 г. В рецензируемом издании все предметы представлены с разных ракурсов на цветных фотографиях крупного формата и впервые сопровождаются аннотациями на монгольском языке.

Третья глава рассказывает о работе Института истории МАН в 1976–1984 гг., когда под руководством монгольских археологов Н. Сэр-Оджава и Д. Баяра на территории Каракорума начался новый этап раскопок. В период 1976–1980 гг. в северной части города обнаружены захоронения 37 человек, идентифицированные как мусульманские на основании сходства погребального обряда с золотоордынским. Этим находкам в издании уделено особое внимание: здесь опубликован не только план некрополя, но и 20 ранее не издававшихся фотографий и зарисовок из архива Института археологии МАН. В этом же разделе впервые опубликован план раскопок постройки, идентифицированной в

тот период как дворец *Тумэн амгалант* (позже немецкие исследователи интерпретировали это здание как храм) и 9 снимков полевых работ, проходивших на этом объекте в 1984–1985 гг. Далее представлены избранные находки экспедиции — четыре глазурованных керамических блюда юаньского периода, три из которых уже известны по каталогу 2010 г. «Чингис-хан и его преемники» (монг. *Чингис хаан ба тууний өв залгамжлагчид*).

Кроме того, в раздел включены два рельефных изображения человеческих лиц из вулканической породы размером 20 × 15 см, получившие известность как «маски фараонов». Эти предметы были случайно обнаружены в 1975 г. в сомоне Хархорин во время строительных работ и лишь через несколько лет привлекли внимание археологов, поэтому обстоятельства их обнаружения не были должным образом зафиксированы. Ассоциация с фараонами возникла на основании отдалённого стилистического сходства этих изображений с древнеегипетскими: сопроводительный текст апеллирует к головному убору, напоминающему по форме египетский немес, и форме бороды. Однако даже поверхностное сравнение с аутентичными древнеегипетскими изображениями выдаёт стилизацию (отсутствие ушей, форма бороды, носа, губ глаз и пр.). Не ясна и функция предметов: оба изображения имеют плоскую оборотную сторону, и масками могут быть названы лишь условно. Решение составителей включить эти предметы в каталог представляется спорным, и к вероятности их связи с историей Каракорума стоит относиться с осторожностью.

Завершающий, и самый объёмный, четвёртый раздел каталога посвящён работе монголо-германской экспедиции, проводившей раскопки в Каракоруме в течение последних десятилетий. В этот период были полностью освоены участки центральной части города, дворцового комплекса и ремесленного квартала. Во вводном тексте рассказано о том, какие находки помогли реконструировать облик здания в юго-западной части города, ранее известного как дворец Угэдэя, теперь же интерпретируемого как культовая постройка — храм в форме пагоды, имевший высоту более 90 м.

Результаты раскопок указывают на то, что фундамент храма был заложен ещё при Угэдэе, а завершилось строительство в середине XIII в., в период правления хана Мункэ. Цифровая реконструкция предполагаемого облика этой постройки представлена на сопровождающих текст иллюстрациях вместе с рядом фотографий, освещающих процесс раскопок. Сделанные на этом участке находки представлены в первой части раздела: это керамика, фрагменты буддийской скульптуры и лепного декора, датированные XIII-XIV вв. и обнаруженные в период 2001-2005 гг. Здесь помещены 35 фотографий и прорисовок предметов, уже известных по каталогу «Чингис-хан и его преемники», а также ранее не публиковавшихся вещей (61 предмет). В числе последних — ритуальные предметы из бронзы и латуни, украшения из камня и золота, фрагмент деревянного гребня, множество мелких фрагментов лепнины и скульптуры, золотые и серебряные монеты, фрагменты настенной росписи.

На участке, где располагался перекрёсток главных улиц города, сделано множество находок, связанных с жизнью ремесленного квартала Каракорума, в том числе — монеты, украшения, наковальня, материалы и заготовки для ювелирных работ. О раскопках на этом участке рассказано во второй части раздела. Материал организован по тому же принципу: вводный текст проиллюстрирован снимками полевых работ, затем следует каталог предметов. Здесь представлены изделия из бронзы и золота, керамика и монеты, уже опубликованные ранее в каталоге «Чингис-хан и его преемники» (73 предмета).

Каталог «Наследие города Каракорум» — единственное на сегодняшний день издание, в котором обобщённо рассказано обо всей истории раскопок на территории столицы Монгольской империи. Книга впервые последовательно рассказывает о наследии Каракорума на монгольском языке и ориентирована, в первую очередь, на широкую аудиторию внутри страны. Однако фотографии нескольких десятков археологических находок, впервые опубликованные в этом издании, делают его ценным для специалистов — историков, искусствоведов и монголоведов.

104 Научная жизнь

Rev. of the book: HERITAGE OF CHINGGIS KHAAN'S CAPITAL CITY KARAKORUM / Ed. A. Enkhtur; Comp. L. Munkhbayar, T. Batbayar. — Ulaanbaatar, 2021. — 244 p.: ill. (Archaeological Relics of Mongolia Catalogue Series / Eds.-in chief G. Eregzen, S. Chuluun) — ISBN 978991997751-1 (in Mongolian).

Natalia V. YAMPOLSKAYA Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

About the author: Natalia V. Yampolskaya, Ph.D. (Central Asia), Senior Researcher, Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of the Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russia). (nataliayampolskaya@yandex.ru) ORCID 0000-0002-2198-768X.

ПАМЯТИ Д. ЦЭДЭВА (1940–2023)

6 января 2023 г. ушёл из жизни известный монгольский писатель, литературовед, переводчик, общественный деятель Дожоогийн Цэдэв.

Д. Цэдэв родился в 1940 г. в сомоне Баян-овоо Баянхонгорского аймака Монголии. В 1963 г. окончил Монгольский государственный университет. В 1971 г. защитил диссертацию и получил звание кандидата филологических наук. Позже Д. Цэдэв успешно защитил докторскую диссертацию по текстологии. Долгие годы с 1977 по 1990 Д. Цэдэв возглавлял Союз писателей МНР. Также Цэдэв гуай являлся депутатом Великого Народного Хурала, заместителем председателя монгольского Комитета защиты мира. Лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель искусств Монголии.

Своё первое художественное произведение Дожоогийн Цэдэв опубликовал в 1957 г. Его перу принадлежат сборники «Сын Ундрал» («Удрал хүү», 1960), «Вкус кумыса» («Айргийн амт», 1970), «Добрый человек на земле» («Орчлонгийн сайхан хүн», 1970), «Думы» («Бодол», 1979), «Степные дорожки» («Талын харгуй», 1989), «Чистая душа» («Сэвтээ нь үгүй сэтгэл», 1992) и многие другие. Сюжеты рассказов и повестей автора основаны, как правило, на реальных событиях, а прототипами глав-

ных героев являются реальные люди. Так, например, действие повести «Колесо вселенной» («Орчлонгийн хүрд») разворачивается в Дзавханском аймаке в 30-е годы XX в. в период массовых репрессий. Главным героем этого произведения выступает реальное историческое лицо — лама Норов. Родственники спасают священнослужителя от преследований, но ему приходится много лет жить в лесу. Художественные произведения Д. Цэдэва переведены на многие языки мира. В переводах на русский язык Г. Матвеевой, Б. Намжилова, Е. Демидова вышли повести и рассказы Д. Цэдэва «Красная борцовская куртка», «Весенний снег», «Вкус кумыса», «Дождь», «Лесничий», «Над долиной клубится пыль», «Укрюк» (1982–1984) и другие.

Д. Цэдэв — автор текстов более чем 100 популярных песен и 30 романсов. Среди них «Золотая осень» («Алтан намар»), «Чистая душа» («Сэвтээ нь үгүй сэтгэл»), «Моя радость» («Насны баясгалан»), «Песня для народа» («Түмэндээ өргөх дуу») и других. Автор отмечал, что на его поэтическое творчество большое влияние оказали университетское филологическое образование и его научно-исследовательская работа. Настольной книгой доктора Цэдэва был сборник сочинений основоположника современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа.

In Memoriam

Доктор, профессор Д. Цэдэв внёс большой вклад в изучение истории и теории монгольской литературы. Хорошо известны его труды «Проблемы традиций и новаторства в литературе» («Уран зохиолын уламжлал, шинэчлэлийн зарим асуудал», 1968), «Традиции и новаторство монгольской поэзии» («Монголын яруу найргийн уламжлал, шинэчлэл», 1973), «Мастерство писателя» («Зохиолчийн урлах эрдэм», 1978), «Символика «Сокровенного сказания монголов» («Монголын Нууц товчоо» ны бэлэгдэл зүй», 2002), «Культурное наследие монгольской литературы» («Монголын утга зохиолын соёлын өв», 2016) и многие другие. Профессор Цэдэв уделял особое внимание художественному наследию монгольской литературы. Он подготовил к печати «Полное собрание сочинений Д. Нацагдоржа» («Д. Нацагдоржийн бүрэн түүвэр», 1996, 2006, 2016) в 2-х томах, «Полное собрание сочинений Ц. Дамдинсурэна» («Ц. Дамдинсүрэнгийн бүрэн түүвэр», 1998, 2001, 2008) в 4-х томах, «Полное собрание сочинений Б. Соднома» («Б. Содномын бүрэн түүвэр», 2008-2009, 2018) в 3-х томах, Совместно с исследователем из Внутренней Монголии Ван Мандугой выпустил «Полное собрание сочинений С. Буяннэмэха» («С. Буяннэмэхийн бүрэн түүвэр», 2008–2009) и «Наследие Б. Жамда» («Б. Жамдын өв», 2019) в 2-х томах. В своих предисловиях к этим изданиям профессор Цэдэв неизменно подчёркивал роль и значение творчества каждого писателя в развитии монгольской литературы.

Являясь председателем Союза писателей Монголии в течение 13 лет, Цэдэв гуай поддерживал постоянные тесные связи с советскими писателями. Дружеские отношения с российскими монголоведами он сохранял до последних дней. Вклад профессора, доктора филологических наук, литературоведа — исследователя, писателя, общественного деятеля Дожоогийн Цэдэва в монгольскую культуру XX–XXI вв. невозможно переоценить.

М.П. Петрова доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ